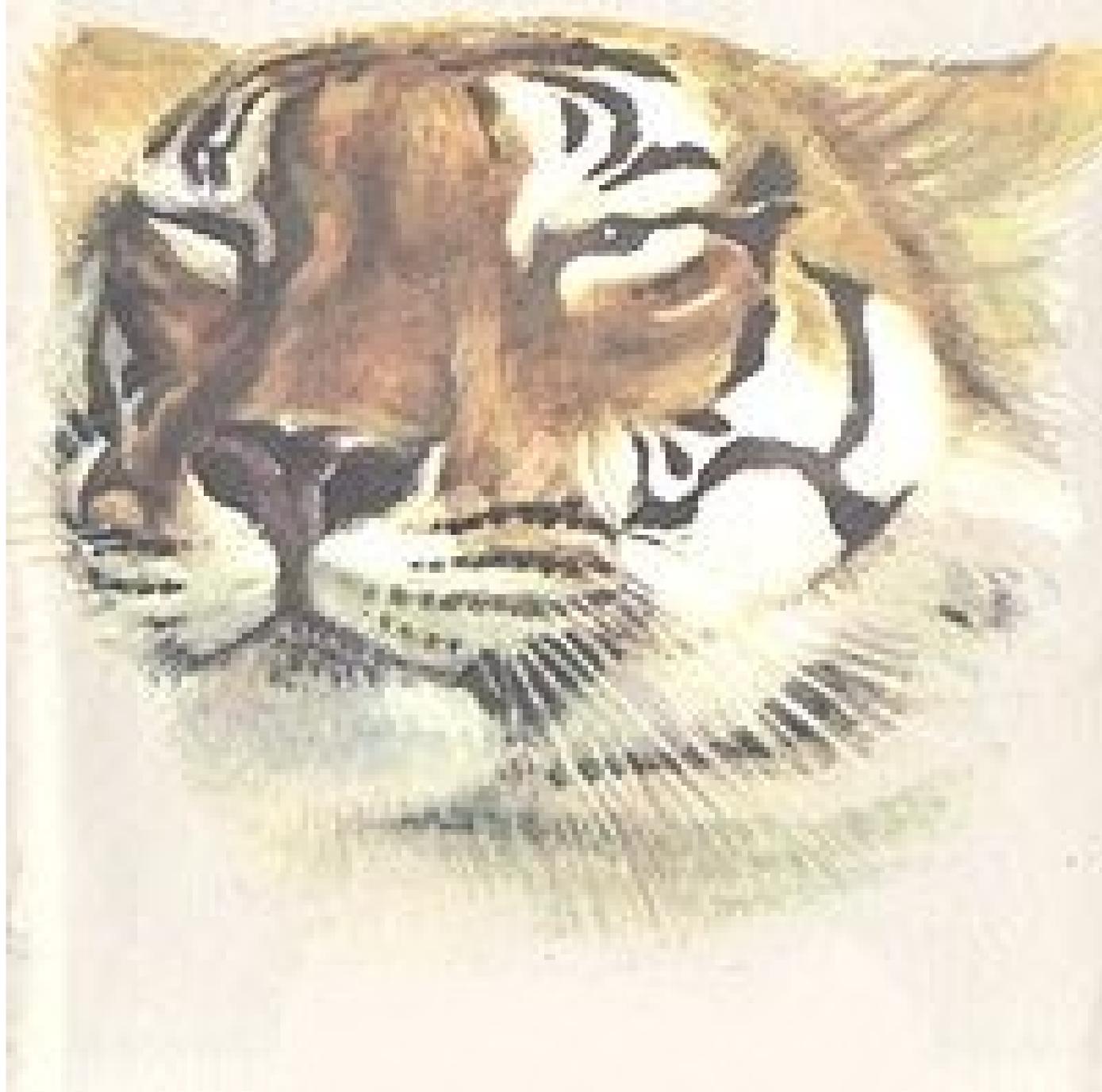

Джеральд
Даррелл

Звери в моей жизни

Москва
«Мир»

Звери в моей жизни //Мир, 1983
FB2: "Siegetower ", 2003-10-22, version 1.2
FB2: "Pretenders ", 2003-10-22, version 1.2
FB2: "NickNo " <nickno@mail333.com >, 2003-10-22, version 1.2
UUID: NickNo_Durrell_20_15247859-5DAD-46A4-9D8D-84DB717429CA
PDF: fb2pdf-j.20160627, coollib.net converter, Jun 19, 2023

Джеральд Даррелл

Звери в моей жизни

Воспоминания известного натуралиста Джеральда Даррела о работе в зоопарке Уипснейд.

Содержание

#1.....	.0005
1 ЗАВЕДЕНИЕ ДЛЯ ЗВЕРЕЙ.....	.0006
2 ЛОГОВО ЛЬВА.....	.0017
3 ТОРЖЕСТВО ТИГРОВ.....	.0027
4 МАНЕРЫ МЕДВЕДЯ.....	.0039
5 ГАРЦУЮЩИЕ ГНУ.....	.0053
6 КАВАТИНА КОСОЛАПОГО.....	.0067
7 ЖИВОПИСНЫЙ ЖИРАФ.....	.0077
8 ВЫСОКОМЕРИЕ ВЕРБЛЮДА.....	.0088
9 МАЛЬЧИК НА ПОЗВЕРЮШКАХ.....	.0099
10 ТОЛЬКО ЗВЕРИ.....	.0109
ЭПИЛОГ.....	.0114

**Джеральд Даррел
Звери в моей жизни**

Бьянке и Грэнди в память о трех четвертях гориллы и о многом другом

1 ЗАВЕДЕНИЕ ДЛЯ ЗВЕРЕЙ

*Того ждет благо,
Кто равно любит
Людей, и птиц, и зверей
Колридж. Старый моряк*

Говорят, дети, которые мечтают водить поезда, на самом деле очень редко становятся машинистами. Если это верно, то мне несказанно повезло, ведь я уже в два года твердо и определенно решил, что буду изучать животных. Ничто иное меня не занимало.

Все годы, пока формировалась моя юная личность, я, как пиявка, держался за свое решение и доводил до отчаяния родных и близких, принося в дом всевозможных пойманных или купленных тварей — от обезьян до простых садовых улиток, от скорпионов до филинов. Озадаченные таким карнавалом фауны, родные утешали себя мыслью, что это у меня временное увлечение и скоро я вырасту из него. Но с каждым новым приобретением мой интерес к животным становился все острее и глубже, и задолго до моего двадцатого дня рождения я совершенно точно знал, кем стану: сперва буду отлавливать животных для зоопарков, а со временем, нажив на этом деньги, заведу собственный зоопарк.

Замысел этот не казался мне таким уж безрассудным или диким, но спрашивалось, как его осуществить. К сожалению, школ для начинающих звероловов не было, и никто из профессионалов не стал бы нанимать человека, наделенного только безграничным энтузиазмом и не имеющего почти никакого практического опыта. Вряд ли мне поможет, твердил я себе, если я приду и скажу, что выкармливал ежат или выращивал гекконов в жестяной банке. Зверолов обязан точно знать, как схватить за глотку жирафа или увернуться от атакующего тигра, а приобрести такой опыт, живя в приморском городке в Англии, чрезвычайно трудно. Я только что весьма наглядно убедился в этом. Один мой знакомый, который, как мне было известно с его слов, взялся выкормить теленка лани, позвонил и сообщил, что его семья переезжает в Саутгемптон, поэтому он вынужден расстаться с этим прелестным домашним животным. Малыш, утверждал он, совсем ручной, хорош воспитанный, и отец может привезти его мне хоть завтра.

Я не знал, как поступить. Мамы — единственного члена семьи, с некоторым сочувствием относившейся к моему увлечению дикой фауной, — в эту минуту не было дома, и я не мог спросить ее, как она посмотрит на то, что мой и без того уже обширный зверинец пополнится ланью, хотя бы и теленком. А владелец требовал немедленного ответа.

— Папа говорит, если ты откажешься, придется ее прикончить, — мрачно заявил он.

Это решило дело. Я сказал, что буду рад на следующий день получить Гортензию — так звали лань

Когда мама вернулась из магазина, у меня была уже приготовлена история, которая тронула бы даже каменное сердце, не говоря уже о чувствительном маминном. Бедная маленькая лань, мало того, что ее разлучили с матерью, так

теперь ей еще грозила смертная казнь, если мы не придем на помощь. Неужели мы откажемся? Поняв из моего рассказа, что речь идет о животном ростом с маленького терьера, мама сказала, что ни в коем случае нельзя допускать убийства лани, ведь мы вполне можем (как я подсказал) найти для нее уголок в гараже.

— Конечно, мы ее возьмем, — заключила мама.

После чего позвонила в молочную и попросила оставлять нам сверх обычной нормы еще шесть литров молока в день; маме представлялось, что подрастающей лани нужно много молока.

На другой день большой фургон доставил Гортензию. Как только владелец вывел лань из фургона, стало очевидно, во-первых, что Гортензия — самец, во-вторых, что ему около четырех лет. Элегантная пятнистая шуба, высота в холке около метра, голова увенчана шоколадного цвета рогами с множеством грозных отростков.

— Какой же это детеныш! — в ужасе воскликнула мама.

— Что вы, мэм, — поспешно ответил отец моего приятеля. — Он еще совсем юнец. Милейшее животное, смирный, как пес.

Гортензия провел рогами по калитке — получился звук, напоминающий ружейную перестрелку, потом наклонился и аккуратно сорвал одну из маминых премированных хризантем. Задумчиво жуя цветок, он обратил свой ясный взор на нас. Не дожидаясь, когда мама придет в себя от неожиданности, я горячо поблагодарил мальчика и его отца, схватил пристегнутый ошейнику Гортензии собачий поводок и повел своего зверя к гаражу. Я ни за что на свете не признался бы маме, что тоже мыслил себе такого крохотного умильного Бэмби. Ухлопал немало денег на бутылочку для кормления, а мне привезли нечто вроде красавца, изображенного на известной картине Лэнсье "Олень, отбивающийся от собак"...

В сопровождении мамы мы с Гортензией вошли в гараж, и я еще не успел привязать свою лань, как он проникся сильнейшим отвращением к тачке и попытался — безуспешно — подбросить ее в воздух. Пришлось Гортензии довольствоваться тем, что он опрокинул тачку и разбросал по земле ее содержимое. Я привязал его к стене и живо убрал из гаража все садовые принадлежности, какие только могли вызвать гнев лани.

— Надеюсь, милый, он будет вести себя не очень буйно, — озабоченно произнесла мама. — Ты ведь знаешь, Ларри не выносит никакого буйства.

Я слишком хорошо знал, как мой старший брат относится к любым представителям животного мира, будь то буйные или смирные, и возблагодарил небо за то, что его, а также моего второго брата и сестры не было дома, когда привезли Гортензию.

— Ничего, освоится на новом месте, и все будет в порядке, — ответил я. — Просто он сейчас немного возбужден.

В эту минуту Гортензия решил, что не желает оставаться один в гараже, и принялся атаковать дверь. Все строение содрогнулось.

— Может быть, он проголодался? — предположила мама, отступая по дорожке.

— Да, видно, в этом все дело, — согласился я. — Ты не принесешь для него моркови и галет?

Мама поспешила за продуктами, необходимыми для умиротворения лани,

а я вернулся в гараж, готовый схватиться с Гортензией. При виде меня он обрадовался и наглядно проявил свою радость, ткнув меня рогами в живот. Большинство ланей страшно любят, когда им чешут основание рогов; я убедился, что Гортензия не составляет исключения, и быстро поверг его в полузабытие. К этому времени подросла большая пачка галет и с килограмм моркови, и Гортензия принялся утолять вызванный путешествием голод.

Пользуясь передышкой, я заказал по телефону солому, сено и овес. Когда Гортензия окончил трапезу, я вывел его погулять на ближайшую площадку для игры в гольф. Он вел себя образцово и по возвращении домой с явным удовольствием устроился на соломенном ложе в углу гаража, получив на ужин сена и овса. Уходя, я надежно запер дверь и лег спать с приятным сознанием, что моя лань уже начала осваиваться на новом месте. Будет у меня на редкость симпатичный домашний зверь, да к тому же я приобрету столь необходимый опыт работы с крупными животными.

Около пяти часов утра меня разбудил странный звук. Казалось, кто-то с правильными промежутками времени сбрасывает мощные бомбы на наш сад за домом... Но ведь это невозможно. Я ломал голову: что бы это могло быть? Судя по хлопанью дверей и глухим проклятьям, которые раздавались в доме, остальные члены семьи тоже недоумевали. Я высунулся в окно, окинул взглядом сад и при свете утренней зари увидел, что гараж раскачивается, словно корабль на штормовой волне. Гортензия требовал завтрак, и выражалось это в том, что он бодал дверь гаража. Я скатился по лестнице вниз, прихватил сена, овса и моркови и умиротворил буяна.

— Что это у тебя в гараже? — осведомился старший брат за завтраком, сверля меня далеко не приветливым взглядом.

Не успел я ответить, что знать не знаю ни о каких гаражах, как мама поспешила мне на выручку.

— Там просто очаровательная, крохотная лань, милый, — нервно сказала она. — Хочешь еще чая?

— Крохотная, говоришь? — возразил Ларри. — А шуму от нее, как от жены мистера Рочестера.

— Она совсем ручная, — продолжала мама, — и она любит Джерри.

— Слава богу, хоть кто-то его любит, — заметил Ларри. — Одно только скажу я вам — держите эту тварь подальше от меня. И без того жить несладко, а тут еще стадо карибу в саду.

Всю эту неделю я был не в чести. Моя мармозетка попыталась рано утром забраться в постель к Ларри и, получив отпор, укусила его за ухо; сороки вырвали с корнем саженцы помидоров, старательно высаженные в грунт другим моим братом, Лесли; наконец, один из ужей совершил побег, и моя сестра Марго обнаружила его за диванной подушкой, о чем возвестила пронзительным визгом. Не удивительно, что и сам я был полон решимости держать Гортензию подальше от своих родных. Увы, моим чаяниям не суждено было сбыться.

Выдался один из редких для английского лета по-настоящему солнечных дней, и мама поддалась соблазну устроить чаепитие в саду. Когда мы с Гортензией вернулись с прогулки, нас ожидало приятное зрелище — вся семья сидела в шезлонгах вокруг стола на колесиках, а на столе мирно стояли атрибуты для приготовления чая, тарелки с бутербродами, кекс с коринкой и большие

чашки с малиной и сливками. Выйдя из-за угла, я был озадачен таким сборищем. Зато Гортензия не растерялся. Окинув взглядом мирную картину, он заключил, что путь к убежищу в гараже преграждает уродливый и, очевидно, опасный враг на чехырех колесах — чайный столик. Оставалось только одно... С хриплым блеянием, которое должно было изображать воинственный клич. Гортензия наклонил голову и бросился в атаку. Поводок вырвался из моих рук, и лань с ходу поразила столик так, что еда и посуда полетели в разные стороны.

Мои родные оказались в западне, ведь даже в самую критическую минуту не так-то просто (если вообще возможно) живо выбраться из шезлонга. В итоге маму ошпарило кипятком, сестру облепили бутерброды с огурцами, а Ларри и Лесли поровну разделили малину со сливками.

— Ну, это уже слишком! — бушевал Ларри, смахивая с брюк раздавленные ягоды. — Вон отсюда с этой проклятой скотиной, слышишь?

— Что за выражения, милый, — попыталась мама усмирить его. — Это вышло нечаянно. Бедное животное вовсе не хотело...

— Нечаянно? Нечаянно? — Побагровевший Ларри дрожащим пальцем указал на Гортензию.

Несколько озабоченный произведенным опустошением, тот стоял с видом скромницы под свадебной фатой, роль которой играла повисшая на рогах ска-терть.

— На твоих глазах он с разгона бросился на столик, и ты еще утверждаешь, что он сделал это нечаянно?

— Я хотела сказать, милый, — взволнованно объяснила мама, — что он все не хотел опрокидывать на тебя малину.

— Мне плевать, что он хотел! — яростно произнес Ларри. — Меня не интересует, что он хотел. Я знаю только, что Джерри должен избавиться от него. Я не потерплю, чтобы в доме бесчинствовала всякая скотина. В следующий раз он, чего доброго, набросится на кого-нибудь из нас. За кого ты меня принимаешь, черт возьми? За Буффало Билла Коди?

И сколько я ни молил, Гортензию изгнали на близлежащую ферму, а вместе с ним исчезла и моя единственная надежда накопить дома опыт работы с крупными животными. Похоже было, что остается только один выход — поступать на работу в зоопарк.

Приняв такое решение, я написал чрезвычайно скромное, как мне казалось, письмо в Лондонское зоологическое общество, которое, несмотря на войну, могло похвастаться самой большой коллекцией животных, когда-либо сосредоточенной в одном месте. Пребывая в блаженном неведении о непомерности своих амбиций, я изложил в письме свои планы на будущее, намекнул, что я тот самый человек, которого они всегда жаждали видеть в штате, и дал понять, что жду ответа, когда мне можно приступить к исполнению своих обязанностей.

Надлежащее место для таких посланий — корзина, но мне повезло, мое письмо попало в руки добрейшего и культурнейшего человека, мистера Джеффри Веверса, который тогда руководил Лондонским зоопарком. Видно, его заинтриговала дерзость писавшего, потому что он, к моей великой радости, ответил и предложил мне приехать в Лондон для переговоров. Я приехал и, поощряемый обаянием Джеффри Веверса, пустился в разглагольствования о жи-

вотных, об отлове зверей и о своем намерении завести собственный зоопарк. Менее великодушный человек охладил бы мой энтузиазм, объяснив, что мои замыслы заведомо неосуществимы, но Веверс выслушал меня с великим терпением и тактом, одобрил мои планы и обещал подумать, что можно для меня сделать. Я ушел от него более, чем когда-либо, преисполненный энтузиазма.

Через некоторое время я получил любезное письмо, в котором мистер Веверс сообщал, что в Лондонском зоопарке, к сожалению, нет свободных мест для младшего персонала, но при желании я могу поступить учеником в Уипснейд — загородный зоопарк зоологического общества. Предложи он мне пару половозрелых ирбисов, я и то не обрадовался бы так, как обрадовался этому письму.

С ликующей душой я через несколько дней отправился в Бедфордшир, набив один чемодан старой одеждой, другой — книгами по истории естествознания и множеством толстых тетрадей, в которых собирался фиксировать все наблюдения над своими подопечными и каждый перл мудрости, слетающий с уст моих товарищей по работе.

В середине прошлого века знаменитый торговец дикими животными, немец Карл Гагенбек, основал зоопарк совершенно нового рода. Прежде зверей держали за толстыми решетками, в тесных, грязных, дурно сконструированных клетках. И посетителям плохо видно, и животным трудно выжить в ужасных условиях, напоминающих концлагерь. Гагенбек подошел к показу животных совсем по-иному. Вместо мрачных темниц и железных решеток — свет и простор, большие искусственные горки для лазания, а от публики звери отделялись рвами — либо сухими, либо наполненными водой. Ученые мужи, специалисты по зоопаркам, восприняли это как ересь. Во-первых, заявляли они, такой порядок опасен, потому что никакие рвы не удержат зверей. А во-вторых, если даже животные и не полезут через ров, они все околеют, ибо хорошо известно, что тропические звери способны жить лишь в душной, изобилующей бактериями парниковой атмосфере. На самом деле животные частенько чахли и погибали именно в такой атмосфере, но об этом ученые мужи забывали. К их величайшему удивлению, у Гагенбека звери благоденствовали, в вольерах под открытым небом они не только стали здоровее, но и благополучно размножались. Когда Гагенбек доказал, что в таких условиях животные чувствуют себя намного лучше, и смотрятся гораздо интереснее, все зоопарки мира начали переходить на новый метод содержания и показа.

Про Уипснейд можно сказать, что он воплощал попытку руководителей Лондонского зоопарка превзойти самого Гагенбека. Зоологическое общество приобрело обширное поместье на известняковых высотах Данстейбл-Даунс и не пожалело средств на распланировку. Было задумано показывать животных в условиях, предельно приближающихся к естественным — естественным в представлении публики, посещающей зоопарки. Рощи для львов, леса для волков, волнистые пастбища для антилоп и других копытных. Как я понимаю, Уипснейд больше всего походил на нынешние сафари-парки; ведь это происходило еще до того, как жестокие налоги превратили английских аристократов в кучку содержателей зверинцев.

Уипснейд оказался совсем небольшим поселком — один трактир да горстка коттеджей, разбросанных среди заросших орешником ложбин. Доложив в билетной кассе о своем прибытии, я оставил там чемоданы и направился в ди-

рекцию. По зеленым лужайкам волочили свои хвосты ослепительные павлины, а среди сосен, окаймляющих главную аллею, висело огромное гнездо — этаким стог из прутиков, вокруг которого щебетали и голосили попугаи.

Меня проводили в кабинет директора зоопарка, капитана Била. Он сидел без пиджака, выставляя напоказ весьма изящные полосатые подтяжки. На огромном столе перед ним громоздились горы всевозможных бумаг, большинство которых производило страшно официальное и ученое впечатление; даже телефон был завален бумагами. Капитан встал — настоящий великан, что ростом, что в объёме. Лысая голова, очки в металлической оправе, уголки губ оттянуты вниз как бы в презрительной усмешке. Тяжело ступая, он обогнул стол и с громким сопением остановился передо мной.

— Даррел? — пророкотал капитан вопросительно. — Даррел?

У него был очень низкий голос, и он не столько говорил, сколько рычал, как это свойственно некоторым людям, много лет прожившим на западном побережье Африки.

— Да, сэр, — ответил я.

— Очень приятно. Садитесь.

Капитан пожал мне руку и снова занял место за столом. Кресло тревожно скрипнуло под тяжестью его тела. Капитан Бил подцепил большими пальцами подтяжки и, созерцая меня, выбил на них дробь. Потянулось томительное молчание. Я смиренно сидел на кончике стула, всем сердцем желая с самого начала произвести хорошее впечатление.

— Думаете, вам здесь понравится? — спросил капитан Бил так неожиданно и громко, что я подпрыгнул.

— Э-э... конечно, сэр, я в этом не сомневаюсь.

— Вам раньше не приходилось выполнять такую работу? — продолжал он.

— Нет, сэр, — ответил я, — но вообще-то у меня дома перебивало много животных.

— Ха! — В его голосе прозвучало презрение. — Морские свинки, кролики, золотые рыбки и прочее. Ну здесь-то вас ждет кое-что посерьезнее.

Меня подмывало сказать ему, что я держал куда более экзотических животных, чем кролики, морские свинки и золотые рыбки, но я чувствовал, что с этим лучше повременить.

— Сейчас я передам вас Филу Бейтсу, — гремел капитан, полируя лысину ладонью. — Он у нас старший служащий. Он вас устроит. Не знаю точно, куда вас определят, но в какой-нибудь секции найдется местечко.

— Большое спасибо, — сказал я.

Поднявшись, Бил заковылял к двери, и я двинулся за ним. Это было все равно что следовать за мастодонтом. Выйдя на дорожку, на хрустящий гравий, капитан остановился и посмотрел по сторонам, прислушиваясь.

— Фил! — внезапно проревел он. — Фил! Ты где?

Голос его был так могуч и свиреп, что красовавшийся поблизости павлин испуганно поглядел на капитана, сложил хвост и пустился наутек.

— Фил! — снова пророкотал капитан Бил. — Фил!

Откуда-то издали долетел мало мелодичный свист.

Капитан наклонил голову набок.

— Это он, окаянный! Что же он не идет?

В эту самую минуту Фил Бейтс, продолжая насвистывать, не спеша обогнул

угол дирекции. Я увидел высокого, статного человека с загорелым добрым лицом.

— Вы меня звали, капитан? — осведомился он.

— Да, звал. Вот, познакомься с Даррелом.

— А-а, — улыбнулся мне Фил. — Добро пожаловать в Уипснейд.

— Ну, так я вас оставлю, Даррел, — сказал капитан Бил. — Фил о вас позаботится. Э-э... походите, осмотритесь и так далее.

Он щелкнул подтяжками, словно бичом, кивнул мне широкой блестящей лысиной и затопал обратно в свой кабинет.

Фил проводил спину капитана ласковой улыбкой и повернулся ко мне.

— Ну что ж, — сказал он, — первым делом надо устроить вам берлогу. Я тут говорил с Чарлзом Бейли, он у нас слонами занимается... Похоже, для вас найдется местечко в его доме. Пошли, потолкуем с ним.

Мы зашагали по широкой главной аллее; куда ни погляди, всюду павлины рисовались блестящими хвостами, а в кустарнике рдели золотые фазаны, словно вышедшие из дешевой ювелирной лавчонки. Фил весело и монотонно насвистывал про себя. Эта его вечная привычка свистеть, не заботясь о мелодичности, позволяла, как я потом убедился, легко определить, в какой части территории он находится.

Тем временем мы подошли к огромным и безобразным цементным коробкам, которые, как выяснилось, составляли слоновник. За коробками стоял сарайчик, а в нем сидели служители, занятые чаепитием.

— Э-э... Чарли, — извиняющимся тоном позвал Фил, — можно тебя на минутку?

Из сарайчика вышел коренастый лысый мужчина с задумчивыми и робкими голубыми глазами.

— Гм... Чарли, познакомься... э-э... Как вас по имени? — повернулся ко мне Фил.

— Джерри, — ответил я.

— Знакомься — это Джерри.

— Здравствуйте, Джерри, — сказал Чарли, улыбаясь так, словно всю жизнь искал случая познакомиться со мной.

— Ну как, найдется для него местечко в твоём коттедже? — спросил Фил.

Чарли продолжал приветливо улыбаться.

— Конечно, найдется. Я уже говорил с миссис Бейли, она вроде бы не против. Может быть, Джерри сразу же пойдет и познакомится с ней?

— Что ж, неплохая мысль, — сказал Фил.

— Тогда до скорого, дружище, — подытожил Чарли.

Фил вывел меня через главные ворота на большой пустырь.

— Вот, — показал он рукой, — идите по этой тропе до первого коттеджа слева. Заблудиться невозможно.

Я зашагал через пустырь; в пестрящих свежими почками кустах утесника мелькали украшенные красными и желтыми пятнышками пить-пили-питьекающие щеглы. На бугре стоял коттедж. Я отворил калитку, прошел через цветущий садик и постучался в парадную дверь. Кругом царили мир и покой; над цветами дремотно жужжали пчелы; где-то удовлетворенно ворковал вяхирь; вдалеке лаяла собака.

Дверь отворилась, и я увидел миссис Бейли — очень милую ясноглазую

женщину с аккуратной прической, в чистейшем переднике. Своей подтянуто-стью и чистотой она напоминала больничную сестру-хозяйку.

— Что вам угодно? — осторожно осведомилась она.

— Доброе утро, — поздоровался я. — Вы-миссис Бейли?

— Да, это я.

— Понимаете, Чарли направил меня к вам. Меня зовут Джерри Даррел. Я здесь новенький.

— Ах, да-да. — Она поправила прическу и разгладила передник. — Ну конечно, конечно. Входите.

Миссис Бейли провела меня через маленький холл в комнату, где стояли большая плита, тщательно вымытый стол и выдавшие виды удобные кресла.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она. — Хотите чашечку чая?

— Большое спасибо, если это не очень хлопотно, — сказал я.

— Какие там хлопоты, — горячо возразила миссис Бейли. — А как насчет кекса или лепешек? У меня есть лепешки. Или, может быть, хотите бутербродов? Я могу сделать бутерброды.

— Да, но я... я вовсе не хочу причинять вам столько хлопот, — произнес я, несколько озадаченный такой неожиданной щедростью.

— Какие там хлопоты, — повторила она. — Знаю я вас, молодых, — всегда есть хотите. И сейчас как раз время вечернего чая. Я на минутку, только чайник поставлю.

Она проворно вышла, очевидно, на кухню, и я услышал звон посуды. Вскоре миссис Бейли вернулась и принялась накрывать на стол. Середину стола заняли огромный кекс, гора лепешек, буханка серого хлеба, кружок ярко-желтого масла и горшочек с клубничным джемом.

— Джем домашний, — объяснила хозяйка, садясь напротив меня. — Через минуту будет чай. Чайник сию секунду вскипит. А вы пока приступайте к еде.

Миссис Бейли одобрительно смотрела, как я мажу себе бутерброд с солидной порцией джема.

— Вот и правильно, — сказала она. — Ну, так по какому делу вы ко мне пришли?

— А разве Чарли не объяснил? — спросил я.

— Объяснил? — Она наклонила голову набок. — Что объяснил?

— Видите ли, он сказал, что у вас, быть может, найдется для меня комната.

— Но я полагала, что все уже решено, — ответила миссис Бейли.

— Как решено? — удивился я.

— Ну конечно. Я сказала Чарли — а я на него вполне полагаюсь, — так вот, сказала я ему, ты, говорю, посмотри на парня, и, если он тебе приглянется, пусть приходит.

— Так я вам очень благодарен, — сказал я. — Чарли мне об этом не говорил.

— Надо же! — воскликнула она. — Надо же! Боюсь, как бы в один прекрасный день он не забыл собственной головы. Я ведь сказала ему, что ничуть не против, лишь бы был почтенный человек.

— Я... не знаю, можно ли назвать меня почтенным человеком, — нерешительно произнес я, — но постараюсь не быть вам в тягость.

— О, вы не будете мне в тягость, — сказала миссис Бейли. — Итак, с этим все ясно. Где ваши вещи?

— В зоопарке, я принесу их потом.

— Прекрасно. Тогда я пойду заварю чай. А вы мажьте себе бутерброды.

— Э-э... Но я хотел бы узнать еще одну вещь.

— Что именно?

— Ну-у... мне надо знать, сколько платить за комнату. Понимаете, жалованье будет небольшое, и я боюсь, что не смогу много платить.

— Ну, знаете, — она погрозила мне пальцем, — я не собираюсь вас грабить. Я представляю себе, какое жалованье вы будете получать, и вовсе не хочу вас грабить. Сколько вы сами предложите?

— Два фунта в неделю вас устроят? — спросил я с надеждой, прикинув, что у меня еще останется фунт и десять шиллингов на сигареты и прочие предметы первой необходимости.

— Два фунта? — ахнула она. — Два фунта? Это слишком много. Я же сказала, что не собираюсь вас грабить.

— Но ведь еда и все такое прочее...

— Верно, но я и не подумаю брать с вас два фунта. Нет-нет, будете платить двадцать пять шиллингов в неделю. Этого вполне достаточно.

— Вы уверены, что уложитесь? — спросил я.

— Конечно, уложимся! Я не допущу, чтобы люди говорили, что миссис Бейли наживается на юнце, который к тому же только-только начинает работать.

— Все равно, по-моему, это слишком мало, — возразил я.

— Как угодно, — сказала она. — Как угодно. Не нравится — ищите другую квартиру.

Она улыбнулась и пододвинула мне кекс и лепешки.

— И не подумаю, если вы будете сами варить клубничный джем, — ответил я. — Лучше здесь останусь.

Миссис Бейли просияла.

— Вот и отлично. У нас есть уютная спальенка Для вас на втором этаже, я сию минуту покажу. Только сперва чай заварю.

За чаем миссис Бейли объяснила, что вообще-то Чарли работал в Лондонском зоопарке, но в войну он вынужден был эвакуироваться со слонами в Уипснейд, и она поехала вместе с ним. Слоны очень привязчивы, и, уж если привыкнут к одному служителю, приходится ему, как правило, до конца жизни работать с ними.

— У нас есть свой домик в Голдерс-Грин, замечательный дом, — продолжала она. — Просто чудесный дом, есть чем гордиться, хоть и не пристало самой об этом говорить. Конечно, и этот коттедж неплохой, вполне комфортабельный, но все-таки я жду не дождусь, когда мы в свой дом вернемся. И потом, вы ведь знаете, какие люди бывают, на них нельзя положиться. Последний раз я поехала проверить, смотрю — приступку словно сто лет никто не мыл, вся черная. Так я чуть не заплакала. Нет, скорей бы к себе вернуться. Хотя вообще-то и здесь, за городом, очень славно жить, ничего не скажешь.

После того как я одолел несколько чашек чая, два куска кекса и множество бутербродов с клубникой, миссис Бейли нехотя убрала со стола.

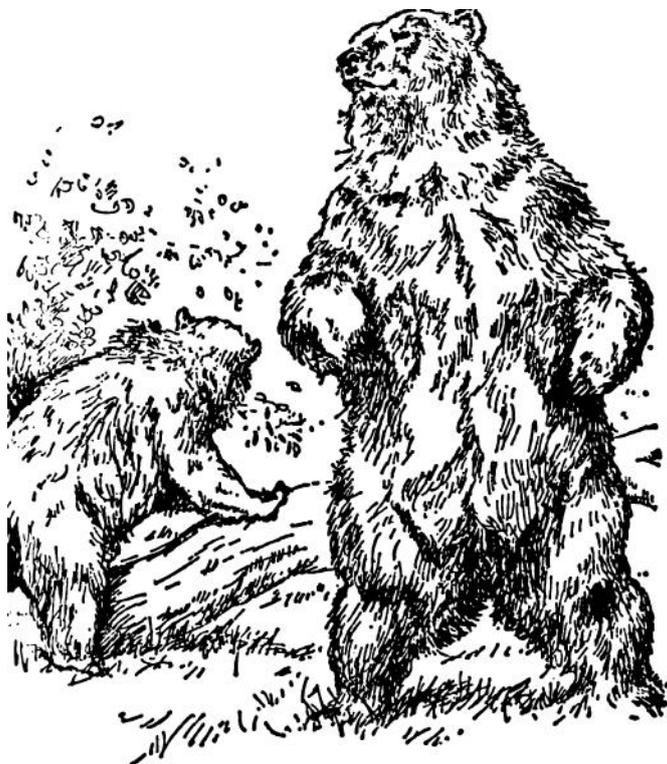
— Нет, вы правда наелись? — спросила она, испытующе глядя на меня, словно искала признаки недоедания на моем лице. — Не хотите еще кусок кекса, или бутерброд, или еще что-нибудь? Вы даже не попробовали лепешки!

— Честное слово, больше не могу, — заверил я. — Если я съем еще хоть кусок, потом не смогу ужинать.

— Ах да, ужин. — Ее лицо приняло озабоченное выражение. — Ужин... Боюсь, на ужин придется обойтись без горячего. Надеюсь, вы не против?

— Нет-нет, я не против.

— Вот и хорошо. Тогда вы сейчас отыщите Чарли и возвращайтесь с ним, когда он кончит работу. Захватите свои вещи, и мы поможем вам устроиться. Идет?

И я отправился обратно через пустырь. Около часа я в упоении бродил по территории зоопарка. Уипснейд оказался таким обширным, что за это время при всем желании нельзя было все охватить, но я отыскал волчий лес — густой сосновый бор, в сумраке которого рыскали хитроглазые звери, время от времени затевая шумные потасовки. Они сновали между деревьями так стремительно и беззвучно, что напоминали влекомые порывом ветра хлопья пепла. По соседству с волками отгородили с полгектара для бурых медведей — могучих светло-палевых тяжеловесов, которые бродили среди кустов утесника и куманики, приносясь и роя когтями землю.

Я был восхищен, такие условия содержания животных казались мне идеальными. Мне еще предстояло узнать, что очень большая площадь таит в себе минусы и для служителей, и для зверей.

Внезапно вспомнив про время, я поспешил к слоновнику и отыскал Чарли. Вместе мы забрали мои чемоданы и зашагали через пустырь к коттеджу.

— Разувайтесь сразу оба, — сказала миссис Бейли, открывая дверь. — Нечего пачкать мои чистые полы.

Она показала на расстеленные в прихожей газеты.

Мы послушно разулись и вошли в носках в гостиную, где стол уже ломился от яств. Ветчина, язык с салатом, молодой картофель, горошек, фасоль, морковь. И большущий бисквит, щедро залитый сбитыми сливками.

— Боюсь только, вам этого маловато, — озабоченно произнесла миссис Бейли. — Здесь одни закуски, но придется уж вам довольствоваться этим.

— По-моему, все в порядке, голубушка, — заметил Чарли с присущей ему

мягкостью.

— Это не совсем то, что у меня было задумано. Парню нужно горячее. Что поделаешь, сойдет на этот раз.

Мы сели и приступили к еде. Все было очень вкусно, и некоторое время за столом царила тишина.

— А что привело вас в Уипснейд, Джерри? — спросил наконец Чарли, любовно препарируя содержимое своей тарелки.

— Понимаете, — начал я, — меня всю жизнь занимают животные, и я задумал стать звероловом — ну, ездить в Африку и другие дальние страны и привозить оттуда зверей для зоопарков. Мне нужно приобрести опыт обращения с крупными животными. А в Борнмуте, сами понимаете, с крупными животными не поработаешь. К примеру, разве можно держать в пригородном саду стадо ланей?

— Понимаю, — подхватил Чарли, — конечно, нельзя.

— Возьмите еще салата, — предложила мне миссис Бейли; вопросы содержания крупного зверя в саду за домом ее явно не волновали.

— Спасибо, не надо, у меня есть, — ответил я.

— Ну, и когда же вы думаете отправиться в путешествие? — спросил Чарли.

Спросил без малейшей иронии, и я проникся к нему симпатией.

— Да вот, как только получу нужную подготовку.

Чарли кивнул, потом чуть заметно улыбнулся своей мягкой улыбкой, беззвучно шевеля губами. Такая у него была привычка — улыбается и повторяет про себя услышанное, словно хочет лучше запомнить.

— Доедайте горошек, — вмешалась миссис Бейли. — Не выбрасывать же его.

Наконец, наевшись до отвала, мы поднялись на второй этаж, где нас ждали постели. Окно моей комнаты выходило под карниз, потолок украшали дубовые балки. Она была уютно обставлена, и, разобрав свои чемоданы с одеждой и книгами, я почувствовал, что устроился просто роскошно. Со счастливым вздохом вытянулся я на кровати. Цель достигнута — я в Уипснейде! Упиваясь этой мыслью, я уснул. А уже через несколько секунд, как мне показалось, меня разбудил Чарли, который вошел с чашкой чая.

— Подъем, Джерри, — сказал он. — Пора на работу.

После вкусного завтрака — горячие сосиски, бекон, яйца и солидная порция чая — мы с Чарли направились через сверкающий от росы пустырь к воротам зоопарка, где смешались с толпой других сотрудников.

— А где вы будете работать, Джерри? — осведомился Чарли.

— Не знаю, — ответил я. — Фил Бейтс мне ничего не говорил.

В эту самую минуту рядом со мной появился Фил Бейтс.

— А, доброе утро! Устроились? Прекрасно.

— А куда вы меня поставите работать? — спросил я.

— По-моему, — раздумчиво произнес Фил, — по-моему, вам следует начать сегодня со львов.

2 ЛОГОВО ЛЬВА

*О благородное львиное племя!
Чосер. Легенда о славных женщинах*

Признаться, предложение начать со львов меня слегка ошарашило. Тешу себя надеждой, что ничем не выдал Филу своей тревоги, но в глубине души я полагал, что для начала он мог бы поручить мне более ручных животных — скажем, стадо большеглазых ланей. Куда это годится, загонять человека в логово льва, не дав ему хоть сколько-нибудь освоиться с обстановкой! Так или иначе, я постарался сделать вид, что мне все нипочем, и зашагал по зоопарку в поисках своей секции,

Как оказалось, секция тянулась вдоль гребня известняковой гряды, частично поросшей бузиной и высокой крапивой. На косогоре над долиной кустарник сменялся кочками, в каждой из которых под аккуратно подстриженным кроликами зеленым париком приютился муравейник. Отсюда открывался великолепный вид на мозаику полей, широкой полосой отделявших львятник от холмов по ту сторону долины, и пастельные краски мозаики словно переливались, когда по ней скользили тени от облачных громад.

Мозговой центр секции помещался в укывшейся среди бузины маленькой развалюхе. Лихо сдвинутая набок накладка из жимолости совсем закрыла одно из двух окошек, отчего внутри царил угрюмый сумрак. Снаружи на стене красовалась разошедшаяся доска с эфемистической надписью «Приют». Обстановка была предельно спартанской: три стула разной степени дряхлости, стол, который дергался и подпрыгивал, точно норовистая лошадь, когда на него что-нибудь ставили, и устрашающего вида черная печка, которая жалась в угол, испуская сквозь железные зубы едкий дым и изрыгая невероятное множество угольков.

В этой темной лачуге я и застал обоих служителей секции. Джеси — молчаливый, краснолицый, голубоглазый мужчина с малиновым по цвету и фактуре носом — весьма сурово глядел из-под косматых белых бровей. Зато голубые глаза смуглолицего Джо искрились добродушием, и таким же добродушным был его заразительный хрипловатый смех. Закончив прерванный моим появлением завтрак, Джеси провел меня по секции, показал содержащихся в ней животных и объяснил мои обязанности.

В одном конце секции обитал вомбат Питер, затем следовали вольеры песцов и енотовидных собак. За вольером белых, как гриб-дождевик, полярных медведей я увидел так называемую тигровую яму с двумя тиграми. Еще два тигра содержались в просторном вольере, и замыкали ряд животные, по имени которых называлась вся секция, то есть львы.

Петляющая в зарослях бузины дорожка привела нас к высокой железной ограде. Территория львов примерно с гектар раскинулась на склоне холма, покрытом деревьями и кустарником. Следуя вдоль отжима, мы с Джеси подошли к месту, где заросли расступались, окаймляя лощину, на дне которой в окружении сочной высокой травы поблескивал пруд. Под корявым боярышником живописной группой расположились львы. Альберт о чем-то размышлял в бледных лучах солнца, закутавшись в гриву. Золотистые, упитанные, ря-

дом крепко спали его супруги Нэн и Джил; только большущие, как тарелки, лапы их тихо подергивались. Джеси окликнул своих питомцев и провел палкой по железным прутьям, приглашая львов подойти и познакомиться с новым человеком. Альберт на миг повернул голову, наградил нас испепеляющим взглядом и снова погрузился в раздумье; Нэн и Джил даже не шелохнулись. Они совсем не производили впечатления диких и свирепых; скорее вся тройка показалась мне ленивой, раскормленной и несколько надменной. Джеси расставил ноги, будто моряк на палубе качающегося корабля, звучно цыкнул зубом и устремил на меня строгий взгляд.

— Теперь послушай, сынок, что я тебе скажу, — заговорил он. — Слушай меня, и все будет в порядке. Возьмем вомбата, песцов и енотовидных — к ним ты вполне можешь заходить, понятно? А вот с остальными лучше не шути, не то они тебе покажут. На вид-то они, может, и ручные, а на деле ничего подобного, понял?

Он снова цыкнул зубом и пытливо взглянул на меня, проверяя, усвоен ли урок. Я поспешил заверить его, что мне и в голову не придет затевать что-нибудь рискованное, пока я не познакомлюсь поближе со своими подопечными. Я чувствовал — хотя и не сказал об этом вслух, — что было бы несколько унижительно очутиться в желудке льва, которому меня, как говорится, даже и не представили как следует.

— Так вот, сынок, — снова заговорил Джеси, важно кивая, — ты слушай, и я тебя научу, что и как.

Первые дни я только и делал, что учился, запоминал процедуру повседневных дел: кормления, уборки и так далее. А затем, усвоив основы своей работы, я получил возможность больше наблюдать и изучать наших питомцев. Джеси и Джо страшно потешало, что я таскаю с собой толстенную тетрадь и поминутно что-нибудь в ней записываю.

— Прямо Шерлок Холмс какой-то, — говорил обо мне Джеси. — Только и знай строчит что-то.

Джо пытался дурачить меня, описывая замысловатые трюки, будто бы выполненные на его глазах тем или иным животным, но он не мог обуздать свою фантазию, и я быстро разоблачал обман.

Естественно, я приступил к изучению львов. Впервые в жизни оказавшись на короткой ноге с этими зверями, я решил прочесть о них все, что можно, и сопоставить прочитанное с моими собственными наблюдениями. При этом я без особого удивления обнаружил, что на свете вряд ли найдется другое животное (исключая некоторых мифических тварей), которому приписывали бы столько воображаемых достоинств. С тех самых пор, как некто в приливе восторга, не имеющего ничего общего с зоологической наукой, поименовал льва Царем зверей, авторы наперебой старались подтвердить его право на этот титул. Больше всех, как я убедился, отличились древние авторы — они единодушно превозносили *Felis leo* за его ум, благородство, отвагу и мягкий нрав; надо думать, это и предрешило выбор известными своей простотой и скромностью англичанами льва для национальной эмблемы. На самом же деле, как я очень скоро узнал, работая с Альбертом и его супругами, львы не совсем таковы, какими их рисовали древние.

В старом английском издании "Естественной истории" Плиния я нашел следующее прелестное описание Царя зверей:

"Лев — единственный среди диких зверей милостиво обращается с теми, кто смиряется перед ним, и он не станет трогать покорившегося, а пощадит простершуюся перед ним на земле тварь. Как ни свиреп он и как ни жесток в других случаях, он обращает свою ярость сперва на самца и только во вторую очередь на самку, а детенышей вообще не трогает, разве что в состоянии крайнего голода".

Трех дней знакомства с Альбертом было для меня довольно, чтобы уразуметь, что на него это характеристика никак не распространяется. Свиристости и жестокости у него было хоть отбавляй, но милосердием и не пахло. Всякий, кто смиренно простерся бы на земле перед ним, был бы вознагражден за свою кротость укусом в загривок.

Не менее внимательно штудировал я Пэчеза, и он с самоуверенностью человека, в жизни не видевшего львов, сообщил мне, что "в холодных областях львы более миролюбивы, в жарких — более свирепы". Прочтя эти слова, я проникся надеждой, что смогу поладить с Альбертом, так как сразу после моего прибытия в Уипснейд заметно похолодало, на холмы обрушился леденящий ветер, от которого корявые кусты бузины скрипели, стонали и зябко жались друг к другу. Если верить Пэчезу, в такую погоду Альберту и его женам полагалось мило резвиться, наподобие котят.

Уже на второе утро мое доверие к Пэчезу было грубо подорвано. Согнувшись в три погибели от встречного ветра, синий от холода, я брел мимо львиной клетки, возвращаясь под кров теплого Приюта. Между тем Альберт спрятался в густой траве и крапиве на углу вольера, рядом с дорожкой. Уверен, он заранее приметил меня и решил преподнести мне маленький сюрприз, когда я буду идти обратно. Дождавшись, когда поровнялся с ним, он неожиданно выскочил из укрытия и с устрашающим рыканьем бросился на железные прутья, после чего присел и уставился меня желтыми глазищами, злорадно упиваясь моим испугом. Шутка эта настолько пришлась ему по вкусу, что в тот же день попозже он повторил ее. И снова был вознагражден зрелищем того, как я подпрыгнул, словно испуганный олень. С той разницей, что я сверх того выронил ведро, споткнулся о него и со всего маху шлепнулся в буйную крапиву. Позже я убедился, что холодная погода вместо того, чтобы внушить Альберту кротость, превращает его в страшного разбойника. Он развлекался тем, что прятался за кустами и внезапно выскакивал из засады, пугая ничего не подозревающих престарелых дам. Видимо, упражнения эти призваны были улучшить его кровообращение, когда в воздухе пахло морозцем.

Я продолжал изучать сведения Плиния и Пэчеза о львах, но уже более критически. После бурного дня в обществе прыгуна Альберта я отдыхал душой, читая про сказочно милых четвероногих, куда более симпатичных, чем мои живые подопечные. Особенно нравились мне рассказы странников о встречах со львами в делях, неизменно подчеркивающие ум и дружелюбие зверя. Так, Плиний сообщает о Менторе Сиракузском, как тот встретил в Сирии льва, который почему-то проникся к нему самыми теплыми чувствами, прыгал вокруг него, будто шалый ягненок, и со всеми признаками симпатии лизал его следы. В конце концов Ментор обнаружил, что причиной столь трогательного проявления приязни был вонзившийся в лапу зверя большой шип: лев хотел, чтобы человек выдернул занозу.

Видимо, тогдашние львы были поразительно беспечными, ибо Плиний

приводит также историю некоего Элписа, которая даже меня заставила усомниться в правдивости древнего источника. Не успел этот Элпис ступить на землю Африки, как к нему подбежал лев с разинутой пастью. Понятное дело, странник бросился к ближайшему дереву, взывая к Вакху о защите, и продолжительное время отсиживался на верхних ветвях упомянутого дерева, между тем как лев, все так же с разинутой пастью, бродил внизу, всячески стараясь дать понять этому тупице, в чем дело. Элпис явно был плохо знаком с записками путешественников той поры, иначе он тотчас смекнул бы, что льва мучает шип или еще что-нибудь в этом роде, от чего он жаждет избавиться. Прошло довольно много времени, прежде чем до него наконец дошло, что даже самый свирепый лез не станет постоянно ходить с широко разинутой пастью. Тогда Элпис осторожно спустился на землю и обнаружил, что в пасти льва, как и следовало ожидать, застряла кость. Он живо и без особых затруднений удалил эту кость. После чего лев настолько преисполнился радостью и благодарностью, что взялся поставлять мясо для корабля, на коем прибыл его спаситель. И все время, пока корабль стоял на якоре у этих берегов, лев ежедневно снабжал команду свежей олениной.

В отличие от своих далеких предков Альберт и его жены не жаловались на здоровье и, к моему великому облегчению, не требовали, чтобы мы извлекали

шипы из их лап. Несмотря на свою упитанность, они были чрезвычайно прожорливы, и каждая трапеза сопровождалась такой грызней, будто их не кормили несколько недель. Альберт хватал самый большой кус мяса и уносил в кусты. Спрячет и поспешно возвращается, чтобы посмотреть — нельзя ли утащить что-нибудь у жен. Зрелище того, как он отталкивал супругу и забирал ее порцию, ярко иллюстрировало слова о благородном нраве Царя зверей.

Раз в неделю мы запирали Альберта и его жен, чтобы войти в вольер и убрать обглоданные кости и прочие следы жизнедеятельности августейших особ. К ограде была пристроена большая клетка из железных прутьев, туда-то и надо было загонять всю троицу, прежде чем приступать к работе. Процедура долгая и утомительная, и только налет комедии скрашивал ее однообразие.

Чтобы загнать в клетку наших львов, которые, сами понимаете, отнюдь не шли нам навстречу, требовалась изрядная ловкость плюс умение сохранять невинный вид и быстро бегать. Но первейшее условие успеха — дать Альберту как следует проголодаться; тогда он рыскал вдоль ограды, сверкая глазами и сердито взъерошив гриву. С видом полной невинности мы подходили к клетке и складывали на дорожке свои лопаты, ведра, метлы и вилы. Затем доставали здоровенный кусище сырого мяса и клали так, чтобы Альберт мог видеть и обонять его. Лев приветствовал этот маневр насмешливым булькающим ворчанием, исходившим откуда-то из глубин его длинной гривы. После этого мы поднимали дверь клетки, а сами продолжали громко беседовать, словно меньше всего на свете помышляли о поимке львов. К чести Альберта должен сказать, что эти трюки ни на миг не вводили его в заблуждение, просто мы соблюдали некий ритуал, без которого поломался бы весь стройный порядок действий.

Выждав, сколько требовалось, чтобы Альберт хорошенько рассмотрел говяжьей лопатку и поразмыслил о ее достоинствах, мы переносили приманку в клетку. И, прислонившись к отжиму, предавались самовнушению, время от времени изрекая совершенно безразличным голосом:

— Ну как, Альб? Проголодался? Ну, давай, иди сюда. Будь послушным мальчиком. Поешь мясца. Ну, давай. Иди, иди сюда...

Снова и снова на разные лады повторялась эта хорошая песня, и тот факт, что Альберт ровным счетом ничего не понимал из произносимого, делал весь спектакль вдвойне нелепым.

Исчерпав запас ободряющих реплик, мы оказывались в тупике. Джеси, Джо и я таращились на Альберта, Альберт таращился на нас. Все это время Нэн и Джил, снедаемые нетерпением, рыскали поодаль, однако не смели ничего предпринять, ибо традиция требовала, чтобы инициативу проявил их господин и властитель. А тот как будто находился в трансе. Пока длилось это ожидание, я пользовался случаем еще и еще раз проверить, правда ли, будто взгляд человека оказывает какое-то действие на бессловесных тварей. Я пристально смотрел прямо в маленькие желтые глаза Альберта; он, не моргая, смотрел на меня. Единственным результатом было то, что мне делалось малость не по себе.

Так проходило с десятков минут, но Альберт и не помышлял входить в клетку, вынуждая нас прибегать к следующей уловке. Оставив на месте приманку, мы неторопливо удалялись. Заключив, что мы отошли на безопасное расстояние, Альберт стремглав врывается в клетку, хватал мясо и устремлялся к вы-

ходу, чтобы выскочить раньше, чем мы успеем прибежать и закрыть его. Сплошь и рядом железная дверь со звоном ударялась о пол в каких-нибудь пяти сантиметрах от его хвоста, и Альберт, одурачив нас, уносил свой трофей в укромный уголок, где можно было спокойно насладиться победой. Естественно, на этом все кончалось; мы должны были ждать еще сутки, пока Альберт снова проголодается.

Других обитателей этой секции мы заманивали в клетки примерно таким же способом, но никто из них не причинял нам столько хлопот. Альберт обладал особым даром досаждать своим опекунам.

Когда же нам все-таки удавалось заточить львов в клетку, мы отправлялись к маленькой калитке в другом конце вольера. Войдя на участок, полагалось запирать калитку за собой. Не могу сказать, чтобы мне это доставляло удовольствие, ведь теперь мы сами оказывались в заточении за пятиметровой железной оградой на участке площадью в один гектар — и никуда не денешься, если львы чудом вырвутся из клетки.

Однажды мы с Джо, войдя внутрь ограды, как обычно, разделились и пошли по кустам собирать накопившиеся за неделю обглоданные кости. В густых зарослях мы скоро потеряли друг друга из виду, но я слышал посвистывание Джо да время от времени звон, когда он бросал кость в ведро. Я пробирался по тропе меж высоких кустов куманики; сюда явно любил наведываться Альберт, потому что мягкая глина изобиловала отпечатками его могучих лап и на колючках тут и там висели клочья шерсти из гривы. Созерцая огромные следы, я размышлял о зломном и вспыльчивом нраве Альберта. Внезапно раздалось его рычание. Клетка находилась довольно далеко, за деревьями слева от меня, между тем я мог поклясться, что рычание донеслось откуда-то спереди. Не тратя времени на выяснение загадки, где же Альберт, я стремглав бросился к калитке. Джо подоспел туда одновременно со мной.

— Он вырвался? — спросил я, когда мы очутились в безопасности за оградой.

— Не знаю, — ответил Джо. — Я не стал проверять. Мы обогнули вольер и убедились, что львы по-прежнему заперты в клетке, но в глазах Альберта блеснула лукавая искорка, которая заставила меня призадуматься.

Так я впервые познакомился с чревоушательными способностями льва. Многие авторы утверждают, будто лев умеет направлять свое рычание таким образом, что оно слышится одновременно с двух, а то и с трех сторон. Это во все не так уж невероятно, ведь многие птицы и насекомые наделены поразительными чревоушательными способностями. Бывает, видишь животное собственными глазами, а чудится, будто звук рождается в другой стороне, в нескольких метрах от подлинного источника. Понятно, если лев и впрямь наделен таким даром, ему это весьма выгодно — ночью он может своим рыканьем нагнать на стадо копытных такую панику, что оно побежит не от хищника, а прямо на него. Судя по описанному мной случаю, Альберт явно умел направлять свое рыканье: хотя он находился примерно на одинаковом расстоянии от меня и Джо, тем не менее нам обоим почудилось, что лев рычит совсем рядом.

Вскоре мне предстояло еще раз убедиться в поразительных способностях Альберта. Поздно ночью я возвращался с какого-то деревенского праздника и решил для сокращения пути пройти через зоопарк. Торопливо шагая по до-

рожке среди шелестящей бузины возле львиного вольера, я вдруг услышал отрывистое рыканье Альберта и замер на месте. Зная, в какой стороне должен быть лев, я тем не менее затруднялся определить направление звука. Было в этом рыке что-то громоподобное, отчего казалось, что вибрация через землю доходит до моих подошв. Если верить слуху, Альберт мог быть и за пределами вольера. Не очень приятная мысль, и только беззаветная преданность естественной истории помешала мне броситься наутек. Движимый безрассудством, я подошел к отжиму и вперил взгляд в темноту, однако ничего не мог рассмотреть. И не было луны, чтобы осветить безмолвные черные кусты. Шагая вдоль вольера, я знал, что за мной следят, буквально осязал жадно устремленные на меня глаза, но незримые звери двигались бесшумно, ни одна ветка не хрустнула под могучими лапами. А когда я стал подниматься по склону, удаляясь от вольера, вдогонку мне полетело полное презрения и издевки громкое фырганье.

Некоторые люди отказываются верить, что лев может по желанию направлять свой голос. Дескать, он, рыкая, просто-напросто опускает пасть к самой земле, поэтому звук смазывается и невозможно определить, откуда он идет. Желая проверить это, я всячески старался заставить Альберта за рыканьем, но все безуспешно. Сколько раз проходил я мимо его вольера, надеясь, что он зарычит при мне, но Альберт упорно молчал. Бывало, слышу, что он подает голос, и мчусь сломя голову по дорожке к лъвятнику, сея страх среди посетителей, полагающих, что я спасаюсь бегством от вырвавшегося на свободу зверя. А добегу, запыхавшись, до отжима — Альберт либо кончил свои вокальные упражнения, либо раздумал после двух-трех пробных нот. Правда, я чувствовал себя вполне вознагражденным великолепными звуками, которые он издавал, когда я его слышал, но не видел.

Альберт явно предпочитал петь по вечерам. Внезапно раздавалось его «эр-рум», потом другое, третье, с долгими промежутками, словно лев настраивал голосовой инструмент. А затем он приступал к исполнению своей арии, «эр-рум» становилось сочнее, полнее по звуку и повторялось чаще, чаще, сливаясь наконец в сплошное грозное крещендо. Все быстрее катился рокот, потом темп замедлялся, и песня обрывалась так же внезапно, как началась. Нет слов, чтобы описать страшные угрозы, которыми была наполнена эта песня, когда звучала во всю мощь. Если же отвлечься от эмоций, то представьте себе, что кто-то пилит дрова на огромной гулкой бочке. Сперва пила ходит медленно, затем все быстрее, по мере того как сталь вгрызается в древесину, под конец пила опять замедляет ход, и — тишина. Тут я каждый раз невольно ждал, что сейчас глухо стукнет о землю упавшее полено.

После нескольких недель знакомства с Альбертом я заключил, что он решительно ни в чем не отвечает распространенному представлению о львах. Надутый, наглый, начисто лишенный каких-либо благородных чувств. Золотистые глазки его постоянно горели яростью, но с оттенком недоумения, как будто Альберт искренне стремился оправдать репутацию лютого зверя, вот только не мог припомнить, зачем это нужно. У него всегда было слегка озадаченное выражение, словно он не очень-то верил в необходимость вести себя так. То рыскает по участку в отвратительном настроении, то развлекается, страдая ложными выпадами ничего не подозревающих прохожих, и злорадно упивается их испугом. В часы кормления он вел себя, как я уже говорил вы-

ше, весьма предосудительно. Набив брюхо своей долей и отнятым у жен, Альберт распластывался в высокой траве и громко рыгал. При всем желании я не мог обнаружить в нраве Альберта ничего привлекательного.

За все время нашего общения он только однажды выглядел по-настоящему царственно — когда у Джил началась течка. Взъерошив гриву, Альберт расхаживал по участку, ворча себе под нос что-то душераздирающее и принимая величавые позы. Уверен, Плиний был бы от него в восторге. Пока Альберт обхаживал Джил, я снова обратился к Плинию, чтобы прочесть, что он писал о львиной любви. Первое его суждение на эту тему оказалось не очень лестным:

"...львицы весьма похотливы, оттого-то львы так жестоки и свирепы. Африканцы хорошо об этом осведомлены и часто наблюдают примеры, особенно в пору сильной засухи, когда нехватка воды вынуждает диких зверей собираться вместе в большом количестве у немногочисленных рек. По этой причине появляется на свет так много странных тварей и удивительных помесей, потому что самцы когда вынужденно, когда удовольствия ради покрывают без разбора самок другого рода".

Я ни разу не видел, чтобы Нэн и Джил вели себя хоть сколько-нибудь похотливо, даже во время течки казалось, что им только докучают знаки внимания Альберта. Плиний продолжает:

"Лев по запаху узнает, когда львица была ему неверна и позволила леопарду покрыть ее; и тогда он, не щадя сил, набрасывается на нее и наказывает за неверность".

Конечно, у Нэн и Джил не было никакой возможности изменить Альберту, поскольку они были заточены в вольере вместе с ним. Но я не сомневаюсь, что Альберт в любых условиях был бы строгим супругом. Не приведи господь оказаться на месте его жены, если бы он застал ее во время шашней с леопардом!

Меня всегда озадачивало, почему посетители зоопарка хихикают и украдкой поглядывают друг на друга, когда Альберт с великим достоинством, без малейшего смущения совершал посредине поляны акт оплодотворения. Представляю себе их возмущение, если бы они знали, что соучастница оргии — его собственная дочь, Джил. Инцест!

Джо тоже одолевала странная робость, если он заставлял животных во время спаривания. Он тщательно обходил те вольеры, в которых происходили столь ужасные вещи. Зато Джеси не страдал застенчивостью. Хриплым голосом он громко подбадривал животных, отчего публика поспешно расходилась. Никто не умел так, как он, заставить зевак улетучиться в мгновение ока.

— Не понимаю, как только у него язык поворачивается, — жаловался мне Джо, укрывшись в свободном от всяких намеков на секс Приюте. — Меня бросает то в жар, то в холод, честное слово. Вчера вот иду я мимо львов, а он там завел свое. Люди стоят, девочки маленькие, а старик Альберт крутит с Джил у всех на виду. И как только Джеси может, я и за сто фунтов не смог бы так.

И он поджимал губы с таким скорбным видом, словно и впрямь отказался от ста фунтов. Бедняга Джо, тяжело ему приходилось, когда у животных начинался гон.

Если не считать развязного подхода к вопросам пола, был у Джеси не совсем обычный дар, которому мы с Джо завидовали черной завистью. Есть чудоеи, определяющие присутствие подпочвенных вод при помощи ивового прута; есть псы, чующие скрытые под землей грибы; не менее волшебный дар позволял Джеси угадывать, где его ждут чаевые. Стоит перед Приютом, цыкая зубом и присматриваясь к шествующим мимо посетителям, — вдруг весь подобрался, белые брови подрагивают, и челюсти удовлетворенно смыкаются.

— Так, две бумажки есть, — заключает он и начинает подкрадываться к жертве так же ловко, как доверенные ему большие кошки.

Мы с Джо, сколько ни старались, не могли усмотреть никакой разницы между собеседниками Джеси и теми, кто достаивал внимания нас. А Джеси был наделен безошибочным чутьем, перед началом очередной атаки он точно определял, какой будет добыча. Из него вышел бы отменный пират.

— Ей-богу, не пойму, как он это делает, старый гусь, — жаловался Джо. — Вот недавно был случай, он говорит мне: "Давай, Джо, попробуй счастья. Вон к белым медведям подходящий тип направился, видишь — тот, в шляпе. Пять бумажек обеспечены". Ну, я пошел, полчаса потратил на того типа, рассказывал про то, про се. Нет, правда, изо всех сил старался угодить, а что получил за свои старания — паршивую сигаретку.

Прошло немного времени, и Альберт с его дамами мне, честно говоря, приелись. В отличие от других обитателей секции они были лишены индивидуальности. дружелюбие им тоже было неведомо, а это не позволяло узнать их поближе. Фантастические львы Плиния и их похождения казались мне куда интереснее наших живых подопечных. Не знаю, понял ли Альберт, что моя душа не лежит к нему, но он вдруг проникся ко мне острой неприязнью и откровенно пытался прикончить меня, когда я подходил к вольеру. Однажды это ему почти удалось.

Как-то раз Джо постановил очистить канавы у львиного вольера, чтобы мне было что вспоминать, когда я перейду в другую секцию. Вооруженные шлангом, вилами, щетками и прочими причиндалами, мы прибыли на место и вскоре сумели заманить Альберта и его супруг в клетку. После этого Джо, весело насвистывая, взял в руки шланг, а я перемахнул через отжим и принялся очищать канаву от мусора. Канавка тянулась вдоль самой ограды, и просвет между прутьями позволял Альберту просунуть лапу, потому-то мы и заперли его в клетку с более частой решеткой.

Мы прилежно трудились и приблизились наконец к разъяренному узнику. Лихо орудуя шлангом, Джо щедро поливал все вокруг, и, потянувшись за метлой, я поскользнулся и упал около клетки. Хорошо, что просветы были узкие, не то Альберт ухватил бы меня за лопатку. Не теряя времени, он с торжествующим рыканьем бросился в мою сторону и попытался вонзить в меня когти. Решетка не пустила лапу, но он все же зацепил когтем мой рукав. С истошным воплем, не сомневаясь, что лев уже пожирает меня, Джо направил шланг на нас. Он хотел, разумеется, поразить струей морду Альберта и заставить его выпустить меня. Увы, от волнения Джо промахнулся, и в ту самую секунду, когда я, освободившись от львиного когтя, кинулся прочь от клетки, тугая струя ударила мне в лицо, так что я едва не захлебнулся, и отбросила меня обратно. Альберт попытался снова зацепить меня — безуспешно; Джо повернул шланг и влил ему струю между глаз. Я оторвался от клетки и, мокрый насквозь, пе-

релез через отжим на дорожку.

— Ты кому, собственно, помогаешь? — опросил я Джо.

— Ради бога, извини, — покаялся он. — Мне показалось, эта старая скотина схватила тебя.

— Да уж ты-то сделал все для этого, — горько заметил я, без особенного успеха вытираясь носовым платком.

В долгие летние вечера мне полагалось дважды в неделю дежурить после ухода Джеси и Джо, следить за тем, чтобы никто из посетителей не демонстрировал свой интеллект, перелезая через отжим или швыряя в зверей бутылками. Это были очень приятные вечера. Я чувствовал себя властелином всех обозримых окрестностей. Сидишь в Приюте с чашкой крепкого чая и разбираешься в набросанных торопливой рукой заметках, пытаешься как-то причесать их. Все длиннее тени на траве снаружи; последние посетители направляются к выходу. Без людей сразу становится удивительно тихо, и вот уже кенгуру осторожно выбирают из зарослей бузины, куда их днем загнали орды крикливых мальчишек. Хрипло рыкает Альберт, прочищая голосовые связки для ночного концерта; отчетливо слышно, как белые медведи лениво плещутся в своем бассейне.

Напоследок я должен был обойти всю секцию и убедиться, что все в порядке.

...Кенгуру разбрелись по территории и мирно пасутся, успокоенные внезапно наступившей тишиной. Тигрица Рани счастлива, что открывается дверь ее клетки: большая цементная яма, в которой она обитает, теперь в тени и лапам становится холодно. Ее сын Поль уже спит на соломенном ложе. На участке по другую сторону, гряды в своих деревянных будках свернулись калачиком енотовидные собаки; в соседнем вольере песцы скользят среди кустов, будто привидения, в высокой траве на краю пруда лежат львы. Альберт как обычно, размышляет, укутавшись в гриву; Нэн и Джил возле него крепко спят с туго набитым брюхом. И опять кенгуру — неторопливо прыгают по траве, волоча за собой тяжелый хвост. На верхушках деревьев суетятся и трещат сойки. В своей лощине дремлют тигры Джам и Морин, а в кустах вокруг их вольера копошатся кенгуру. Кенгуру, кенгуру — всюду кенгуру; слышно, как в полумраке зарослей бузины их кроличьи зубы соскребают кору со стволов.

Удостоверившись, что в секции царит полный порядок, и предвкушая плотный ужин, которым миссис Бейли всегда потчует меня после вечернего дежурства, я направляюсь к выходу. По пути тут пустую бутылку подберешь, там клочок оберточной бумаги.

3 ТОРЖЕСТВО ТИГРОВ

*Убедится, что Тигр вполне окупает все усилия и расходы.
Бэлок. Тигр*

Первые лучи утреннего солнца греют слабо, но они покрывают траву и листья тонкой позолотой, и в их прозрачном свете видно — и слышно, — как просыпается парк. Среди поникших кустов бузины с застрявшими в ветвях ключьями тумана сидят на солнце кучки вялых и тучных кенгуру с темной росной росписью на шубках. Воздух над лужайками пронизывают похожие на английское help резкие крики павлина, влачащего свой многоцветный хвост через сосновую рощу. Зебры при виде тебя вскидывают голову, выпускают из ноздрей фонтаны пара и нервно переступают на влажной траве. Свернешь на свою дорожку — из-за ограды вольера белых медведей в тебя целятся трепещущие черные носы, которые жадно втягивают сытный дух зажатых у тебя под мышкой буханок хлеба.

Джеси и Джо идут к Приюту, а я спускаюсь к тигровой яме. Звякает железная калитка, извлекая тысячи вибрирующих эхо из цементных стен, я вхожу в темницу и приступаю к выполнению своих обязанностей.

Распростертые на роскошных постелях из желтой шуршащей соломы, тигры просыпаются и приветствуют меня, разевая влажные розовые пасти в сладком зевке. Грациозно потянулись — спина дугой, хвост палкой, нос подрагивает — и мягко трусят к дверям, не сводя с меня глаз. В яме содержались два из наших четырех тигров — Поль и Рани, сын и мать. Однако Поль не испытывал привязанности к своей родительнице, поэтому спали они в отдельных клетках, и в яму их пускали по очереди. Моей первой обязанностью утром было выпустить из клетки Рани; отодвину тяжеленную дверь и снова задвигаю ее, как только тигрица выскользнет на солнышко. А затем в нарушение правил минут пять кормлю ее сына нарезанным мясом.

Поль был у нас самый крупный и красивый тигр. Ленивые пластичные движения, кроткий нрав — никогда не скажешь, что Рани его мать. Огромные лапы-подушечки Поля ступали бесшумно и неторопливо; его родительница тоже двигалась бесшумно, но быстро, порывисто, нервно, навевая удручающие мысли о ее способности застигнуть тебя врасплох. Уверен, большую часть своего досуга она тратила на то, чтобы измыслить безошибочный способ расправиться с нами. Свирепость характера Рани явственно выражалась в ее зеленых немигающих глазах. Поль с достоинством и великой кротостью брал мясо у меня из рук; его мать хватала пищу жадно — неровен час зазеваешься, и руку прихватит заодно. Когда я кормил Поля, мне казалось, что он отвергнет мою руку, даже если ее сунуть ему в пасть, как нечто недостойное внимания. Успокоительная мысль, хотя вряд ли справедливая.

Во время наших утренних бесед Поль вел себя так благодушно, что мне стоило немало труда помнить, сколь опасным он может быть при желании. Упрется могучей головой в прутья клетки, чтобы я почесал ему уши, и громко мурлычет, напоминая скорее огромного домашнего кота, чем живущего в нашем представлении кровожадного тигра. Он принимал мои подношения с царственной снисходительностью, после чего ложился и вылизывал свои ла-

пы, а я, сидя на корточках, восхищенно любовался им. Вблизи он был особенно великолепен. Яркий мех, изумительно пропорциональное сложение, движения плавные и изящные. Голова массивная, очень широкая между ушами; нижнюю скулу облекает бледношафрановое жабо. Темные полосы на рыжем фоне казались языками черного пламени. Но, пожалуй, всего красивее были глаза: миндалевидные, чуть скошенные, большие, они напоминали полированную морем гальку цвета травянистой зелени.

Обычно наши утренние собеседования с Полем прерывал Джеси, ему не терпелось выяснить, куда я, такой-сякой, запропастился с его лопатой. Той самой лопатой, за которой я каждое утро вызывался сходить, чтобы был предлог навестить тигров. И которая играла в распорядке Джеси немаловажную роль: он отправлялся с ней в рощу для утреннего очищения, без чего не мыслил себе свой трудовой день.

Возвратившись после общения с природой, Джеси принимался за дела и начинал чистить тигровую яму. Мы снова запирали Рани в клетке, входили с щетками и ведрами в яму, драили бетон и собирали оставшиеся от вчерашнего обеда кости. После этого поочередно выпускали Рани и Поля, чтобы произвести уборку в их клетках и сменить подстилку. Вернувшись в клетки, оба тигра совершали очень своеобразный обряд. Идут, приносиваясь, прямо на свою постель и принимаются ворошить и мять лапищами солому. Уши прижаты к голове, в полузакрытых глазах — задумчивое, мечтательное выражение. Потом вдруг выпрямляются и обильно поливают мочой самую середину своих чистых постелей. После чего половину дня дремлют, временами просыпаясь для того, чтобы вылизать лапы и сладко позевать. Видимо, обнаружив в клетках чистые опилки и свежую соломенную постель, не слыша собственного острого запаха, заглушенного дезинфицирующим средством, которым мы опрыскивали пол и стены, тигры считали нужным доказать себе (и случайным посетителям), что эти клетки — часть их территории. Пропитают солому своим резким запахом, поднимут, так сказать, свой флаг — можно успокоиться и ждать кормежки.

По окончании уборки в тигровой яме наша троица уделялась в Приют, чтобы перекусить. Сидя на скрипучих стульях в темной лачуге, мы с интересом рассматривали, кто что прихватил из дома. Джеси, держа бутерброд в огромной красной ручище, ел медленно, методично и совершенно равнодушно.

Джо стремительно расправлялся со своими припасами, весело рассказывая мне что-нибудь с полным ртом и разделяя фразы взрывами своеобразного хриплого смеха. Джо — единственный из знакомых мне людей, чей смех в написании точно передается междометием "хе... хе... хе". Джеси угрюмо молчал; покончив с завтраком, он устремлял в окно отстывающий взгляд и цыкал зубом. Потом с медлительностью рептилии раскуривал свою трубку, заставляя ее сипеть, пищать и хлюпать, меж тем как мы с Джо обсуждали погоду, рыбную ловлю, лучший способ снять с кролика шкурку или сравнивали стати трех блондинок, чьи портреты украшали стену над стулом Джо.

Но вот мы все трое поднимаемся и выходим из лачуги, чтобы выполнить следующий пункт нашей программы: убрать вольер белых медведей. В гуще кустов бузины стрекочут настороженные нашим появлением сороки, Джо зычным криком спугивает их, и они вырываются из листвы, разлетаясь в разные стороны гомонящими черно-белыми стрелами.

В первой половине дня в зоопарк привозили мясо, кровавые лопатки и окорока с пятнами зеленой краски в знак того, что они не годятся в пищу людям. С половины третьего до трех мы разрубали мясо на куски, раскладывали по ведрам и решали, которого из зверей сегодня побаловать лакомством вроде сердца или печени. В три часа приступали к кормлению.

Начинали мы всегда с тигровой лоцины в дальнем конце нашей секции (с нижних тигров, как мы говорили). Здесь, в просторном, как у львов, вольере с густым кустарником жили Джам и Морин, не связанные узами родства с обитателями тигровой ямы Полем и Рани. Идем туда вдвоем, неся ведра с мясом, и непременно за нами следует словно возникшая из небытия толпа ребятшек с добавлением любопытных взрослых. Дети снуют вокруг нас, испуская звонкие крики, задавая вопросы, нетерпеливо расталкивая друг друга и подпрыгивая, чтобы лучше рассмотреть кровавые куски.

— Ух ты! Гляди, какое мясо... Альф... Альф... погляди на мясо!

— А для чего эта вилка, мистер?

— Вот это да! Спорим, они и половины не одолеют.

— А что это за мясо, мистер?

— Джон, сынок, осторожно, не мешай служителю... Джон, слышишь, кому говорят?

И так далее, на всем пути до вольера, где Джам и Морин мечутся взад-вперед у самой ограды, снедаемые адским нетерпением.

Мне всегда казалось интереснее кормить эту пару, чем Поля и его родительницу, ведь в яму мы просто бросали мясо, и все, а с нижними тиграми общение было более близким. Зацепишь вилкой мясо и просовываешь узким концом (обычно — костью) вперед между прутьями. Джам, как истый джентльмен, огрызался на свою супругу и отталкивал ее, если она пыталась опередить его. Схватит мясо зубами, упрется в каменную кладку и тянет, выгнув спину и напрягая все мускулы. Невероятная и даже грозная демонстрация силы: сантиметр за сантиметром тигр протаскивал мясо между прутьями, заставляя их отгибаться в стороны! Но вот прутья вдруг отпускают хватку, тигр от неожиданности садится и тут же, высоко подняв голову, важно шагает через кусты к пруду, чтобы там сожрать добычу.

Накормив Джама и Морин, мы отправлялись с ведрами за новой порцией. И снова нас сопровождает кучка зрителей, снова — град дурацких вопросов,

без которых, видимо, не обходится кормление тигров.

— А почему мясо сырое?

— А если его сварить, они станут есть?

— Почему тигры полосатые?

— Если вы к ним войдете, они вас укусят?

Такие вопросы обычно задавали взрослые; вопросы детей, как правило, были куда разумнее.

Хотя Поль был моим любимцем, Джам и Морин, по чести говоря, являли собой более интересное зрелище. На фоне зелени деревьев и кустов их расцветка казалась особенно яркой. Правда, природа наделила их вспыльчивым нравом, и я неизменно дивился мгновенной смене настроений, когда из вяло слоняющихся по участку зверей они вдруг превращались в шипящее и рычащее воплощение ярости.

А еще мне нравились короткие любопытные беседы Джама и его супруги. Способ их общения был чрезвычайно своеобразным, а издаваемые звуки настолько далеки от обычного ворчания или рычания, что напоминали какой-то особый язык. Тигры фыркали, производя дрожащими носами громкие булькающие звуки. Всего-навсего фыркание, но как они умели его варьировать, сколько разных значений в него вкладывали (во всяком случае, мне так казалось)! Причем беседовали Морин и Джам, только когда мы загоняли их в клетки или выпускали в вольер.

Фыркание производилось двояко, и звук получался либо протяжный и насыщенный, словно тигры спокойно переговаривались, либо очень громкий, с вопросительной интонацией; оба способа допускали вариации в зависимости от обстоятельств. Беседы производили впечатление настоящего диалога: если тигр издавал вопросительное фыркание, другой непременно отзывался.

Поначалу я только и различал два основных, так сказать, мотива — бормотание и вопросы. Однако, прислушиваясь, я научился улавливать небольшие отклонения; казалось, что и отдельные фыркания различаются между собой, в каждое из них вложен свой, особый смысл. Долго я воспринимал беседы тигров просто как фыркание, потом начал склоняться к мысли, что они разговаривают друг с другом на каком-то очень примитивном языке. Идея эта настолько меня увлекла, что я потратил уйму времени, прежде чем научился воспроизводить некоторые самые простые звуки, и наконец направился к тигровой яме, чтобы проверить свои успехи на Поле. Как только он подошел к дверце, я наполнил легкие воздухом и изобразил звучное вопросительное фыркание. Убежденный, что сам Джам не сказал бы лучше, я стал ждать ответа. Поль замер, явно озадаченный, и отступил на несколько шагов. Я фыркнул снова, почти так же выразительно, как в первый раз, и с меньшим расходом слюны. Кажется, дело пошло... Я с надеждой поглядел на Поля. Он наградил меня презрительным взглядом, от которого я чуть не залился краской, повернулся спиной и побрел обратно к своей постели. И я понял, что надо было еще малость потренироваться, прежде чем заговаривать с ним.

В ту самую пору, когда я осваивал тигриный язык, состоялось мое знакомство с Билли. Я только что проведаль львов и шел по дорожке, практикуясь в фыркание. На повороте я фыркнул на зависть всем тиграм и чуть не наскочил на высокого тощего юношу с шапкой рыжих волос, круглыми голубыми глазами и носом пуговкой. Верхнюю губу и щеки юноши покрывал нежный пушок

цвета яичного желтка.

— Привет, — сказал он с обворожительной улыбкой, — ты наш новый парень.

— Точно, — подтвердил я. — А ты кто?

Он помахал руками, уподобляясь ветряной мельнице, и хихикнул.

— Я Билли. Просто Билли. Все зовут меня Билли.

— А в какой секции ты работаешь? — поинтересовался я, так как прежде не видел его в зоопарке.

— Да во всех, — ответил Билли, косясь на меня с хитринкой, — во всех.

Мы постояли молча. Билли жадно разглядывал меня, словно натуралист, который напал на новый, неизвестный вид.

— Ну и жуткий насморк у тебя, — внезапно произнес он.

— Нет у меня никакого насморка, — удивился я.

— Как это нет? — сказал он укоризненно. — Будто я не слышал, как ты чихал на весь зоопарк.

— Я не чихал, я фыркал.

— А звучало, как чих, — возмутился Билли.

— А на самом деле фыркать. Я учусь фыркать по-тигриному.

Круглые глаза Билли полезли на лоб.

— Чему ты учишься?

— Фыркать по-тигриному. Тигры разговаривают друг с другом фыркатьем, вот и я хочу научиться.

— Ты спятил, — убежденно сказал Билли. — Как это можно разговаривать фыркатьем?

— А вот так, как тигры. Возьми да послушай их как-нибудь.

Билли хихикнул.

— Тебе нравится здесь работать? — спросил он.

— Очень. А тебе?

Он снова метнул в меня хитрый взгляд.

— Нравится, но со мной другое дело, я здесь должен находиться.

Вспомнив о том, что у каждой деревни есть свой дурачок, я заключил, что напоролся на Уипснейдское издание.

— Ну ладно, я пошел.

— Еще увидимся, — сказал Билли.

— Ага, увидимся.

Удаляясь вприпрыжку между кустами бузины, он вдруг затянул пронзительным, режущим ухо голосом:

Я странствующий менестрель,

Одет в тряпье и лохмотья.

В Приюте я застал Джо, который мастерил себе мушку для ловли форели.

— Только что встретил деревенского дурачка, — сообщил я.

— Деревенского дурачка? Это кто же?

— Не знаю. Высокий такой, рыжий, звать Билли.

— Дурачок? — переспросил Джо. — Никакой он не дурачок. Разве ты его не знаешь?

— Нет, а кто он? — любопытствовал я.

— Сын капитана Била, — ответил Джо.

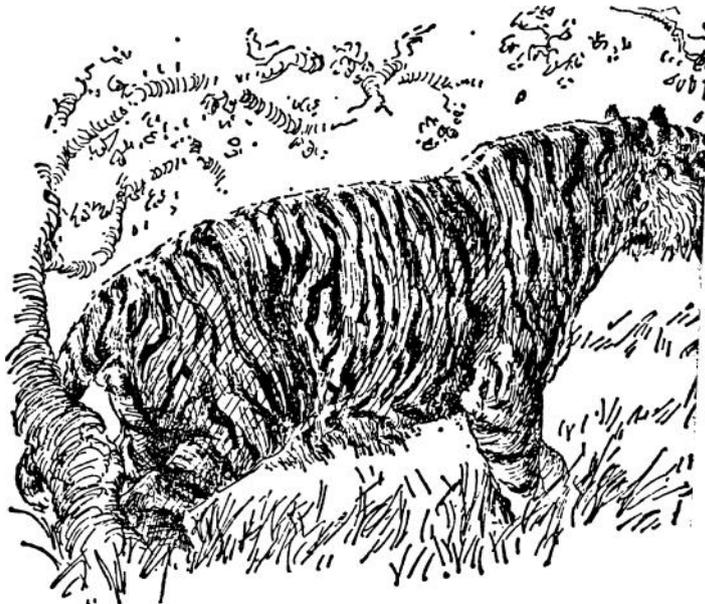
— Господи! Что ж ты меня не предупредил?

Я быстро пробежал в памяти свой разговор с Билли, пытаюсь вспомнить, не было ли мной сказано что-нибудь особенно обидное.

— А где же он все-таки работает? — спросил я — В какой секции?

— Нигде, — сказал Джо. — Просто слоняется по зоопарку... здесь поможет, там подсобит. Иной раз от него только морока, но так-то парнишка славный.

Встреча с Билли быстро забылась, потому что голова моя была занята другими, более важными делами. У Морин началась течка, и мне представилась возможность наблюдать брачный ритуал тигров. К счастью, он пришелся как раз на мой выходной, и я весь день провел в укрытии около вольера, заполняя страницу за страницей своими наблюдениями.

С самого утра Джам неотступно следовал бурой тенью за своей супругой, униженно приседая под бременем страсти. Стоя за деревьями, я видел, как они рыскают в пестрой тени кустов, как скользят по их бокам солнечные зайчики. Джам трусил за супругой сзади, чуть сбоку. Он соблюдал почтительное расстояние: ему уже досталось от нее с утра, когда он подобрался чересчур близко. Три глубоких алых царапины на морде красноречиво свидетельствовали о ее необщительности. Буквально за ночь из робкого, подобострастного существа она превратилась в опасное крадущееся животное, которое быстро и безжалостно давало отпор преждевременным домогательствам Джама. Он явно был озадачен этим превращением; надо думать, столь внезапный переворот в их статусе был для него полной неожиданностью.

Они продолжали рыскать взад-вперед среди бузины, наконец страсть опять взяла верх, и Джам, со стеклянными от возжелания глазами, приблизился к Морин; в горле его перекатывался мурлыкающий стон. Тигрица, не замедляя размеренной трусцы, оскалила белые зубы с розовой полоской десен. Стон оборвался, и Джам отступил на прежнюю позицию. И снова тигры рыскают туда-обратно в прозрачном сумраке между кустами, поблескивая рыжеватой шерстью. С моего мало уютного наблюдательного пункта в крапиве мне казалось, что Морин вообще не намерена уступать Джаму, и я восхищался его выдержкой. А она явно упивалась своей властью над супругом и продолжала водить его за собой.

Прошло еще полчаса, движения Джама с каждой минутой становились все более порывистыми и нетерпеливыми. Но вот я заметил, что Морин замедли-

ла шаг и обмякла; спина ее прогнулась так, что светло-медовое брюхо почти волочилось по земле. Тигрица вихляла всем телом, и тоскливая озабоченность в ее взгляде сменилась таинственной задумчивостью, присущей тиграм, когда они дремлют после кормления. Ленивой походкой она не столько прошла, сколько проплыла из зарослей вниз к высокой густой траве возле пруда. И остановилась там, повесив голову. Джам жадно следил за ней от опушки; глаза его сверкали зелеными льдинками на грозной морде. Морин ласково замурлыкала, и кончик ее хвоста черным шмелем заметался по траве. Потом она аккуратно зевнула, обнажив розовую пасть в волнистой кайме темных губ. Медленно расслабилась и упала боком на траву. Джам затрусил к ней, вопросительно урча, и она отозвалась глухим воркованием. Тогда он, не мешкая, оседлал Морин, выгнув спину дугой и загребая лапами по ее бокам. Голова тигрицы поднялась, и он страстно впился зубами в ее изогнутую шею. Морин словно таяла под ним, словно расплывалась и почти совсем исчезла в траве. И вот уже они лежат рядышком и спят на солнце.

У Джама была одна повадка, которой я никогда не наблюдал у других наших тигров: получив мясо, он принимался его лизать. Язык тигра работает что твоя терка. Однажды мы кормили Джама в клетке, и я смог проследить, как он ест, на расстоянии вытянутой руки. Сначала Джам зубами очистил мясо от пленок и торчащих волокон. Потом, зажав его между лапами, принялся облизывать гладкую красную поверхность. Длинный язык шоркал, точно наждак по дереву, буквально истирая мясо, так что гладкая поверхность становилась шершавой, как коверный ворс. Минут десять продолжалась эта процедура, и за это время Джам слизнул сантиметровый слой мяса. С таким языком тигру для еды и зубы-то не нужны!

Единственное, что затрудняло последовательные наблюдения над нравами и повадками Джама и Морин, — обширная территория с густыми зарослями. Вместе с тем именно эту пару стоило наблюдать, так как из наших тигров они вели наиболее естественный образ жизни. Поди угадай у Поля и Рани, какие черты поведения нормальны для них, а какие — результат противоестественного образа жизни в большой бетонной яме. Взять хотя бы купание. Я никогда не видел, чтобы Джам или Морин купались, да и Поль тоже сторонился воды. А вот Рани в знойную погоду спускалась к бассейну и погружалась в прохладную воду целиком, высунув только голову и кончик хвоста. До получаса беззаботно нежилась она в бассейне, время от времени дергая хвостом так, что на

голову летели брызги. Столь необычное для тигра поведение неизменно вызывало оживленные комментарии и догадки зрителей.

- Агнесса, пойди сюда, посмотри — тигр в воде!
- О! Какой милый, правда?
- Интересно, зачем он туда забрался?
- Кто его знает. Может быть, пить хочет.
- Хорошо, а лежать-то зачем?
- Не знаю. Может, он больной.
- Не говори глупостей, Берт.
- Может быть, это водяной тигр. Особая порода, ну?
- Наверно, так и есть. Правда, он милый?
- Кинь ему хлеба, Берт.

Большая корка хлеба ударяет Рани по макушке, и тигрица с недовольным ворчанием поднимает голову.

- Не станет он его есть.
- Попробуй кинуть орех.

Честное слово, этот разговор не плод моего воображения. Я записал его дословно, и у меня есть свидетели. Зрелище распостертой в воде Рани рождало самые нелепые гипотезы в головах благородной британской публики. Теснясь вдоль отжима, посетители с напряженным вниманием глазели на тигрицу. Даже уличное происшествие не могло бы вызвать более жадного интереса.

До моей работы в Уипснейде я не представлял себе, как мало люди осведомлены даже о простейших фактах в жизни животных. Зато служителям полагалось знать все на свете. Тигры так и рождаются полосатыми? А львы укусят, если к ним войти? Почему у тигра есть полосы, а у льва нет? Почему у льва есть грива, а у тигра нет? А тигры укусят, если к ним войти? Почему белый медведь белый? Где водятся белые медведи? А они укусят, если к ним войти? Такие вопросы и сотни других нам задавали во все дни недели, иногда по двадцать-тридцать раз на дню. Когда наплыв посетителей бывал особенно велик, наша выдержка подвергалась серьезному испытанию.

Многие посетители, с которыми я разговаривал, удивлялись и явно разочаровывались, выяснив, что мы не ходим весь день на волосок от смерти в когтях льва или медведя. Поскольку я не мог похвастаться живописными шрамами, посетители считали меня чуть ли не шарлатаном. Попробуй убедить их, что жить среди этих зверей в общем-то совершенно безопасно, — воспримут как оскорбление. Одежда разорвана в клочья, голова окровавлена, но гордо поднята — таким они хотели бы меня видеть; в их представлении мой рабочий день должен был являть собой сплошную череду страшных испытаний. Вспоминая ту пору, я чувствую, что упустил отличный случай сколотить состояние. Мне бы располосовать свой халат, вымазаться кровью и каждые полчаса выходить, шатаясь, из тигровой ямы и небрежно замечать: "Адская работенка — чистить этого тигра", — я теперь был бы богачом.

Посетители в массе были для нас источником изрядных хлопот, а иногда и веселья. Два случая врезались в мою память на всю жизнь. Первый — когда один мальчуган, посмотрев, как я кормлю тигров, подошел ко мне с округлившимися глазами и полусшепотом спросил:

- Мистер, а вас эти зверюги ели хоть раз?

И второй: красный от возбуждения мальчишка, подбежав к тигровой яме,

глянул через барьер, увидел рыскающего взад-вперед Поля, повернулся к своей родительнице и крикнул:

— Мам! Мам, скорей иди сюда, погляди на эту зебру!

Через несколько дней после моего знакомства с Билли я снова встретил его. Он катил на дребезжащем древнем велосипеде по каменистой дорожке, ведущей к вольеру львов. Я только что расправился с густой крапивой, которая норовила заполнить дорожку, и устроил долгожданный перекур.

— Привет! — пронзительным голосом крикнул Билли, резко нажимая на тормоза, так что чуть не вылетел из седла.

Его длинные неуклюжие ноги уперлись в землю, губы растянулись в дурацкой улыбке.

— Привет, — осторожно отозвался я.

— Чем ты тут занят?

— С крапивой сражаюсь.

— Ненавижу эту работенку, — заявил Билли. — Обязательно обстрекаюсь, притом в самых неожиданных местах.

— Я тоже, — с чувством ответил я.

Билли беспокойно оглянулся по сторонам.

— Послушай, — произнес он заговорщицким шепотом, — у тебя сигаретки не найдется?

— Найдется. — Я протянул ему сигарету.

Он неумело закурил и принялся отчаянно дымить.

— Только никому не говори, ладно? Мне не разрешают курить.

— Далек ли направляешься? — спросил я.

Билли поперхнулся дымом и закашлялся, из глаз его покатались слезы.

— Хорошая сигарета — это здорово, — хрипло вымолвил он.

— Не вижу, чтобы тебе было так уж здорово.

— Что ты, отлично!

— Ну, так куда же ты направляешься? — повторил я.

— Да вот тебя решил проведать, — ответил он, показывая на меня размокшей от слюны сигаретой.

— В самом деле? А зачем же я тебе понадобился?

— Старикан приглашает тебя сегодня вечером на стаканчик.

Я вытаращил глаза от удивления.

— Твой отец приглашает меня на стаканчик? — озадаченно переспросил я. — Ты серьезно?

Одержимый повторным приступом кашля после новой затяжки. Билли только лихорадочно закивал в ответ, трясая рыжей шевелюрой.

— Допустим, но с какой стати он приглашает меня на стаканчик? — продолжал я недоумевать.

— Полагает... — через силу выговорил Билли, — полагает, что ты будешь оказывать на меня благотворное влияние.

— Господи, я не собираюсь ни на кого оказывать благотворное влияние. И вообще, где же тут благотворное влияние, если я дал тебе сигарету, хотя тебе не разрешают курить.

— Никому не говори, — прохрипел Билли. — Секрет. Ну, пока — до половины седьмого.

Продолжая давиться и кашлять, он скрылся в кустах на своем ржавом вело-

сипеде.

Итак, в шесть часов вечера я натянул свои единственные приличные брюки, повязал галстук, надел пиджак и явился в апартаменты семейства Билов, которые занимали часть здания дирекции. Хотя другие работники зоопарка заверили меня, что под грубой внешностью капитана Била скрывается золотое сердце, мне все же было страшновато: как-никак, он директор, а я самая мелкая сошка.

Дверь открыла миссис Бил, очаровательная женщина, излучающая нерушимое спокойствие.

— Входите, входите, — сказала она, ласково улыбаясь — Вы разрешите называть вас просто Джерри? Билли вас только так называет. Проходите... капитан в гостиной.

Она проводила меня в уютную просторную комнату. В углу, в огромном кресле, почти совершенно скрытое вечерней газетой, было простерто могучее тело капитана Била. Под глухой рокот, предвещавший вулканическое извержение, газета шуршала и шелестела, вздымаясь и опадая в лад капитанскому дыханию.

— Боже мой, — сказала миссис Бил. — Извините, он заснул. Вильям! Вильям! Джерри Даррел пришел.

Раздался шум, как от столкновения нескольких товарных поездов, и капитан могучим левиафаном вынырнул из-под газеты.

Он крикнул, поправил очки и воззрился на меня.

— Даррел? Ах, Даррел! Рад познакомиться. Я хотел сказать, рад вас видеть.

Капитан поднялся на ноги, сбрасывая на пол газетные листы, словно могучий дуб осеннюю листву.

— Глэдис! — рявкнул он. — Дай же парню что-нибудь выпить. Что он, так и будет стоять?

Миссис Бил никак не реагировала на его команду.

— Да вы садитесь, — предложила она мне с улыбкой. — Что вам налить?

В первые послевоенные годы спиртное еще ценилось на вес золота, и, хотя я мечтал о чем-нибудь вроде виски с содовой для храбрости, мне было ясно, что говорить об этом вслух нетактично.

— стакан пива, если можно, — сказал я.

Пока миссис Бил ходила за пивом, капитан добрал до камина и принялся энергично шуровать кочергой, надеясь оживить пламя. На каменную плиту вывалилось несколько тлеющих головешек, и камин окончательно потух. Капитан с досадой отбросил кочергу.

— Глэдис! — проревел он. — Камин потух!

— А ты оставь его в покое, милый, — отозвалась миссис Бил. — Он у тебя всегда тухнет.

Капитан снова плюхнулся в кресло, и пружины протестующе взвизгнули.

— И дрянь же, черт возьми, это нынешнее пиво, верно, Даррел? — заметил он, глядя на стакан, который принесла мне миссис Бил.

— Не сквернословь, милый, — сказала она.

— Адская дрянь, — с вызовом повторил капитан, сверля меня взглядом. — Вы согласны, Даррел?

— Право, не знаю, я ведь до войны не пил пива, — ответил я.

— Ни крошки хмеля, — продолжал капитан. — Точно вам говорю, ни крош-

ки.

В эту минуту, вихляясь в суставах, будто жираф, в комнату ворвался Билли.

— Привет, — сказал он мне, дурашливо улыбаясь. — Ты уже здесь?

— Где ты пропадал? — рявкнул капитан.

— Гулял с Молли, — ответил Билли, размахивая руками. — Тра-ля-ля, тра-ля-ля, это моя новая возлюбленная.

— Ха! — удовлетворенно хмыкнул капитан. — Стало быть, с девчонками крутишь? Молодец! А вы, Даррел, тоже дамский угодник?

— Наверно, — осторожно ответил я, не совсем уверенный, как капитан Билл представляет себе дамского угодника.

Убедившись, что миссис Бил вышла из комнаты, капитан наклонился вперед.

— Я и сам всюду ухлестывал за дамами, — пророкотал он заговорщицким шепотом. — Пока не встретил Глэдис, разумеется. Черт!.. После Западного побережья человеку нужна достойная подруга!

— И долго вы пробыли в Африке? — спросил я.

— Двадцать пять лет... четверть века. Черные меня любили, — простодушно похвастался он. — Конечно, я с ними по справедливости обращался, и они это ценили. Дядей Билли называли.

В этом месте Билли по какой-то одному ему известной причине разразился истерическим хихиканьем.

— Дядя Билли! — захлебывался он. — Надо же, называть тебя "дядя Билли"!

— Ну и что? — прорычал капитан. — Выражение преданности. Они меня уважали, так-то.

— А мне можно пива? — спросил Билли.

— Только один стакан, — отрезал капитан. — Ты еще молод пить. Скажите ему, что он молод пить, Даррел. Молод пить, курить и распутничать.

Билли состроил гримасу, подмигнул мне и вышел из гостиной за пивом.

— Ну, и как вы ладите с зебрами? — вдруг рявкнул капитан Бил так зычно, что я едва не выронил стакан.

— Гм... ну, я, конечно, видел зебр, но вообще-то я ведь в львятнике работаю.

— Ах так, — сказал капитан. — Ну да, вас ведь туда назначили? Ясно, и как же вы ладите со львами?

— По-моему, хорошо лажу, — осторожно ответил я.

— Ладно. — Капитан посчитал, что эта тема исчерпана. — Вы любите кэрри?

— Гм... да-да, люблю.

— Острый кэрри? — допытывался капитан Бил, сверля меня подозрительным взглядом.

— Да. Моя мать готовит очень острый кэрри.

— Ладно, — удовлетворенно произнес капитан. — Приходите к нам обедать... в четверг. Я сам приготовлю кэрри. Никогда не доверяю это Глэдис... не умеет делать острый кэрри... преснятина. А надо, чтобы пот прошибал.

— Я вам очень признателен, сэр.

— Глэдис! — взревел, капитан Бил так, что стены задрожали. — Даррел придет к нам обедать в четверг Я приготовлю кэрри.

— Очень хорошо, милый, — сказала миссис Бил, возвращаясь в гостиную. — Приходите часам к семи, Джерри.

— Я вам очень признателен, — повторил я.

— Отлично. — Капитан поднялся на ноги. — Итак, в четверг — ясно?

Мне было ясно, что пора уходить.

— Что ж, ладно, большое спасибо за пиво, сэр.

— На здоровье, — пробурчал капитан, — на здоровье. Только поосторожнее с этими зебрами, учтите, от них ведь всяких гадостей можно ждать. Всего доброго.

4

МАНЕРЫ МЕДВЕДЯ

*Но медведица в ответ зубы скалит, когти кажет
Киплинг Женский пол*

С точки зрения публики подлинными звездами секции были белые медведи Бэбс и Сэм.

— После белых медведей, — говорил Джеси посетителям, — остальное можно и не смотреть.

Публика не прочь поужасаться действительной или мнимой свирепости львов и тигров, но быстро теряет к ним интерес. А вот на белых медведей люди могли смотреть без конца, потому что те их смешили. Львов и тигров надо наблюдать подолгу, чтобы подметить что-нибудь интересное в их частной жизни, а у кого же из посетителей есть время терпеливо следить за спящими животными в надежде увидеть проявление примитивных страстей или еще какое-нибудь диво. То ли дело белые медведи: они, как говорится, никогда не покидали сцену, и публика могла часами простаивать около их вольера. Сэм либо стоял в углу, плавно покачиваясь, либо лежал на бетонном полу, распластавшись на животе совсем по-собачьи и пренебрежительно взирая на людей. Его супруга Бэбс ныряла в бассейн за хлебом и печеньем или просовывала длинную морду между прутьями ограды и разевала пасть, чтобы угощение бросали прямо в рот.

Разница между Сэмом и Бэбс бросалась в глаза с первого взгляда. Сэм — косматый тяжеловес с огромным отвислым задом; его супруга — гладкая и стройная. У Сэма — широченная голова, маленькие аккуратные уши и характерный для старых белых медведей «римский» нос, образованный мясистым валиком на морде выше ноздрей. Этот валик придавал бы Сэму коварный вид, если бы маленькие глаза в глубине шерсти не лучились добродушием. У Бэбс голова длинная и узкая; казалось, гибкую шею медведицы венчает большущая сосулька. Ее морда вполне заслуживала названия коварной, а неприятный желтый отлив белков вызывал в памяти помятое лицо немолодой женщины наутро после бурной вечеринки. Сэм, как и подобало его возрасту, вел образ жизни степенный и размеренный, расхаживая по вольеру с видом благосклонного и рассеянного старца. Он старался не делать лишнего шага, по большей части просто спал на солнце. В отличие от него Бэбс не знала покоя: то бесцельно кружит по вольеру, то жметя к прутьям, стараясь зацепить лапой оброненные ее почитателями куски печенья или соблазнительные клочки бумаги, то плещется в зеленой воде бассейна.

В часы кормления Бэбс подходила к прутьям и широко разевала усеянную кривыми желтыми зубами длинную пасть, чтобы Джеси мог бросать ей мясо в рот. Сэм никогда не допускал такого неприличия, он осторожно брал мясо удивительно цепкими губами, потом ронял его на цемент и внимательно изучал. Если мясо было жирным, он наступал на него широкой лапой, аккуратно отдирая шуршащий жир передними зубами и съедал, щелкая челюстями и громко чмокая. Бэбс во время кормления устраивала подлинные водяные феирии, однако Сэм никогда к ней не присоединялся. Медведица обожала выступать перед благодарной публикой, смех и крики которой поощряли ее на но-

вые и новые трюки; Сэму было абсолютно все равно, есть зрители или нет.

Бэбс независимо от погоды полдня проводила в бассейне, шумно резвилась и бултыхалась в зеленой булькающей воде. Иногда она по нескольку минут лежала на спине, пристально рассматривая свои лапы. Смысл этой странной повадки остался для меня загадкой. Но чаще медведица плавала по-собачьи, загребая всеми четырьмя ногами: доплывет до конца бассейна — поворачивается на спину и с силой отталкивается от стенки задними ногами, так что вокруг шеи и плеч возникает белый бурунчик. Сэм, как я уже говорил, никого и ничего не замечал (за исключением разве что ведра с кормом); Бэбс для вдохновения была необходима публика, в такие часы она не выходила из бассейна, услаждая галерку игривыми ужимками примадонны из третьеразрядной пантомимы. Бросаясь за хлебными корками, она шлепала брюхом по воде с такой силой, что брызги летели на возмущенного Сэма, и ему приходилось перебираться на более безопасное место.

Как ни странно, Сэм явно не любил воду. Если в бассейн бросали корм, он не нырял за ним, а старался выловить лапой, стоя у бортика. Не поймает — во все уйдет. Правда, дважды я видел, как он спускался в бассейн, чтобы поиграть с супругой, и это было зрелище, достойное внимания. В одиночку Бэбс исполняла свои номера без юмора, с напряженным, сосредоточенным видом, будто взялась за малопочтенное дело, которое, однако, надлежит любой ценой довести до конца. Веселой я видел ее только в тех случаях, когда Сэм присоединялся к ней; ее морда сразу становилась милой и добродушной. Сидя по пояс в воде, Сэм обнимал и легонько покусывал супругу, и глаза его излучали снисходительную доброту. А Бэбс, глядишь, до того разойдется, что кусает его довольно чувствительно, и тогда он приводит ее в чувство увесистой оплеухой. Или примутся топить друг друга: захватят пастью за гривок партнера и погружаются, увлекая его за собой. Массивные белые седалища качаются на поверхности воды, точно гигантские подушки для булавок, а внизу, в зеленой толще, идет развеселая возня, супруги лихо тузят и кусают друг друга. Наиграются — внезапно выныривают, отдуваясь и фыркая, в каскадах стекающей с их шуб воды.

Бэбс совсем по-детски увлекалась игрушками, которые ей давали. Все что угодно годилось: старая крышка, колода, пучок травы или кость, — но вообще-то она предпочитала предметы, с которыми было удобно играть в воде и которые не слишком быстро тонули. Однажды утром, закончив уборку, я нечаянно оставил в вольере ведро и спохватился, когда мы уже выпустили медведей из клеток и было поздно что-либо предпринимать. Мы все же попытались загнать их обратно, но из этого ничего не вышло.

Сэм проверил ведро и, убедившись, что оно пустое, отошел в сторону. Зато Бэбс, беспокойная натура, очевидно, восприняла ведро как дар небес, посланный ей, чтобы внести разнообразие в серые будни заточения, и принялась гонять его лапицей по буграм, явно наслаждаясь душераздирающим скрипом железа о цемент. В конце концов ведро с грохотом скатилось в бассейн и поплыло по воде дужкой кверху. Стоя у бортика, Бэбс сделала попытку поймать его лапой, но не дотянулась. Тогда медведица прыгнула в бассейн, вызвав миниатюрное цунами. Волна захлестнула ведро, и оно кануло в зеленую толщу. Нимало не обескураженная этим, Бэбс нырнула следом и принялась обыскивать дно. Через минуту-другую она вынырнула с висящим на лапе ведром —

ни дать ни взять доярка с подойником. Не желая больше рисковать, Бэбс легла на спину, примостила трофей себе на брюхо и принялась ласково его поглаживать. Время от времени она подносила ведро к носу, чтобы смачно фыркнуть в его гулкое металлическое нутро.

Но вот медведица забыла про осторожность, и снова ведро с веселым бульканьем пошло ко дну. Бэбс нырнула за ним, а когда вынырнула, ведро сидело на ее голове, словно шляпа, с дужкой в роли охватывающей подбородок ленты. Джо хохотал так, что с ним чуть истерика не случилась. Правда, затем мы изрядно поволновались, потому что ведро никак не хотело сниматься. Справившись с ним наконец, медведица решила его проучить. Взяла дужку зубами, вынесла ведро из воды, опустила на цемент и с видом исследователя, производящего увлекательный эксперимент, нажала лапой на железо. Казалось бы, чуть-чуть нажала, но от этого незамысловатого акта дно ведра вздулось пузырем, а бока сплющились, точно побывали под гидравлическим прессом. Исчерпав таким образом возможности новой игрушки, Бэбс утратила к ней интерес и побрела к бассейну, чтобы немного поплавать.

Время от времени у Бэбс между пальцами передней лапы появлялись фурункулы — неприятная штука, так как они прорывались не сразу и причиняли ей изрядную боль. С изборожденным страдальческими складками лицом Джо стоял, опираясь на отжим, и глядел, как медведица хромает по своей площадке.

— Ах ты, бедолага, — участливо приговаривал он. — Бедняжка ты моя.

Нам оставалось только смотреть, как она страдает и мечется по вольеру. На второй день фурункул прорывался сам, пачкая желтым гноем белую шерсть. Пока в распухшей лапе пульсировала боль, Бэбс не входила в бассейн, но, как только нарыв лопался, бросалась в воду, не дожидаясь, когда выйдет весь гной.

Но однажды нарыв не прорвался, как обычно, на второй день; лапа и на третье утро была похожа на подушку, и мы заметили, что опухоль распростра-

няется вверх. Дело приняло серьезный оборот, и нам пришлось вмешаться. Заманив медведицу в клетку, мы сунули ей кусок мяса, в котором были спрятаны искрошенные таблетки, затем вскипятили в Приюте ведро воды и развели дезинфицирующее средство. У нас было задумано распарить лапу, чтобы фурункул лопнул, однако Бэбс отнюдь не рвалась участвовать в этом научном опыте. Клетка была достаточно длинная: зайдём с одного конца — медведица поспешно ковыляет в другой. С помощью двух досок, трех вил и лопаты нам удалось запереть ее в углу, там она уселась, шипя, будто паровая машина, и предостерегающе порывкивая. Мы плеснули горячей водой на распухшую лапу; Бэбс рывком подняла ее, хрипя от ярости и боли, и попыталась пробиться через заграждение из досок и вилок. К счастью, доски выдержали. Мы плеснули опять; на этот раз Бэбс гораздо мягче выразила свое недовольство. По мере того как лапа прогревалась, медведица становилась спокойнее; наконец она легла и закрыла глаза. Прежде чем мы опорожнили ведро, нарыв прорвался, выбросив на цемент струю гноя, и Бэбс облегченно вздохнула. Еще два ведра воды ушло на то, чтобы смыть гной, который сочился из отверстия величиной с монетку. Через полчаса мы выпустили Бэбс из клетки, а минутой позже она уже как ни в чем не бывало бултыхалась в бассейне.

До работы с Бэбс и Сэмом мне не приходило в голову, что белый медведь способен развить сколько-нибудь заметную скорость. Тем сильнее был я поражен, когда увидел, что Бэбс при желании в прыти не уступает тигру. Правда, она совершала рывки только в тех случаях, когда, выведенная из себя, покушалась на вашу жизнь. Сэм редко торопился и никогда не выходил из себя; если его что-то раздражало, он давал знать об этом, издавая выпяченными губами предостерегающее шипение. Бэбс не тратила времени на предостережения и бросалась на человека по малейшему поводу. Впервые она продемонстрировала мне свои способности однажды утром, когда по какой-то причине, известной только ей одной, пребывала в дурном настроении. Медведица шипела и ворчала, когда мы загоняли супругов в клетку, чтобы произвести уборку в вольере, да и выйдя потом из клетки, продолжала ворчать и порывкивала на Сэма, если он приближался к ней. Тут я нечаянно задел ногой ведро, оно с грохотом опрокинулось на камни, и этот шум подсказал Бэбс, на что обратить свой гнев. В приступе ярости она развернулась кругом и из дальнего конца вольера галопом бросилась ко мне. В четыре огромных прыжка, словно чудовищный мяч, покрыла она расстояние до разделявшей нас оградой. Медведица проделала этот маневр так стремительно и могучая лапища просунулась между прутьями так внезапно, что я едва успел отпрянуть назад. Раздосадованная промахом, Бэбс с шипением ретировалась и принялась угрюмо бродить на солнце.

Казалось, этот случай должен был меня предостеречь, но я пренебрег уроком, и вскоре Бэбс опять застигла меня врасплох. В промежутке между отжимом и оградой вольера белых медведей накапливались обертки от конфет, разорванные пачки из-под сигарет, бумажные кульки и прочий мусор, который заботливые посетители бросали на землю, чтобы мы не скучали без дела. Придя, как обычно, под вечер для уборки и увидев, что Бэбс спит на краю вольера, я решил приступить к работе в противоположном конце. Перелез через отжим, начал подметать и так увлекся, что забыл о необходимости поглядывать на медведей. Только нагнулся за очередной бумажкой, вдруг за спиной у

меня слышались какой-то топот и шипение, и в ту же секунду на мое сиденье обрушился страшный тумак. Я пролетел ласточкой по воздуху и приземлился плашмя на грязную траву. Перевернувшись на спину, я увидел Бэбс: она сидела возле ограды, злорадно глядя на меня. И ведь что особенно поразительно: хотя в узкий просвет между прутьями могла просунуться только часть лапы, а именно пальцы с когтями, медведица вложила в удар такую силу, что умудрилась сбить меня с ног. Поглаживая ушибленное место, я пытался представить себе, что мне грозило, если бы не ограда. Судя по взгляду Бэбс, она была готова хоть сейчас удовлетворить мое любопытство.

Чуть ли не каждый день Джеси испытывал побуждение прочитать кому-нибудь из посетителей небольшую лекцию на зоологические темы. Лекции его отличались томительным однообразием, всегда повторялись дословно, притом настолько часто, что некоторые из них приобрели в зоопарке едва ли не легендарную известность. Пожалуй, первое место занимал трактат о белых медведях, его почти все сотрудники знали наизусть.

У Сэма была привычка качаться, довольно распространенная у медведей. Иной раз он по часу стоял и качал головой наподобие маятника, устремив невидящий взгляд куда-то вдаль. Зрители неизменно реагировали удивленными и восторженными возгласами на странное поведение огромного белого зверя, и в конце концов кто-нибудь из них, озадаченный более других, начинал искать взглядом служителя, чтобы тот объяснил ему смысл непонятого явления.

Тотчас рядом с любознательным, словно наделенный телепатическим даром, как из-под земли вырастал Джеси. Придя в себя от неожиданности, посетитель спрашивал, почему это медведь качается вот так из стороны в сторону.

— Видите ли, — начинал Джеси, вперив глубокомысленный взгляд в спросившего, — это долгая история, к тому же я не совсем уверен в правильности моего толкования...

Пауза.

Разумеется, после столь скромного начала слушатели проникались уверенностью, что он никогда не ошибается. Закурив предложенную ему сигарету, Джеси облакачивался на перила и продолжал.

— Это так называемое зазывное качание, — задумчиво говорил он. — Его можно наблюдать и у слонов. Никто не знает точно, в чем его смысл, все толкуют по-разному. Что до меня, то я считаю, дело в следующем...

Здесь Джеси делал глубокий вздох и мелодично цыкал зубом, нагнетал напряжение.

— Вы, конечно, знаете, что белые медведи обитают на Южном полюсе, где кругом сплошь один лед и снег. Пищей им служат тюлени, и вот я пришел к выводу, что это качание — прием, который помогает им охотиться. Стоит это медведь у кромки льда и качается, так? Мимо плывет тюлень и видит эту странную картину, так? Высовывается из воды, чтобы получше рассмотреть. В это время — хлоп! — медведь бьет его по голове. Я бы сказал, это что-то вроде гипноза. Медведь как бы зачаровывает тюленя, понятно?

Интересно: я сотни раз слышал, как Джеси излагает свою гипотезу, и хоть бы один слушатель спросил его, зачем же качаются слоны — тоже тюленей гипнотизируют? И никто не подвергал сомнению его слова о том, что белые медведи живут на Южном полюсе. Зато после каждой такой лекции в карма-

не Джеси прибавлялся шиллинг.

Наблюдая обычаи и нравы Бэбс и Сэма, я успел привязаться к этой забавной и интересной паре. Пожалуй, самым забавным был тот случай, когда мы решили, что Бэбс готовится стать матерью. Правда, случай этот относится к разряду тех, которые только потом кажутся смешными.

Рабочий день кончился, я сидел в Приюте и поджаривал хлеб, вдруг на пороге возник Джо, который совершал заключительный обход.

— Слышь, — произнес он таинственным голосом, — пойдём-ка, чего покажу.

Я неохотно оторвался от своего занятия и проследовал с ним к вольеру белых медведей. Вроде бы все в порядке...

— А в чем дело-то, Джо? — спросил я.

— Не видишь?

Я снова обвел взглядом вольер.

— Нет... а что?

— У нее кровь идет! — произнес Джо хриплым театральным шепотом и оглянулся украдкой: не подслушивает ли кто.

— У кого?

— Как у кого — у Бэбс. У кого же еще!

Я присмотрелся к медведице, которая бродила вдоль ограды, и разглядел наконец на задней ноге пятнышко запекшейся крови.

— А-а, теперь вижу. На задней ноге.

— Ш-ш-ш! — яростно прошипел Джо. — Тебе непременно надо, чтобы все слышали?

Ближайшие люди находились от нас шагах в трехстах, но Джо, как я уже говорил, относился к таким вопросам с повышенной чувствительностью.

— Ну и что с ней, по-твоему? — спросил я. — Порезалась?

— Пошли, — ответил Джо.

Он отвел меня обратно в Приют, и мы устроили совещание за закрытыми дверями.

— По-моему, это роды, — твердо произнес Джо.

— Какие роды, — возразил я, — у нее живот ничуть не прибавился.

— Поди рассмотри при такой густой шерсти, — угрюмо сказал Джо, словно Бэбс скрывала от него порочащий ее секрет.

— Ну ладно, а что нам теперь делать? Если она там ощенится, старина Сэм сожрет медвежонка, как пить дать.

— Надо загнать ее в клетку, — изрек Джо с видом полководца.

Это оказалось не так-то просто. Медведица с утра уже побывала в клетке и не видела никаких оснований, чтобы ее вновь туда заточали. Вместо нее в клетку вошел Сэм и уселся, рассчитывая на дополнительный паек. Он никак не хотел выходить, и мы немало помучились, прежде чем удалось выгнать его. После этого Джо заманил Сэма в другой конец вольера и потчевал там кусочками жира, пока я улещивал Бэбс. Через каких-нибудь полчаса маневр был завершен: медведица очутилась в клетке, а супруг ее восседал снаружи и с величайшим интересом наблюдал за ходом событий.

— Теперь, — объявил Джо, — нужно сделать ей подстилку.

— Солтому?

— Ага, притащи-ка охапку от тигровой ямы.

Вернувшись с соломой, я снова прочитал на лице Джо озабоченность.

— Ей хочется пить, — сообщил он. — В этой чертовой клетке жаррища адская. Никакой тени. Надо что-то придумать.

— Давай накроем клетку сверху, — предложил я. Поискав вокруг Приюта, мы нашли старую дверь и, поднатужившись, водрузили ее на клетку. Теперь Бэбс могла укрыться в тени, однако наша возня прибавила ей злости, она сердито шипело и рычала. Сэм продолжал сидеть и увлеченно следил за нами, почесывая пузо своими огромными лапищами.

— Так, одно дело сделано! — Джо вытер вспотевшее лицо. — Теперь настелим соломы.

Но к этому времени Сэму наскучила роль пассивного наблюдателя. И по мере того как мы просовывали в клетку солому, он с другой стороны выгребал ее лапой, внимательно исследуя каждый пучок. Что он там искал — корм или отпрыска, осталось неясным. Мы и так и этак старались его отвлечь, кричали, водили лопатами по железным прутьям, бросали в него куски жира — как о стенку горох.

— Чертов дурень старый! — выругался Джо. Мы запарились и устали. Сэм сидел на охалке соломы; в клетке у его супруги лежало несколько соломинок.

— Бесполезно, Джо, он не отстанет. Придется ей рожать прямо на цемент, вот и все.

— Да, — печально согласился Джо, — придется, что поделаешь.

Мы покинули медведей. Сэм шаркал ногами по соломе, Бэбс с негодующим видом сидела в клетке. Пришло время закрывать зоопарк на ночь, а роды все еще не начинались, и мы разошлись по домам, оставив Бэбс в заточении.

Однако мысль о медведице не давала мне покоя, и поздно вечером меня вдруг осенило: течка. У Бэбс течка. Пораженный столь простым и естественным объяснением, я хохотал до упаду.

Встретив наутро Джо, я тотчас понял по его лицу, что и его посетила та же мысль.

— И как это нам сразу не пришло в голову? — горестно воскликнул он. — Скажи после этого, что мы с тобой не идиоты!

Впрочем, ему не понадобилось много времени, чтобы оценить комизм случившегося, и мы еще продолжали громко хохотать, когда подошли к вольеру белых медведей.

Внезапно Джо перестал смеяться.

— А где же солома? — удивленно спросил он.

На косматой шубе Сэма висело несколько соломинок. И все. Цемент был чист, как будто его подметали.

— О-о-о-о-о! — вдруг завопил Джо с безумной болью в голосе. — Нет, ты погляди на бассейн... Эта старая скотина...

В бассейне плавала солома, столько соломы, что воды почти и не видно. Судя по всему, Сэм всласть потрудился ночью, убирая солому подальше от греха. Сток, разумеется, был основательно засорен: мокрая солома — несравненное средство для закупорки сточных труб. Два дня чистили мы бассейн и трубу; хорошо, что все это время стояла ясная, жаркая погода.

— Роды! — подытожил Джо. — Следующий раз, когда вздумает рожать, обойдется без удобств, черт возьми, как все медведи.

Я проработал в зоопарке несколько недель, когда Джеси, совершенно

неожиданно для меня однажды утром объявил о моем повышении. Мы сидели в Приюте, только что управились с завтраком, и Джеси не спеша раскуривал свою трубку. Добившись того, что она засипела и забулькала, как положено, он устремил на меня пристальный взор.

— А ты недурно справляешься, сынок, — произнес он. — Совсем недурно.

— Спасибо, — молвил я озадаченно.

— Вот что, сынок, — продолжал Джеси, ткнув меня в бок черенком трубки, — поручу-ка я тебе верхнюю половину секции. Под твою полную ответственность, понял?

Я был польщен и счастлив. Ухаживать за животными в паре с кем-то было достаточно интересно, но куда увлекательнее самому отвечать за группу зверей.

Не откладывая дела в долгий ящик, я поднялся на гребень, чтобы обозреть свои владения. В небольшом известняковом котловане обитал вомбат Питер. Хотя я каждый день добросовестно носил в этот вольер хлеб, морковь и другие лакомства, настоящее знакомство с Питером еще не состоялось, потому что он вырыл себе целую систему нор в ослепительно белом известняке и явно не отличался общительностью. Я постановил возможно скорее наладить с ним настоящий контакт.

На участке с густыми зарослями бузины поблизости содержалась пятерка песцов. Мое общение с ними до сих пор тоже сводилось к тому, что я доставлял им корм. Чтобы наладить дружбу с этими нервными существами, требовались время и забота с моей стороны.

В следующем вольере, с таким же обилием кустарника, жили енотовидные собаки, курьезные лохматые существа с лисьей мордочкой и пушистым хвостом, одетые в густую по-медвежьи шерсть. Из-за коротеньких кривых ног походка этих зверьков напоминала развалистую поступь захмелевшего моряка.

Я внимательно изучал свою новую территорию, прикидывая, что тут можно улучшить. Сразу же пришел к выводу, что песцов и енотовидных собак почти не видно из-за чрезмерно густой зелени, вооружился пилой и садовым ножом и с упоением потрудился часа два, истребляя крапиву и подстригая бузину. После этого вольеры приобрели вполне приличный вид. И животных можно рассмотреть, и растительности осталось достаточно, при желании им есть где спрятаться.

Далее я попытался выяснить для каждого из трех порученных мне видов, какой корм они предпочитают. В частности, оказалось, что песцы обожают яйца.

Я открыл это совершенно случайно. Найдя однажды на земле надтреснутое

яйцо черного дрозда, я сунул его в висевшее у меня на руке ведро, чтобы угостить Сэма, но тут увидел песцов, которые сбежали к калитке на звон ведра, и бросил яйцо им в вольер. При падении оно расколосось; правда, желток уцелел, но белок растекся по земле. Один из песцов осторожно приблизился, принюхиваясь усатой мордочкой, к нему присоединился другой, потом третий. Остальные тоже учуяли запах, и завязалась потасовка, особенно впечатляющая потому, что она происходила в полной тишине. В заднюю ногу первого песца, который уже принялся за желток, впились острые зубы, он развернулся с оскаленной пастью и повалил соперника. Двое кружили по обрызганной белком земле, стараясь дотянуться друг до друга зубами или лапой. Пятый всех превзошел: нырнет в гущу драчунов, умудряясь лакать и огрызаться чуть ли не одновременно, потом садится и тщательно облизывает мордочку, готовясь к новому выпаду. Вскоре от яйца даже влажных пятен не осталось, но песцы еще долго облизывались и придиричиво обнюхивали носы друг друга. И когда я пошел дальше, меня с надеждой и нетерпением провожали пять пар янтарных глаз: не появится ли из ведра еще одно яйцо? После этого случая я повадился ходить на одну ферму поблизости и под прикрытием живой изгороди таскать куриные яйца для моих песцов. И если до тех пор они, когда я входил в вольер для уборки, начинали тревожно метаться по кругу, прижимаясь к ограде, то теперь очень быстро стали совсем ручными.

Меня немало смущало то обстоятельство, что песцы не издавали почти никаких звуков. Говорю почти, потому что однажды я все-таки услышал их голоса, и это было так красиво и необычно, что мне хотелось бы послушать эти звуки снова — в отличие от звуков, издаваемых большинством других животных. Дело было утром, я приближался к прикрывающей песцовый вольер сосновой роце, и вдруг мое внимание привлекли странные пронзительные, переливистые крики. Похоже на чаек, однако я не видел кругом никаких птиц. Енотовидные собаки, мимо которых я только что прошел, тут явно ни при чем... А причудливая мелодия продолжала звучать то громче, то слабее, то совсем близко, то словно несомое ветром далекое эхо. И как же я удивился, когда, подойдя к вольеру песцов, обнаружил, что это они исполняли необычную песню. Выстроившись в кружок около калитки — тонкие ноги широко расставлены, голова запрокинута, пасть раскрыта, — они с отсутствующими золотистыми глазами выводили дикие птичьи трели. Если они в этот день не жаднее обычного, и причина столь неожиданного и приятного для слуха концерта песцов так и осталась для меня загадкой.

Прочитав о том, как во время одной арктической экспедиции в 1875 году было установлено, что перед долгой полярной ночью, когда охота мало что дает, песцы прячут про запас среди камней убитых леммингов, я тотчас решил проверить, делают ли мои песцы что-нибудь в этом роде. До тех пор я, сколько ни смотрел под сухими листьями и среди корявых корней бузины, не видел у них никаких запасов. Но вот наступили холода, и однажды утром я обнаружил небрежно зарытое в куче сухих листьев мясо. Оно было довольно свежим, но, продолжая поиск, я в разных уголках вольера нашел еще пять ловко спрятанных кусков, и некоторые из них потемнели от гниения. Из чисто гигиенических соображений пришлось их убрать, но пока длилась холодная погода, песцы продолжали понемногу запасать корм.

С енотовидными собаками дружба наладилась быстрее, так как все они бы-

ли отъявленными обжорами. Старшая самка, хотя и стала брать корм у меня из рук, вольностей не допускала, зато ее дочь, по имени Уопс (совершенно непонятное для меня сокращение), испытывала к человеку огромную симпатию — при условии что он приносил что-нибудь для заполнения постоянно терзавшей ее пустоты в желудке. И вскоре достаточно было подойти к ограде и покликать, как из кустов высовывалась маленькая живая мордочка с блестящими глазами и Уопс враскачку трусила ко мне. Конечно, обидно сознавать, что ее прельщал кусок мяса в моей руке, а не перспектива дружеской беседы. Но чтобы я не счел ее неблагодарной, она всегда задерживалась на минутку после того, как мясо было съедено.

На первый взгляд Уопс с ее черно-белой мордой и развалистой походкой сильно смахивала на барсука, однако тело ее было намного крупнее барсучьего, и лохматый хвост почти не уступал ему длиной. Мордочка, как я уже сказал, черно-белая, а туловище, хвост и ноги одеты пестрой, рыжевато-буро-седой шерстью. Волосы — длинные, блестящие; недаром в Японии, где водятся дикие енотовидные собаки, шкуры их пользуются большим спросом. Да и мясо высоко ценится, но Уопс казалась мне слишком очаровательной, чтобы рука поднялась ободрать ее и съесть.

Дикие енотовидные собаки ведут преимущественно ночной образ жизни; это подтверждалось поведением родителей Уопс: днем выманить их из логова можно было только щедрыми подачками. Зато Уопс всегда была начеку и трусила вокруг кустов в надежде, что явится кто-либо и принесет что-нибудь съедобное. Вот о ком вполне можно сказать, что она жила ради еды, а не ела ради жизни. Меня-то это вполне устраивало, ведь не будь у нее подобного пристрастия к еде, я не смог бы так долго беседовать с ней и так близко ее наблюдать. Уопс воспринимала мои гастрономические приношения как обязательную пошлину, и я охотно платил, хотя меня изрядно беспокоил ее аппетит, потому что обхват Уопс чуть ли не превосходил ее длину.

Только однажды Уопс ополчилась на кормившую ее руку. Досадно, что рука, вернее нога принадлежала мне, но я сам был во всем виноват. Задумав похвастаться своей питомицей, я привел к вольеру небольшую группу посетителей. Сперва покормил Уопс через просветы в ограде, потом решил для разнообразия войти на участок в взять ее на руки, чтобы показ был нагляднее. И не верьте тому, кто скажет, будто я сделал это потому, что среди зрителей находилась прехорошенькая девушка. Так или иначе, Уопс отнеслась ко мне с подозрением. Она привыкла, что каждое утро я вхожу в вольер для уборки, но дважды в день вторгаться в ее обитель — это было уже чересчур. Живо управившись с последним куском мяса, она с озабоченным видом двинулась в мою сторону. И так как я не отстранился, чтобы пропустить жаждущую покоя Уопс в ее конуру, она подошла вплотную, сделала выпад вбок и оставила на моей голени визитную карточку в виде аккуратных отметин своих зубов. За оградой раздались крики ужаса. Уопс стояла у моих ног и воинственно глядела на меня. Я понимал, что она вовсе не озлоблена. Просто я мешал ей пройти, и она простейшим доступным ей способом дала мне понять, чтобы я посторонился. Дескать, вольер ее, и видит бог, она покажет мне, кто здесь хозяин.

У меня не осталось больше мяса для подкупа, отступить на глазах у публики — моей публики — я не мог, но и стоять так бесконечно мы тоже не могли. Я лихорадочно шарил в карманах и наконец с великой радостью нащупал до-

вольно грязный засохший финик — все, что осталось от горсти, которую я утром стащил в кладовке. Этот облепленный волосинками памятник старины давал мне полное преимущество над Уопс, которая из всех видов корма больше всего на свете обожала финики. Она с явным наслаждением приняла мой дар, и, пользуясь тем, что все внимание Уопс сосредоточено на финике, я, не мешкая, поднял ее и понес к ограде. Стараясь держать лицо подальше от острых зубов Уопс, я объяснил зрителям, что она всю эту неделю, как говорится, не в форме, отсюда такое недружелюбие. Стыдливая мина, которой я сопровождал этот беспардонный вымысел, повергла всех (кроме меня и Уопс) в смущение. Несколько наиболее юных зрителей поспешно увели во избежание нежелательных вопросов. Тяжеленная Уопс оттянула мне руки, и я опустил ее на землю. Она встряхнулась по-собачьи, обнюхала землю — может, еще финик найдется? — убедилась, что больше фиников нет, укоризненно вздохнула и затрусила восвояси.

Ближе к зиме Уопс оделась в густейшую меховую шубку, и хвост ее казался вдвое больше обычного, однако она явно не собиралась впадать в спячку; вообще же дикая енотовидная собака — единственный представитель семейства собачьих, который зимой отлеживается в норе. Она стала вяловатой и предпочитала не выходить из конуры на снег, но и только. Я нигде не читал, чтобы эти звери как-то оборудовали свое зимнее убежище, но Уопс затеяла нечто в этом роде. Однажды утром я увидел следы ее трудов: на прогалине между кустами лежали свежесломанные ветки с листьями. Скормив ей положенную порцию, я сел и начал наблюдать. Через некоторое время Уопс вдруг перестала рыскать среди кустов и приступила к работе. На минуту забралась в конуру, потом вышла, подняла голову, облюбовала одну ветку, которая свисала достаточно низко, схватила ее зубами и дернула, упираясь в землю своими толстыми лапами. Обломив ветку, Уопс принялась бесцельно бродить с ней по вольеру, иногда цепляясь ногами за свой трофей. Наконец он надоел ей, она бросила его и стала присматривать себе другой. Всего на моих глазах Уопс сломала три ветки, все три бросила и наконец вернулась в конуру, чтобы поспать. Ее действия производили такое впечатление, словно она намеревалась что-то сделать, но в последнюю секунду ей изменяла память. Ни разу не находил я веток в ее конуре, но это можно объяснить тем, что маленькая будка еле-еле вмещала саму Толстушку Уопс.

Если мне в какой-то мере удалось завоевать доверие енотовидных собак и песцов, то вомбат Питер упорно сторонился меня. Испытывая разные виды корма, я определил, что он, как и Уопс, обожает финики. И однажды я нарочно не кормил его до самого вечера. А когда наконец подошел к вольеру, то убедился, что изменение графика подействовало: Питер стоял у ограды с несчастным и потерянным видом, словно плюшевый мишка, который забыл дорогу в детский сад. Круглое плотное туловище этого очаровательного зверька ростом всего около полуметра и впрямь делало его очень похожим на медвежонка. Седалище словно круто стесано, короткие пухлые ноги загнуты внутрь, мордочка очень похожа на мордочку коалы, но у того торчат большие, отороченные шерстью уши, а у Питера ушки были маленькие и аккуратные. Зато на носу такая же, как у коалы, овальная кожаная нашлепка с редкой щетиной и такие же круглые черные глаза. Что больше всего, на мой взгляд, отличало вомбата от коалы, так это выражение мордочки. У коалы она (хоть это и об-

манчивое впечатление) живая и пытливая; Питер же казался ошалелым и растерянным. Проще говоря, у него был такой вид, словно его стукнули по башке кирпичом. Тело Питера покрывала пепельного цвета шерсть, на животе более светлая, вроде жемчужного оперения вяхиря.

К моему удивлению, Питер нисколько не всполошился, когда я вошел в вольтер. Подбежав ко мне, он смело взял из моих рук финики, однако трогать себя не позволил, а когда наелся вволю, протрусил к своей норе и втиснулся в нее. С того дня он в часы кормления всегда выходил из своего убежища и ел у меня из рук, а потом возвращался в нору.

Обитель Питера находилась на склоне, обращенном в ту сторону, откуда дул самый неприятный ветер, но вомбат придумал интересный и оригинальный способ защищать от сырости свою спальню — небольшое круглое помещение, соединенное с поверхностью ходом длиной несколько более метра. Когда Питер забирался внутрь, его седалище закупоривало вход не хуже тщательно подогнанной двери. Сколько бы снега и дождя ни заносило ветром в туннель, в спальне всегда было тепло и сухо: наименее уязвимая часть тела Питера преграждала путь ненастью. Засядет вот так в логове, впившись в известняк когтями, — попробуй его извлечь; разве что призовешь на помощь бригаду землекопов. Так что маневр, описанный выше, преследовал двоякую цель: Питер защищался не только от капризов погоды, но и от попыток возможных врагов преследовать его в логове. Твердые косматые ягодицы служили надежной преградой любому натиску.

В тот самый день, когда Джеси поручил мне самостоятельный участок, меня ожидал обед у Билов. Надо ли говорить, что миссис Бейли бесстрастно восприняла новость о моем повышении; ее гораздо больше волновало, как я оденусь к обеду, ибо приглашение к Билам в ее глазах было чуть ли не равносильно вызову в Букингемский дворец.

— И я совершенно уверен, — торжествующе говорил я за чаем, — что в конце концов приучу этих песцов брать корм у меня из рук.

— Как это кстати, — заметила миссис Бейли, не слушая меня, — что я заштопала ваши голубые носки. Я считаю, вам надо идти в синей рубашке, она очень подходит к вашим глазам.

— Спасибо, — отозвался я. — Понимаете, с этим вомбатом придется повозиться...

— А ваши чистые носовые платки лежат в левом ящике. Жаль только, голу-

бого нет.

— Да оставь ты парня в покое, — пожурил ее Чарли. — Он же не на конкурс красоты отправляется.

— Не в том дело, Чарли Бейли, и ты это прекрасно знаешь. Этот обед может сыграть важную роль. Джерри должен выглядеть прилично. И что скажут люди, если он у меня будет выглядеть, как бродяга? Скажут, что я его совершенно запустила. Скажут, что я обманом выкачиваю из него денежки. Он живет здесь вдали от дома, от матери, от всех, кто мог бы его направлять... значит, мы должны взять это на себя. Ты как хочешь, Чарли Бейли, но уж я послежу, чтобы парень был чистым и опрятным, не позорил себя и нас. Представь себе, если капитан Бил...

Наконец мы управились с жгучим супом, капитан протопал на кухню и вернулся с исполинской миской.

— С этими карточками окаянными разве наберешь достаточно мяса для приличного кэрри, — ворчал он. — Придется вам довольствоваться тем, что есть. Это кролик.

Он поднял крышку, и над обеденным столом повисло облако густого, словно лондонский туман, ароматного пара. Казалось, ваше горло мертвой хваткой сжимает беспощадная рука и в легких оседает едкая роса. Мы потихоньку прокашлялись. Кэрри был отменный, но я поблагодарил небо за то, что вырос в доме, где постоянно готовили острые блюда; только это спасло мой язык и голосовые связки. После первых же глотков все, хватая ртом воздух, судорожно потянулись к графину с водой, чтобы охладить обожженную гортань.

— Не пейте воды! — пророкотал капитан; пот градом катился по его лицу, даже очки запотели. — От воды только хуже будет.

— Я тебя предупреждала, милый Вильям, что будет слишком остро, — с протестом в голосе вымолвила красная, как мак, миссис Бил.

Обе еврейки издавали странные, нечленораздельные звуки; физиономия Билли уподобилась цветом его шевелюре; бледное от природы лицо Лоры налилось кровью.

— Вздор, — заявил капитан, вытирая голову, лицо и шею платком и расстегивая до пояса рубашку, — совсем не слишком, в самый раз, верно, Даррел?

— Для меня в самый раз, сэр, но я вполне допускаю, что кое-кому может показаться островато.

— Чушь! — воскликнул капитан, отмахиваясь широкой, как лопата, ручищей. — Люди сами своей пользы не понимают.

— Какая может быть польза от такой острой пицци, — произнесла, глотая воду, миссис Бил прерывающимся голосом.

— А я говорю, польза есть, — воинственно проревел капитан, сверля ее взглядом сквозь затуманенные очки. — Острый кэрри полезен для здоровья, это общеизвестный медицинский факт.

— Но ведь не такой же острый, милый Вильям?

— Именно такой. И вообще этот кэрри еще не острый... детская кашка по сравнению с тем, что я мог бы приготовить.

Всех бросило в дрожь при мысли о том, что мог бы приготовить капитан.

— На Западном берегу, — продолжал он, усердно работая вилкой, — мы ели такой острый кэрри... словно раскаленные угли глотали.

Он торжествующе улыбнулся и смахнул платком пот с лица и лысины.

— Да какая же тут польза, — цеплялась миссис Бил за свое исходное утверждение.

— Вот именно что есть польза! — нетерпеливо возразил капитан. — Как ты думаешь, Глэдис, почему кэрри изобретен именно в тропиках, а? Чтобы выжигать всякую хворь, ясно? Как ты думаешь, почему ко мне ни разу не пристала фрамбезия или бери-бери, а? Почему я не сгнил от проказы?

— Вильям, голубчик!

— То-то и оно, — язвительно произнес капитан. — Все благодаря кэрри. С одного конца входит, из другого выходит... насквозь тебя прожигает, вот... получается вроде прижигания, ясно?

— Вильям, я умоляю!

— Ладно, ладно, — пробурчал капитан. — Только непонятные вы какие-то люди. Я приготовил вам недурной кэрри, а вы крик подняли, словно вас убивают! Ели бы каждый день такой кэрри, зимой вас никакая простуда не взяла бы.

Признаюсь, тут я склонен был согласиться с ним. Ни один гриппозный вирус не смог бы выжить в организме, раскаленном добела капитанским кэрри. Во всяком случае, шагая вечером домой через темный пустырь, я слегка недоумевал, почему за мной не тянется светящийся след наподобие хвоста кометы. Судя по всему, тот факт, что я выдержал испытание кэрри, явно расположил ко мне капитана, и с тех пор каждый четверг я обедал у Билов. И это были для меня очень приятные вечера.

5

ГАРЦУЮЩИЕ ГНУ

*Развлекаются грубыми шутками и не причесывают волос.
Бэлок. Книжка про зверей для непослушных детей*

После того как я месяца два поработал в льявятнике, однажды утром Фил Бейтс объявил, что мне пора переходить в другую секцию. Я обрадовался: как ни уютно мне было в льявятнике, как ни хорошо работалось вместе с Дже-си и Джо, я ведь приехал в Уипснейд за опытом, и, чем больше секций будет в моем послужном списке, тем больше знаний я наберусь. Итак, я перешел в медвежатник. Эта секция, как видно из названия, включала всех косолапых бурых космачей Уипснейда. Кроме того, в нее входили огромный загон, в котором паслось множество зебр и антилоп, в том числе гну, а также вольеры с разной мелочью, вроде волков и бородавочников.

Заведовал секцией Гарри Рэнс, плотный коротыш с переломанным носом и живыми ярко-синими глазами. Я застал его в сарае для зебр, в маленьком закутке, где он сидел, задумчиво прихлебывая какао из огромной помятой оловянной кружки и строгая ореховый прутик.

— Здорово, старик, — приветствовал он меня. — Говорят, ты будешь работать вместе со мной.

— Точно, — подтвердил я. — Я рад, что меня перевели в эту секцию, у вас тут много интересного.

— Уж куда интереснее, старик, — подтвердил он. — Только надо держать ухо востро. Там, в льявятнике, ты редко входил к животным, а у нас без этого нельзя, и лучше быть начеку. На вид-то, может, они ручными покажутся, но гляди, как бы врасплох не застали.

Он указал большим пальцем на стойло, где безмятежно жевала сено толстая, лоснящаяся черно-белая зебра.

— Взять хотя бы этого жеребчика, — продолжал Гарри. — С виду смиренный, как младенец, верно?

Я внимательно пригляделся к зебре. Ни дать ни взять раскормленный осел-переросток, которого расписали в две краски. Хоть сейчас входи в стойло и седлай его.

— Попробуй подойди к стойлу, — предложил Гарри.

Я подошел, зебра повернула голову и насторожила уши. Я сделал еще шаг — ее ноздри раздулись, изучая мой запах, и стали похожи на черные вельветовые колодцы. Еще шаг — стоит как вкопанная.

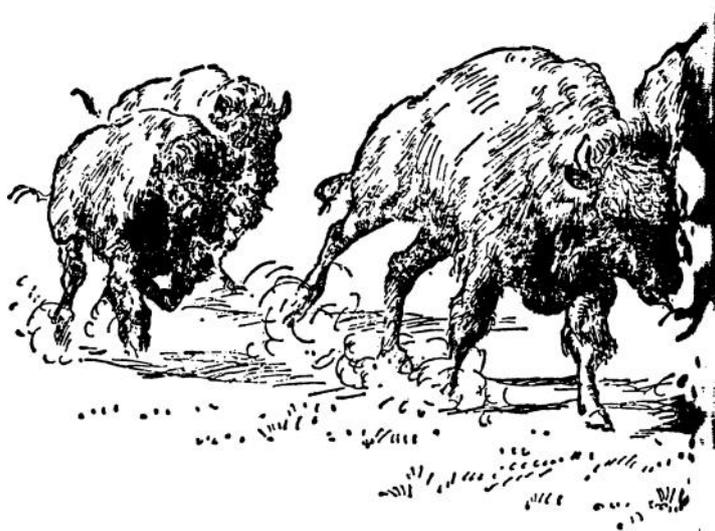
— Что ж, — начал я, оглянувшись на Гарри, — на вид вполне ручная.

Стоило мне оторвать взгляд от зебры, как она подобрала зад и, выбив копытами зловещую пулеметную дробь, внезапным броском очутилась у двери. С ходу просунула между прутьями оскаленную морду и попыталась цапнуть меня острыми, прямоугольными желтыми зубищами. Я отпрянул назад так стремительно, что споткнулся о ведро и упал. Гарри сидел со скрещенными ногами и, тихонько посмеиваясь, продолжал строгать свой ореховый прут.

— Понял теперь, старик? — произнес он, пока я поднимался на ноги. — Смиренный, как младенец, а на деле — настоящий ублюдок.

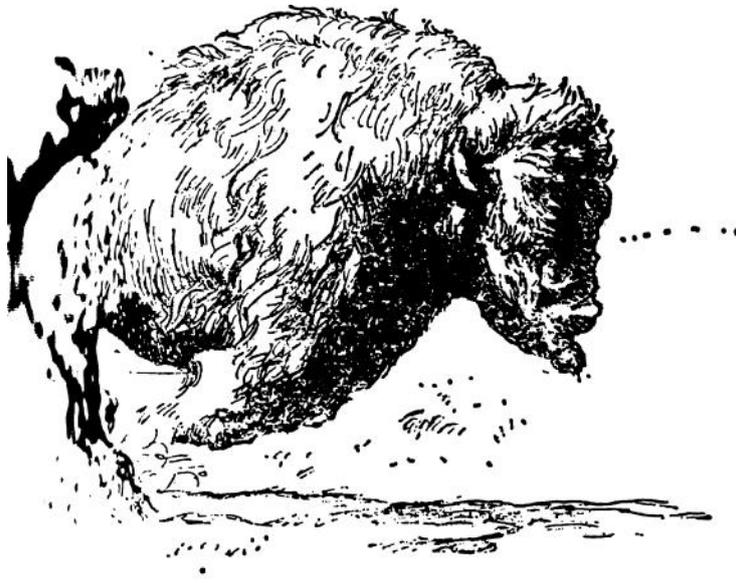
Первые дни, естественно, я осваивал все то, что входит в обычный распоря-

док служителя, — когда кормить тех или иных животных, сколько корма задавать каждому. Пожалуй, самой тяжелой работой в этой секции была еженедельная уборка в сарае бизонов. Выгулом для них служила обнесенная высокой железной оградой обширная территория на склоне холма, но в часы кормления они поднимались к большому приземистому сараю на гребне. В просветы между прутьями мы насыпали кучи отрубей, овса и размолотого жмыха, а после того, как бизоны съедали все это, кидали им через изгородь вилами кормовую свеклу. Она подпрыгивала и катилась по земле, бизоны тяжело скакали за ней и впивались зубами в твердые корнеплоды с хрустом, напоминающим треск полена под колуном. Овес и жмых следовало сыпать с умом, чтобы старые быки не присваивали чужую долю. Как я быстро уразумел, для этого надо было насыпать пять-шесть куч, достаточно больших, чтобы занять быков минут на пять, а затем уже задавать корм коровам и телятам где-нибудь в сторонке, где они могли есть спокойно, не опасаясь, что их ткнут рогом в зад.

Североамериканский бизон, пожалуй, один из самых внушительных представителей копытных. Посмотрите на него вблизи: могучие крутые плечи под густой курчавой гривой, передние ноги в меховых гольфах, широкая голова с косматым чубом и с кривыми рогами, как на шлеме викинга, — все это создает впечатление чудовищной силы. Обычно наши бизоны ступали медленно и тяжело, правда, при этом они вполне могли внезапно и яростно боднуть друг друга, действуя головой как тараном. Но при желании они развивали немалую прыть; я убедился в этом однажды, когда подвозивший нам свеклу грузовик выстрелил глушителем. Тотчас бизоны, которые в ожидании кормежки лепились к ограде, напоминая череду шоколадно-коричневых кучевых облаков, все, как один, развернулись и с невероятной скоростью помчались вниз по холму, дробя копытами известняковый грунт. Казалось, по зеленому склону с грохотом катит огромная грозная лавина. Не хотел бы я оказаться на их пути...

И когда наставало время чистить их стойла, душа моя наполнялась легкой тревогой, потому что старые быки (которым явно никогда не приедалось это зрелище) подходили и выстраивались плотной шеренгой вдоль открытой стороны сарая. С глубоким интересом наблюдая, как мы сгребаем вилами солому и навоз, нагружаем и вывозим тачки, они время от времени протяжно и гулко

фыркали, заставляя нас вздрагивать. Помню случай, когда один из стариков неожиданно забрел прямо к нам в сарай. Мы побросали вилы и обратились в паническое бегство, но вскоре убедились, что бык не замышлял ничего дурного — просто он заметил половинку свеклы в разворошенной нами соломе. И как только сжевал ее, побрел обратно на склон.

В южной части вольера находился участок, где бизоны любили кататься по земле. Местами тяжелые туши стерли траву, и на зеленом фоне белели большие плешины оголенного известняка. Старые быки спускались туда степенным шагом, правильным строем. А затем ложились на землю и энергично брыкали задними ногами, так что вся туша конвульсивно дергалась. Издали казалось, что бизоны силятся освободиться от опутавшей их незримой сети. Жесткий мел соскребал с кожи слинявшую шерсть, которая их явно раздражала. Около получаса длилась эта процедура; наконец, начесавшись всласть, быки тяжело поднимались, и по мягкой коричневой шкуре на боках и брюхе пробегала мелкая дрожь. Отряхнутся от белой пыли и с крошками мела в спутанной гриве бредут на пастбище.

Когда приходила пора сбрасывать зимнюю шубу, на них словно какое-то исступление находило. Куда ни погляди — непременно увидишь бизона, который, закрыв глаза, в экстазе упоенно скребется о прутья ограды или корявый ствол боярышника. От слинявшей шерсти на голове и плечах они избавлялись другим способом. Тут их выручал густой терновник: его стволы отлично подходили, чтобы поскрести спину, а свисающие почти до земли переплетенные ветви служили частыми гребнями. Проходят поочередно под деревьями так, чтобы ветви цепляли их густые гривы, а сучки и колючки вычесывают ненужный зимний волос. Весной терновник весь бывал увешан, словно диковинными плодами, клочьями мягкой желтовато-коричневой шерсти, и эти пушистые пряди пользовались большим спросом среди воробьев и овсянок, которые выстилали ими гнезда.

Когда европейцы пришли в Северную Америку, бизонов там было видимо-невидимо. Огромные стада насчитывали миллионы особей и представляли собой самые многочисленные скопления наземных млекопитающих. Кров, пища, одежда, даже такие немудреные вещи, как иголка и нитки, — всем этим бизон обеспечивал индейцев. Но индейцы убивали животных только для удо-

влетворения насущных нужд; их скромные аппетиты никак не сказывались на несметных стадах косматых великанов. С появлением европейца и его куда более совершенного оружия картина изменилась. Началось подлинное избиение, бизонов уничтожали тысячами. На первых порах вся туша шла в ход, потом наступило пресыщение. Однако бизонов продолжали убивать в таких же огромных количествах, во-первых, ради языка, который считался деликатесом, во-вторых, для намеренного истребления этих копытных. При этом рассуждали так: поскольку индеец всецело зависит от бизона, с исчезновением бизонов исчезнут и индейцы.

Профессиональные охотники пользовались случаем нажить себе состояние и славу. Одним из них был Буффало Билл Коди, который однажды уложил за день двести пятьдесят четвероногих исполинов. По мере того как в прерии вторгалась железная дорога, пересекая пути миграции животных, бизонов стали стрелять из окон поездов, оставляя гнить сотни туш. Местами зловоние от разлагающихся трупов было столь сильным что приходилось плотно закрывать окна поездов, проезжавших через эти огромные кладбища. Немудрено, что при таком чудовищном бездумном избиении к 1889 году от наиболее многочисленных среди известных нам наземных млекопитающих осталось меньше тысячи особей. Лишь после этого кучка борцов за охрану природы, потрясенных мыслью, что бизон может навсегда исчезнуть с лица земли, приняла меры к его спасению. Теперь бизонов насчитывают тысячами, и нависшая над видом угроза миновала, но никогда уже не придется людям наблюдать величественную картину прерий, до самого горизонта покрытых, словно черным движущимся ковром, полчищами бизонов.

В той же секции содержалось у нас животное, которое ныне подвержено аналогичной угрозе; речь идет о черном карликовом буйволе аноа с острова Сулавеси. Очень уж маленьким — всего-то с шотландского пони ростом — казался этот родич могучего бизона. Длинная серьезная морда, выразительные глаза; сквозь жесткую темную шерсть, покрывавшую толстые ягодицы неравномерным слоем, просвечивала розовато-лиловая кожа; копыта маленькие, изящные; чуткие уши покрыты изнутри нежным пушком. Рога длиной около двадцати сантиметров — прямые и очень острые. Оба наши аноа отличались безобидным нравом; беря губами отруби с моих ладоней, они глядели на меня с видом невинных мучеников. И я немало поразился, когда прочел, что эти животные могут быть весьма опасными. Быстрота движений, поворотливость и острые рога заставляли считаться с этими малышами. Зная, что потревоженный аноа становится свирепым, коренные жители Сулавеси предпочитали не связываться с ним. Но с появлением современного оружия — особенно столь необходимого каждому охотнику-спортсмену автомата — дни аноа были сочтены, и теперь перспектива вида выглядит очень мрачно.

Зебра Чапмана показалась мне, в общем, довольно скучным животным. Наши представители этого вида красиво смотрелись на фоне травы в своем обширном загоне, но ничего интересного в их поведении не было. Знай себе пасутся да иногда повздорят и угрожают друг другу оскаленными зубами, прижав уши к голове. Жеребцы, казалось, только и думали о том, как вас прикончить, а поскольку они могли развить страшную скорость, вам все время приходилось быть начеку.

Каждое утро мы с Гарри первым делом лезли через ограду и собирали в за-

гоне зебр выросшие за ночь, умытые росой бархатистые грибы. На второй завтрак Гарри тушил их в масле на небольшой сковороде. Отменное блюдо, однако собирать грибы в непосредственной близости от кровожадных полосатых жеребцов было по меньшей мере рискованным занятием. Однажды утром выдался особенно богатый урожай, мы набрали полведра и заранее радовались предстоящей в одиннадцать часов сытной трапезе. Только я нагнулся за необычно крупным грибом, как Гарри закричал:

— Берегись, старик! Этот ублюдок бежит сюда!

Я выпрямился — жеребец с грохотом мчался прямо на меня, прижав уши и оскалив желтые зубы. Бросив ведро, я по примеру Гарри пустился наутек. Задыхаясь от бега и смеха, мы перевалили через ограду. Жеребец круто затормозил возле ведра и с негодующим фырканьем уставился на нас. А затем, к нашему величайшему возмущению, развернулся и с замечательной точностью поразил копытами ведро, так что оно описало в воздухе широкую кривую, сопровождаемую кометным хвостом из грибов. Полчаса ушло у нас на то, чтобы снова собрать их.

Впрочем, к одной зебре я все же проникся симпатией. Это был жеребец, представитель самых крупных, пустынных зебр. Тело этих зебр (они же зебры Грэви) напоминает лошадиное; длинная, породистая голова отчасти смахивает на ослиную, однако больше похожа на голову арабского скакуна с изящной, нежной, бархатистой мордой; узкие правильные полосы словно нарисованы по линейке; огромные уши походят на косматые цветки аронника. Насколько мне известно, в Англии наш экземпляр был единственным в своем роде, и я считал, что его редкость, не говоря уже о красоте и кротости, дает мне право скармливать ему дополнительные порции овсяной сечки, которую он бережно брал с моих ладоней губами, мягкими, как шляпки растущих в его загоне грибов.

В северной части секции простирался зеленый бархатистый луг в окружении кринолина из кудрявых дубов. Здесь жили несомненно самые редкостные из доверенных нам животных — чета молодых оленей Дэвида, или милу. На оленью мерку они, пожалуй, были нескладными и уж во всяком случае не могли сравниться грациозностью с обитавшими по соседству ланями и благородными оленями. Высота в холке немногим больше метра; морда длинная, серьезная; под раскосыми миндалевидными глазами — своеобразная полость,

этакий кармашек из розовой кожи, который милу открывает и закрывает по своему произволу. Кармашек этот ни с чем не сообщается и не выполняет никакой полезной функции. Тело коренастое, подобное ослиному; окраска буровато-рыжая, но брюхо белое, и такого же цвета сердцевидное пятно украшает седалище.

Разрез и расположение глаз, необычное туловище, длинные черные копыта и (уникальная для семейства оленей черта) длинный хвост с ослиной кисточкой — все это придавало милу такой вид, словно они сошли с какой-нибудь китайской акварели.

Движения их были неуклюжими, начисто лишенными присущей оленям грации. Если я неожиданно возникал около их загона, они пугались. Повернутся ко мне — уши насторожены, ноги широко расставлены — и обращаются в паническое бегство, спасаясь в дальнем конце загона, причем аллюр их смахивал на рысь пьяного осла. Ноги почти не сгибались, и длинное тело переваливалось с боку на бок. Сравнишь этот бег с изящными движениями других оленей и особенно ясно видишь сходство милу с ослом. Только в движениях и очертаниях головы и шеи обнаруживается свойственная оленям красота.

История открытия и спасения этого причудливого животного — одна из удивительных страниц удивительной зоологической летописи. В середине прошлого века в Китай приехал францисканский миссионер, отец Давид. Путешествуя по стране, он, подобно многим церковным деятелям той поры, проявлял глубокий интерес к естественной истории. Я даже подозреваю, что число собранных отцом Давидом уникальных зоологических образцов намного превышает число спасенных им там же душ. Между прочим, он первым приобрел экземпляры столь знаменитой теперь гигантской панды. В Пекине до него дошли слухи, что в парке Императорского дворца содержится стадо оленей, будто бы не известных нигде, кроме Китая. Понятно, отец Давид был заинтригован. Но как увидеть этих животных? Парк был окружен стеной и надежно охранялся. Как известно, в те времена в Китае с трудом переваривали иностранцев, так что отцу Давиду приходилось действовать с величайшей осторожностью. О степени увлечения этого человека естественной историей говорит тот факт, что он рисковал потерять свободу и даже жизнь. Первым делом он подкупил одного стражника, чтобы тот разрешил ему взобраться на стену и обзреть Императорский парк. С этой удобной позиции отец Давид и впрямь узрел в ста шагах от себя пасущихся между деревьями животных. Можно себе представить, как взыграла его душа, когда он опознал в них оленей дотоле неизвестного и чрезвычайно необычного вида.

О своем открытии он написал в Париж, в Музей естественной истории, профессору Милн-Эдвардсу:

"В пяти километрах к югу от Пекина раскинулся огромный Императорский парк, его окружность около шестидесяти километров. С незапамятных времен в этом парке мирно обитают олени и антилопы. Европейцам посещать парк не дозволено, но этой весной мне повезло с окружающей его стены увидеть поодаль стадо в сто с лишним животных, которые показались мне похожими на лосей. К сожалению, в это время года они были лишены рогов. Отличительным признаком виденных мной животных является длина хвоста, примерно равного ослиному, чего я никогда не наблюдал у семейства оленьих. Размерами они уступают северному лосю. Я предпринял

тщетные попытки приобрести шкуру этих животных. Даже часть шкуры невозможно добыть, и французское посольство не видит возможности приобрести это диковинное животное путем неофициальных контактов с китайским правительством. К счастью, я знаком с некоторыми татарскими воинами, которые служат в охране парка, и не сомневаюсь, что с помощью подкупа смогу приобрести несколько шкур, кои тотчас отправлю вам. Китайцы называют это животное ми-лу, что означает "четыре противоречивых признака", ибо они считают, что олень этот рогами напоминает благородного оленя, копытами — корову, шеей — верблюда и хвостом — мула или, скорее, осла".

Отец Давид твердо решил добыть образцы, однако это было не так-то просто. Он знал, что сторожа, хоть это грозит им смертной казнью, иногда позволяют себе отведать свежей оленины. За щедрое вознаграждение они обещали ему сохранить шкуры и черепа очередных жертв. Обещание было выполнено, и отец Давид отправил желанную добычу в парижский Музей естественной истории, где и впрямь выяснилось, что речь идет о новом для науки виде. Отмечая большой вклад отца Давида в естественную историю востока, виду присвоили в его честь наименование *Elaphurus davidianus*.

Естественно, европейские зоопарки и частные коллекционеры мечтали запустить экземпляры столь редкого оленя, а олень Давида вполне заслуживал звания редкого — ведь единственное стадо обитало в парке Императорского дворца, и первоначальный ареал милу до сих пор неизвестен. Можно подумать, что вся эволюция вида происходила на прилегающей к дворцу территории. Теперь полагают, что милу перестал существовать в диком состоянии две-три тысячи лет назад. Археологические находки показывают, что до той поры милу еще бродили в лесах провинции Хунань.

Хотя китайские власти отнюдь не стремились вывозить столь ценное национальное достояние, все же после долгих переговоров несколько пар оленей Давида было отправлено в зоопарки Европы, а одна чета попала в замечательный частный зверинец герцога Бедфордского в Вобурне.

Спустя некоторое время при разливе Хуанхэ стена вокруг Императорского парка была разрушена, и большинство оленей разбежалось по окрестностям, где их, разумеется, в два счета перебили голодающие крестьяне. В парке еще оставалась крохотная популяция, но над милу явно тяготел злой рок: началось Боксерское восстание и охрана воспользовалась случаем съесть уцелевших оленей. Так вид вымер на своей родине, теперь всю популяцию составляли животные, разбросанные по странам Европы.

Герцог Бедфордский, один из первых и наиболее мудрых борцов за охрану природы, решил, что для спасения вида надо пополнить свое крохотное Вобурнское стадо, и вступил в переговоры с зоопарками. В итоге у него собралось восемнадцать особей; это были все сохранившиеся на земле милу. В идеальных условиях Вобурна популяция постепенно росла, и, когда я работал в Уипснейде, она насчитывала уже около пятисот голов. Пришла пора, заключил герцог, рассредоточить стадо — очень уж рискованно было держать всех милу в одном месте. Достаточно эпидемии ящура, чтобы окончательно истребить оленей Давида. Для начала герцог подарил пару животных Уипснейду, чтобы и там можно было разводить милу.

Как раз когда я работал в секции медведей, стало известно, что герцог решил снабдить оленями Давида и другие зоопарки, а Уипснейд получит вторую

пару. На нас была возложена задача вывозить из Вобурна новорожденных телят и выкармливать до такого возраста, когда их можно будет отправлять на новое местожительство. Такой сложный способ был продиктован чрезвычайной нервозностью милу. От испуга — а они пугались всего на свете, превосходя в этом смысле всех известных мне животных, — они были способны на глупейшие поступки, скажем, принимались бодать каменную стену, пытаясь пробиться сквозь нее. Если же мы будем выкармливать телят, есть надежда, что, привыкнув к людям, они не будут пугаться необычных звуков и предметов так, как пугаются при отлове молодые милу.

У меня захватило дух, когда я услышал, что мне вместе с одним парнем по имени Билл доверено помогать в этом деле Филу Бейтсу. Для оленят приготовили два просторных стойла, а поскольку их полагалось кормить и ночью, и рано утром, мы с Биллом должны были по очереди ночевать в сарайчике в лесу около стойл, чтобы круглые сутки быть под рукой у Фила.

И вот настал великий день, мы сели в грузовик и поехали в Вобурн.

Вобурнский парк был одним из самых прекрасных, какие я когда-либо видел. Разумеется, это было еще до того, как карусели и полчища экскурсантов превратили его в своего рода цирк с тремя аренами. Могучие деревья, вдвое красивее от того, что стояли порознь, волнистый зеленый покров и неторопливые стада оленей создавали незабываемую картину которая вызвала бы завистливые слезы у самого Эдварда Лэнсье. Оленята — большеглазые, встревоженные — лежали каждый в своем мешке, только головы торчали наружу. Эта мера предосторожности была необходима, чтобы им не вздумалось встать в грузовике и попытаться совершить побег с риском поломать ноги. Разместив малышей на толстой подстилке, мы обложили их со всех сторон охапками соломы. После этого мы с Биллом заняли место в задней части кузова, возвышаясь над лесом маленьких головенок, и грузовик покатил в Уипснейд с умеренной скоростью пятьдесят километров в час. Мы не сводили глаз с оленят, следя за тем, как они переносят путешествие. Когда машина тронулась, два-три малыша начали брыкаться и дергаться в мешках, но они быстро успокоились, и в конце пути многие оленята уже спали с видом пресыщенных странствиями железнодорожных пассажиров.

Мы отнесли их в стойла и разрезали мешковину. С типичной для всех оленят невыразимо трогательной угловатостью они поднялись на непослушные ноги и сделали несколько неуверенных шагов. Только теперь до них дошло, что чего-то не хватает, и малыши заходили по кругу, издавая совсем по-козлиному неожиданно долгое хриплое «бэ-э-э». Мы с Биллом быстро подоили специально доставленных в зоопарк коз, наполнили теплым, пенистым молоком бутылочки, добавили необходимые витамины и рыбий жир и, держа по бутылочке в каждой руке, вернулись в конюшню.

Детеныши милу такие же бестолковые, как любые другие младенцы, и во время первого кормления козье молоко попадало куда угодно — в наши карманы, отвороты брюк, даже в глаза и уши — только не в желудки оленят. Они довольно скоро разобрали, что молоко поступает из соски, однако координация рта и мозга оставляла желать лучшего, и все время приходилось быть на чеку, потому что оленята мусолили соску до тех пор, пока конец ее не высовывался изо рта сбоку, после чего сжимали челюсти, брызгая молоком прямо нам в глаза. Впрочем, на второй день они наладились сосать правильно и ста-

ли воспринимать нас с Филом и Биллом как некую комбинированную мать. Всего на нашем попечении находилось восемь оленят, и мы разместили их по четыре на стойло, но, по мере того как они росли, кормить их становилось все труднее, потому что в часы кормления оленята при виде нас буквально выходили из себя. Оглушительно бляя, они бросались нам навстречу, едва открывалась дверь стойла. Несколько раз оленята сбивали с ног меня и Билла. Упал — скорей откатывайся в сторону, потому что малыши безжалостно топтали нас, а копытца у них были не только очень длинные, но и весьма острые.

Пожалуй, именно в это время я вдруг по-настоящему уразумел суть определения "редкие животные". До сих пор, когда кто-нибудь говорил о редких животных, я считал, что речь идет о числе особей, представленных в музеях или зоопарках; мне не приходило в голову, что подразумевается малочисленность вообще. Должно быть, это потому, что люди были склонны делать из слова «редкий» как бы знак отличия, которым животные обязаны гордиться. Но, познакомившись вплотную с оленями Давида, я неожиданно для себя открыл, что очень многие животные стали редкостью совсем в другом смысле. Я начал изучать этот вопрос, и накопилось изрядное досье. Тогда я не подозревал, что создаю весьма несовершенную любительскую версию "Красной книги", выпускаемой ныне Международным союзом охраны природы. Результаты потрясли меня, мои записи пестрели данными вроде: "общее число уцелевших индийских носорогов-250, суматранских носорогов-150, борнеоских носорогов — 20, мировая популяция бескрылого пастушка — 72 пары, аравийского орикса, истребленного винтовками и пулеметами, осталось не больше 30 голов" — и так далее. Казалось, список можно продолжать до бесконечности. Тут-то мне и стало ясно, в чем заключается подлинная задача зоопарка — ведь наряду с охраной животных в их среде обитания совершенно необходимо создавать рассредоточенные возможно шире по свету плодovитые колонии. Именно тогда я сказал себе: если когда-нибудь у меня появится свой зоопарк, он прежде всего будет служить убежищем и питомником для истребляемых животных.

В часы дежурства у оленят я немало размышлял об этом. Ночью, когда при свете фонаря малыши, поблескивая влажными глазищами, жадно сосали из бутылочек теплое молоко, я говорил себе, что с любой точки зрения у этих созданий столько же прав на существование, сколько у меня. Вставать в пять утра, чтобы кормить их, не было для меня наказанием. Шагаешь к стойлу между могучими стволами — в первых, бледных лучах утреннего солнца дубравы золотятся, словно хвост кwezала, листья переливаются тончайшей плен-

кой росы, и птичий хор звучит в твоих ушах великим благодарственным молебном в зеленом храме природы. Откроешь дверь в стойло — любящие питомцы сбивают тебя с ног, приветствуют бляением, тычутся носами, облизывают длинными, влажными, горячими языками. И как ни тяжело было на сердце от мысли об опасном положении множества видов, я чувствовал, что, помогая разводить милу, делаю что-то конкретное, пусть даже это капля в море.

Несомненно, самыми занятными животными в нашей секции были белохвостые гну. Вообще внешний вид представителей этого рода производит неправдоподобное впечатление, а белохвостые особенно напоминают какого-нибудь мифического зверя со средневекового герба. Тяжелая голова, широкая морда, изогнутые вниз причудливым крючком острые рога, из-под которых антилопа смотрит каким-то близоруким взглядом. Морда украшена белой бородкой, и еще клочок шерсти торчит ниже глаз. На горле, лбу и затылке — густая белая грива, сплошная чаща косматых прядей. Но главное украшение гну — длинный, пышный, шелковистый белый хвост, которым они взмахивают так же изящно, как восточная танцовщица своим платком. Добавьте к необычной внешности (как будто эта антилопа собрана из частей разных животных) столь же необычные движения и причудливые позы, которые гну принимают по любому поводу. Невозможно было без смеха смотреть, как эти нелепые твари, фыркая, выделывают вольты и курбеты с развевающимся над спиной белым хвостом.

Движения гну были настолько сложными, что им не сразу подберешь определение. Больше всего хочется сравнить их с острым приступом пляски святого Витта. Какие-то па я уподобил бы народным танцам, не будь они такими буйными. Те народные танцы, которые доводилось видеть мне, исполнялись пожилыми эстетками в бисере и бусах, и это было нисколько не похоже на лихой антилопий джиттербаг. Пожалуй, было в плясках гну что-то от балета (если взять наиболее динамичные и потогонные версии), но все-таки даже самая наисовременнейшая балерина сочла бы их движения чересчур экстравагантными.

Что ни говори, этот танец (или этот припадок) — увлекательное зрелище. Вот поднимается занавес: сбившись в кучу, антилопы хмуро созерцают вас

сквозь чащобу спутанных прядей. Одна из них берет на себя руководство и подает сигнал к началу пляски поразительно громким фырканием, которое можно перевести как "а теперь, девочки, все вместе". Стройные ноги гну делают несколько мелких шажков — и опять вся группа замирает, только ноги и хвосты подрагивают почти в унисон. Новый сигнал — и тут внезапно труппой овладевает неистовство. Забыты согласованность и точность, которые услаждают ваш взгляд в балете. Стуча блестящими копытами, антилопы срываются с места — хвост и голова мотаются как попало, брыкающие ноги изгибаются под самыми нелепыми и анатомически невозможными углами. Руководительница фыркает, как заведенная, но никто не слушает ее команд. И вдруг антилопы останавливаются и осуждающе смотрят на вас из-под рогов, потрясенные до глубины души вашим неприличным хохотом.

Между прочим, из-за этих плясок, а также из-за своего ненасытного любопытства гну очутились на грани полного вымирания. Когда началась колонизация Южной Африки, там бродили тысячные стада белохвостых гну. Голландские поселенцы нещадно уничтожали их: во-первых, вяленое мясо антилоп избавляло от необходимости резать ценный домашний скот, во-вторых, колонизаторы исходили из того, что, чем скорее они расправятся с гну, тем больше пастбищ освободится для коров и овец. Вскоре одна из наиболее многочисленных африканских антилоп стала одной из самых редких. Очаровательное любопытство этих животных побуждало их оставаться на месте и глядеть на стреляющих по ним охотников. Не менее пагубной оказалась для гну и их страсть к танцам. Соберутся вокруг оцетинившихся ружьями фургонов, и ну кружить и гарцевать, являя собой идеальную мишень. Теперь белохвостого гну лишь с большой натяжкой можно относить к диким животным. Осталось каких-нибудь две тысячи особей в небольших парках и при частных фермах да еще около сотни голов в разных зоопарках мира.

Глядя на вздыбленных гну на наших зеленых полянах, я думал о том, насколько скучнее стала Африка без этих веселых, бесшабашных плясунов вельда. Похоже, прогресс цивилизации повсеместно глушит исконную радость и утверждает банальность, весело гарцующих созданий сменяет нудно жующая жвачку утилитарная корова...

Наряду с белохвостыми был у нас один экземпляр полосатого (или голубого) гну, примерно такого же сложения, только покрупнее; шерсть рыжевато-коричневая, расписанная шоколадными полосами, грива и хвост черные. Эта антилопа была, пожалуй, еще более бесноватой, ее лихие антраша казались еще экстравагантнее, и вырывающиеся из недр грудной клетки рокошующие, низкие сигналы тревоги напоминали пулеметную очередь. Удивительно нервное животное: того и гляди от испуга ломает ногу или причинит себе еще какое-нибудь увечье. И мы с Гарри не на шутку встревожились, услышав, что нашего Полосатика надлежит взять и отвезти в Лондонский зоопарк, где его ждет супруга.

— Что, Гарри, придется нам помаяться? — спросил я.

— Боюсь, что придется, старик, — ответил Гарри, помешивая грибы на скворчащей сковороде.

— Куда мы его поместим? — продолжал я. — У нас ведь нет ничего подходящего?

— У нас нет, — подтвердил Гарри. — Они пришлют клетку на своем грузовике в четверг. Загоним его в клетку, и они отвезут его.

Все звучало очень просто в изложении Гарри. Настал четверг, и прибыл грузовик с высокой узкой клеткой, в которую нам предстояло каким-то образом водворить чрезвычайно нервного, пылкого и подвижного гну. Утром Полосатик погулял в загоне, потом я заманил его овсом в двойное стойло, в одном из просторных отсеков которого он и был теперь надежно заточен. Прежде всего надо было спустить тяжелую клетку с грузовика, установить ее перед стойлом и поднять задвижку. На это понадобилось немало времени, и, естественно, не обошлось без шума, который вызвал резкий протест у Полосатика. Он урчал, фыркал, дыбился и неоднократно пытался разнести копытами стойло. Поставив клетку как надо, мы удалились на полчаса, чтобы обсудить дальнейшие действия и дать Полосатику немного поостыть.

— Теперь слушай, старик, — говорил Гарри, — дальше делаем так. Я забираюсь на клетку сверху и поднимаю задвижку, но с поднятой задвижкой я не смогу увидеть, когда он войдет в клетку, так что ты уж скажи мне, когда отпустить, понял? Затем ты берешь лестницу, заходишь с ней в соседний отсек, берешь вот это полешко, перегибаешься через перегородку и, когда он подойдет к выходу, ткнешь его полешком в зад — только один раз, запомни, этого будет достаточно, чтобы он ринулся в клетку. И как только он в нее забежит, ты мне кричишь, и я отпускаю задвижку, понял?

— Послушать тебя, так это проще пареной репы, — заметил я не без горечи.

— Будем надеяться, — ухмыльнулся Гарри.

Мы вернулись к стойлу, где Полосатик урчал все так же сердито, я втащил лестницу в соседний отсек, вооружился полешком, поднялся и заглянул через перегородку. Полосатик с ужасом воззрился на человека, который задумал подло напасть на него с тыла. Косматая борода и взъерошенная грива придавали ему такой вид, словно он только что встал с постели и не успел очухаться. Гарцуя и кружась в стойле, он раздувал ноздри, фыркал, вращал глазами, и кривые черные рога его поблескивали как ножи.

— Ты готов, старик? — крикнул снаружи Гарри.

Я перенес полешко через перегородку и проверил ногами надежность опоры.

— Есть! — ответил я. — Поехали.

Задвижка медленно поднялась, и Полосатик, который продолжал тарашиться на меня, словно старая дева, обнаружившая под своей кроватью незнакомого мужчину, развернулся к выходу. Он фыркал, как вулкан, и беспокойно переступал с ноги на ногу. Пользуясь тем, что он отвлекся, я обхватил полешко покрепче левой рукой, поднял его торчком и положил на верхний конец ладонь правой руки. Более неудачного способа нельзя было придумать.

— Сейчас я погоню его, Гарри! — крикнул я.

— Давай, старик, — отозвался Гарри.

Я стал осторожно опускать полешко к поддрагивающему толстому заду Полосатика. Едва оно коснулось лоснящейся кожи, последовала такая реакция, словно я поднес спичку прямо к запалу динамитного патрона.

Все смешалось. Ощутив прикосновение. Полосатик тотчас подскочил вверх и лихо взбрыкнул всеми четырьмя ногами. Одно копыто задело полено, так что оно взлетело вверх, подобно ракете, и ударилось о потолок. Казалось, моя правая рука попала под копер для забивки свай. Невыносимая боль заставила меня выпустить полено. Судорожно дергаясь, чтобы не свалиться вперед через перегородку, я чувствовал, как лестница качается под моими ногами. В ту же минуту Полосатик, издав особенно мощное фырканье, наклонил голову и ворвался в клетку.

— Задвигай, Гарри, задвигай! — отчаянно крикнул я; одновременно лестница выскочила у меня из-под ног, и я грохнулся в стойло.

Задвижка скользнула вниз, Полосатик очутился в плену. Но успокаиваться было рано: ворвавшись в клетку, он с ходу боднул противоположную стенку, и клетка закачалась, как судно, попавшее в ураган. Щепки летели во все стороны, по мере того как Полосатик продолжал обрабатывать стенки рогами. Наши помощники заметались в поисках молотка и гвоздей, чтобы не дать узнику вырваться на волю. Сидя на угрожающе качающейся клетке, Гарри с тревогой смотрел на меня.

— Ты цел, старик? — с беспокойством осведомился он.

С некоторым усилием я поднялся на ноги; рука болела так, будто на нее наступил слон, и заметно опухла.

— Я-то цел, да, боюсь, кисть сломана, — ответил я.

Так оно и было: в больнице рентген показал, что сломаны три косточки плюсны. Учитывая силу, с которой они были зажаты в деревянном сэндвиче, хорошо еще, что их не раздавило вдребезги. Мне дали болеутоляющее, от которого боль несколько не умерилась, и врач сказал, чтобы я воздержался от работы два дня, пока кости станут на место.

Это было, так сказать, мое первое почетное ранение при исполнении служебного долга, и утешение не заставило себя ждать: миссис Бейли обращалась со мной так заботливо и почтительно, словно я совершил подвиг, достойный ордена.

Вечером, когда я у камина нежил мою ноющую руку, вошел Чарли.

— Что ж, дружище, придется тебе укладывать свои вещички, — приветствовал он меня.

— Укладывать? Что ты такое говоришь, Чарли? — всполошилась миссис Бейли.

— Только что из дирекции передали, — Чарли с блаженным видом протя-

нул к огню ноги в домашних туфлях, — в конце недели домой отправимся.

— Домой? Ты хочешь сказать — в Лондон?

— Ну да, — ответил Чарли. — Довольна?

— Конечно, довольна, — сказала миссис Бейли. — Но что же будет с Джерри?

— Ты переберешься в лачугу, ее теперь будут заселять, — сообщил мне Чарли.

Лачугой называли огромное здание учрежденческого вида, которое было выстроено для обслуживающего персонала и в котором, насколько мне было известно, еще никто не жил.

— В этот сараище! — воскликнула миссис Бейли. — Да он там зимой в ледышку превратится.

— Ничего, там есть печи, все как положено, — успокоил ее Чарли.

— А с питанием как же? Кто его будет обслуживать?

— Говорят, туда многие въедут. Из служителей — Джо и один новый парень, а старик Фред и его жена будут стряпать и все такое прочее.

— Не может быть! — вскричала миссис Бейли. — Только не старик Фред!

Между нею и Фредом Остином царила давняя вражда, а возникла она в тот день, когда Фред принес в коттедж дрова и миссис Бейли пожаловалась на ознобыши.

— И ты не знаешь, мать, как от них избавиться? — сказал тогда Фред.

— Нет. — Миссис Бейли не любила, когда ей говорили «мать», но ради средства от ознобышей готова была все стерпеть. — А как вы лечитесь?

— Утром, как встанешь, первым делом сунь ноги в ночной горшок, — посоветовал старик Фред. — Лучшее в мире средство от ознобышей — моча.

Надо ли говорить, что мы с Чарли чуть не умерли со смеху, когда услышали эту историю; однако миссис Бейли не видела в ней ничего смешного.

— Да, не завидую я тем, — сказала она теперь, — кого они будут обслуживать. Ну-ка, Джерри, возьми еще пирога. Ешь досыта, пока есть такая возможность. Бог знает, чем эти Остины будут потчевать тебя, беднягу.

Признаться, я разделял ее беспокойство. Мысль о том, что придется из уютного коттеджа перебираться в лачугу, то бишь сараище, и менять роскошные домашние обеды миссис Бейли на бог весть какое варево Фреда и его супруги, ужасала меня, но я ничего не мог поделать.

6

КАВАТИНА КОСОЛАПОГО

Он лижет и сосет собственную лапу...

Варфоломей Бартоломеус де Проприетабус Рерум

В одном конце секции обширный участок был засажен лиственницей, и в этом сумрачном лесу, напоминающем островок североамериканской или русской тайги, жила наша стая волков в количестве четырнадцати штук. На вид ничего располагающего в них не было, и я понимал, почему за ними в веках укрепилась столь дурная слава. Золотистые, чуть скошенные глаза на фоне пепельной шерсти производили коварное впечатление, усугубляемое своеобразной волчьей походкой: опустив голову с прижатыми ушами, они не столько шагали, сколько стелились по земле. Движения этих крупных и мощных животных были удивительно грациозными; казалось, волки плывут в тени лиственниц.

Я обнаружил, что на волка возводилось немало напраслины. Вопреки тому, что о нем говорят, он вовсе не охотится всю свою жизнь на человека, хотя тот факт, что в отдельных случаях волки едят человечину, неоспорим. Один швейцарский натуралист с омерзительным упоением описывает, как в 1799 году, когда в горах Швейцарии шли кровавые бои между французскими и австрийскими войсками, убитых якобы не хоронили, а оставляли на съедение волкам. И будто бы волчьи стаи, нажравшись падали, стали предпочитать человечину всякому другому мясу.

К моему облегчению, наша стая не выработала у себя столь рафинированного вкуса; тем не менее я чувствовал себя не совсем уютно, когда открывал ворота волчьего вольера и катил под лиственницами тачку с окровавленным мясом, которое я разбрасывал на своем пути, меж тем как волки кружили на безопасном расстоянии, огрызаясь и твякая друг на друга, с тем чтобы в следующую минуту устроить гонки за очередным куском.

В диком состоянии волки активно размножаются, и к потомству они относятся очень заботливо. Обычно стаю составляет выводок сеголетков с родителями, то есть одна семья. Но в особенно суровые зимы семьи могут объединяться для охоты, образуя довольно многочисленные стаи. Охотясь, волки способны покрывать огромные расстояния; на Аляске удалось проследить путь одной стаи, которая за полтора месяца покрыла больше тысячи километров на участке площадью полтораста на восемьдесят километров.

Разумеется, волк всегда был излюбленным персонажем в первобытных религиях от Северной Америки до Монголии; общеизвестна также его роль в колдовстве. В Европе, когда волков там водилось гораздо больше, чем теперь, в ликантропию не только верили, ее практиковали. Одна из наиболее известных историй про оборотней приводится у Йохана Вира; впрочем, он считает, что перед нами всего лишь пример бреда, вызванного продолжительными пытками. Тем не менее на историю эту ссылались как на доказательство того, что ликантропия существовала на самом деле.

"...Пьер Бурго (Большой Петер), Мишель Вердон (или Удон) и Филибер Менто были в декабре 1521 года допрошены Генеральным инквизитором Безансона, доминиканцем Жаном Бойном (или Боммом). Подо-

зрение пало на них после того, как в районе Полиньи на одного путешественника напал волк; путешественник ранил волка и пришел по его следам в хижину, где увидел, как жена Вердона обмывает раны своего мужа. В своих показаниях Мишель Вердон признался, что он сделал Пьера приверженцем Дьявола.

Затем дал показания Пьер Бурго. В 1502 году сильная буря разогнала его отару. Разыскивая овец, он повстречал трех всадников в черном и рассказал им про свою беду. Один из всадников (позднее выяснилось, что это некий Мойсе) посулил Пьеру утешение и помощь, если тот будет служить ему как хозяину и господину, и Пьер согласился скрепить сделку на той же неделе. Вскоре он нашел своих овец. При второй встрече Пьер, узнав, что любезный незнакомец — слуга Дьявола, отрекся от христианской веры и присягнул на верность всаднику, поцеловав его левую руку, которая была черна и холодна как лед.

Через два года Пьер стал снова склоняться к христианской вере. Тогда Мишелю Вердону, другому слуге Дьявола, было ведено позаботиться о том, чтобы Пьер оставался верным Дьяволу. Поощренный посулами сатанинского золота, Пьер принял участие в шабаше, где все держали в руках зеленые свечи, горящие синим пламенем. Затем Вердон велел ему раздеться и намазаться волшебной мазью, после чего Пьер превратился в волка. Через два часа Вердон намазал его другой мазью, и Пьер снова обрел человеческий облик. Пьер признался (под пытками), что в качестве оборотня совершил ряд злодеяний. Он напал на семилетнего мальчугана, но тот закричал, так что Пьеру пришлось надеть свою одежду и снова обратиться в человека, чтобы избежать разоблачения. Он признался также, что сожрал четырехлетнюю девочку и мясо ее показалось ему отменным; еще он сожрал девятилетнюю девочку, предварительно свернув ей шею. Будучи волком, он сочетался с настоящими волчицами; по словам Бога, все трое заявляли, что "получали от акта такое же удовольствие, как если бы сочетались с собственными женами".

Всех троих, разумеется, сожгли на костре".

Не говоря уже о людях, которые превращались в волков (я все-таки склонен согласиться с одним средневековым маловером, который не одну ведьму поставил в тупик вопросом: "Если вы можете превратить женщину в кошку, не потрудитесь ли вы превратить кошку в женщину?"), самому волку тоже приписывали всевозможные магические свойства. В изданном в Лондоне в 1954 году восхитительном переводе одного средневекового собрания басен, сказок и аллегорий о животных Т. Г. Уайт цитирует Улисса Альдрованди:

"ар-Рази проявил несерьезность, когда сообщал относительно волчьей шерсти: "Если смешать ее с розовой водой и намазать смесью брови, лицо, совершившее это действие, станет предметом обожания очевидца". Но еще более смешным и потешным представляется мне утверждение, будто у застенчивых мужчин и женщин можно вызвать вожделение с помощью ладанки, содержащей волчий член (высушенный в печи). В том же ряду стоит утверждение, будто ладанка из волчьей кожи, если внутрь ее положить голубиное сердце, спасает человека от тенет Венеры. Сюда же отнесем рассказ ар-Рази, приводимый им со ссылкой на десять учеников Демокрита, будто бы им удалось благополучно уйти от врагов, повесив на свои копья волчью мошонку. У Секста есть рассказ в этом же духе о Страннике, который обезопасил себя в пути, захватив с собой кончик волчьего хвоста. По словам другого автора, если прибить на конюшню волчий хвост, или

голову, или шкуру, зверь не войдет внутрь, пока они будут висеть. О том же хвосте Альберт Великий говорит, что, будучи подвешен над кормушками овец и коров, он отпугивает волка, и для того же люди закапывают его в землю на скотном дворе, ибо он отгоняет названного зверя".

После такой примечательной рекламы не удивительно, что на самом деле волк никак не тянет на бытующие представления о нем.

Гон у наших волков бывал раз в год; волчата обычно появлялись на свет в мае. Понятно, пока волчиц длилась течка, самцы поминутно затевали драки между собой. Поглядеть и послушать — бой идет жесточайший, сверкают и щелкают клыки, соперники огрызаются и взвизгивают, однако до кровопролития никогда не доходило.

Перед родами волчица и вожак стаи рыли надежное логово под корнями какой-нибудь лиственницы. Здесь волчица производила на свет свое потомство — как правило, от трех до пяти волчат. Развозя корм на тачках, мы старались держаться подальше от волчьих яслей; напугаешь волчицу — примется таскать малышей по всему лесу, спасая их от нас. Когда приходила пора волчатам отвыкать от материнского молока, родители начинали кормить их отрыгнутым полупереваренным мясом — своего рода эквивалент наших детских смесей.

В лунные ночи, особенно когда подмораживало, наши волки устраивали оперные спектакли. Лес расписан серебряными полосами лунного света, мелькают черные контуры скользящих из тени в тень животных, вдруг все они сливаются вместе, и волки, закинув голову, издают дикий жалобный вой, который отдается между стволами, будто в пещере. Сверкают выхваченные луной глаза, шире и шире раскрываются глотки, по мере того как волки, все больше возбуждаясь, с растущим воодушевлением предаются пению. Глядя на них в такие минуты, недолго и поверить во все, что когда-либо писалось про волков.

Среди звучаний, издаваемых животными, волчий вой — одно из самых красивых, и я ничуть не удивился, обнаружив, что волки, судя по всему, разделяют мое критическое отношение к волынке. В 1624 году, когда в Англии и Ирландии повсеместно водились волки, сэр Томас Фэйрфэкс записал такую историю о солдате, который направлялся из Ирландии в Англию:

"...идя через лес с котомкой за плечами, он сел под деревом отдохнуть и развязал котомку, чтобы подкрепиться своими припасами. Внезапно он увидел двух или трех волков, которые направлялись к нему, и стал бросать им хлеб и сыр, пока его припасы не кончились. Но волки подошли еще ближе; тогда, не зная, как быть, солдат взял в руки свою волынку и принялся играть на ней. Перепуганные насмерть волки бросились наутек, и тогда солдат сказал: "Чума вас забори, знать бы, что вы так любите музыку, я сыграл бы вам до обеда"".

Видно, волки эти здорово изголодались, раз стали есть хлеб с сыром; наша стая была куда разборчивее в еде.

Помню, одна почтенная старушка, затаив дыхание смотрела, как я качу через Волчий лес тачку с кровавым грузом и разбрасываю мясо. Когда я вышел из вольера и закрыл за собой ворота, она обратилась ко мне:

— Простите, молодой человек, а каким мясом вы кормите волков?

В тот день у меня было особенно шутливое настроение, и я ответил с каменным лицом:

— Это мясо служителей, мэм. Режим экономии... Когда служители состарятся и уже не в состоянии работать, мы скармливаем их волкам.

Лицо ее выразило ужас и недоверие, но в следующий миг она догадалась, что я ее разыгрываю.

Как бы то ни было, напоминающие флейту волчьи голоса придавали волшебное очарование лунной ночи — когда ты мирно лежал в уютной постели.

По сравнению с волками наши медведи представляли собой довольно разношерстную компанию. Как будто их родословная сочетала в себе и европейские, и азиатские, и североамериканские виды. Самым крупным был самец, которого в приливе гениальности, посещающей даже весьма заурядных людей, когда они крестят животных, назвали Тедди. Могучий косолапый олух с рыжеватой шерстью, маленькими умоляющими глазками деревенского дурачка и большим, курносым розовым носом, он отрастил чрезвычайно длинные когти цвета черепахи и без конца сосал их, делая себе маникюр. Из-за его вихляющей женоподобной походки когти гремели, словно кастаньеты, повергая публику в веселое изумление.

— Глянь. Билл... медведь чечетку отбивает.

— Не угадал, приятель, это медведь с заводом. Слышишь — моторчик работает. Небось служитель заводит его по утрам.

На мою долю выпало открыть то, о чем и раньше можно было догадаться, глядя на тяжелую поступь и осанистую фигуру Тедди и на то, как он любит сидеть, положив лапу на сердце: Тедди был переодетый оперный тенор.

Проезжая однажды на велосипеде мимо медвежьего вольера, я вдруг услышал крайне необычный звук — тонкий писк комара с более низкими обертонами, перемежаемый фальцетным повизгиванием, напоминающим предсмертный крик умирающей феи. Озадаченный этим звуком, который никак не вязался с моим представлением о медведях, я слез с велосипеда и приступил к расследованию. За кустом терновника сидел на своем тучном рыжем сиделище Тедди и напевал про себя, положив на грудь одну лапу и засунув в рот когти другой. Невероятная картина: этакая махинища — он весил добрых полтораста килограммов — издает столь странные, чисто женские звуки. Крохотные кнопки глаз были полузакрыты, и медведь слегка покачивался. Я постоял, наблюдая, потом окликнул его. Тедди испуганно открыл глаза, вынул когти изо рта и воззрился на меня с явным замешательством. Я подозвал его к

ограде и угостил ягодами терновника. Сидя передо мной с видом этакого могучего рыжего Будды, он бережно брал чуткими губами блестящие черные ягоды с моей ладони. Когда он управился с ними, я сделал глубокий вдох, постарался возможно лучше настроить голосовые связки и воспроизвел, как мог, мелодию из "Трактира Белая Лошадь".

Тедди озадаченно взглянул на меня, потом, к моему великому восторгу, положил на грудь жирную лапу, сунул в рот когти другой лапы, зажмурился и стал подпевать. Это было вдохновенное исполнение, и мы оба, сдается мне, огорчились, когда из-за недостатка воздуха в моих легких пение оборвалось.

С той поры я не раз устраивал маленькие концерты с участием косолапого. Когда я собирал бумажки и прочий мусор между отжимом и оградой, Тедди скрашивал однообразие этой работы, сопровождая меня и лихо распевая. Однажды, когда мы, прислонясь к ограде и глядя друг другу в глаза, довольно согласо исполняли "Пусть ты не ангел", я случайно обернулся и увидел на дорожке трех монахинь, которые оцепенело смотрели на нас. Заметив мой взгляд, они поспешно подобрали свои юбки и засеменяли прочь. Правда, ничто в их лицах не говорило о том, что они стали свидетелями необычного зрелища, но все же мы с Тедди чувствовали себя очень неловко.

Так велико было обаяние Тедди, что я почти готов был поверить в историю о косолапом сердцеде, рассказанную Топселлом:

"Филипп Коффеус из Констанса поведал мне как о вполне достоверном деле, что в Савойских Альпах один Медведь силой унес в свое логово юную девушку и сделал ее предметом своих плотских вожделений, и пока он держал ее в логове, каждодневно носил ей самые лучшие яблоки и иные плоды, какие мог раздобыть, и потчевал ее, как истинный влюбленный; но всякий раз, отправляясь за провиантом, он закрывал вход в логово огромным камнем, чтобы девушка не могла бежать. В конце концов родители после долгих поисков нашли свою юную дочь в логове Медведя и спасли ее от заточения у дикого зверя".

Интересно, что сходную историю рассказывают живущие на японском ост-

рове Хоккайдо айны, которые поклоняются медведю. Правда, в айнской легенде говорится о женщине, родившей сына от косолапого, и многие горные айны гордятся тем, что будто бы произошли от медведя. Их так и называют "Потомками Медведя". Вот как они говорят о себе: "Что до меня, то я сын Бога Гор. Я происхожу от божественного правителя гор". Впрочем, самим косолапым от этого поклонения мало радости, если судить по ежегодному Празднику медведя у айнов.

Предварительно айны ловят медвежонка и доставляют его в деревню. Если он очень маленький, его кормит грудью какая-нибудь из женщин или же ему дают корм из рук либо изо рта. Став побольше, он играет с детьми в лачуге и пользуется всеми привилегиями комнатного животного; когда же еще подрастет, его заточают в деревянную клетку и два-три года откармливают, как говорится, на убой. И наконец приходит время для праздника, приуроченного к сентябрю или октябрю.

Сперва жители деревни приносят извинения своим богам — дескать, они содержали медведя столько, сколько позволял им скудный достаток, но теперь вынуждены убить его. Если деревня небольшая, в празднике участвует вся община. Все собираются около клетки, и деревенский трибун сообщает медведю, что ему предстоит отправиться к предкам. Просит его быть снисходительным и не гневаться. После чего — странное противоречие! — медведя опутывают веревками, выводят из клетки и осыпают градом тупых стрел, чтобы разозлить. Когда медведь истощит свои силы в тщетной попытке избавиться от пут, его привязывают к столбу, затыкают пасть кляпом и подвергают беднягу удушению, сжимая его шею между двумя жердями. Вся деревня с великим рвением участвует в этой процедуре. Затем сердце медведя пронзают стрелой, но так, чтобы не пролилась даром ни одна капля крови. Иногда мужчины пьют горячую медвежью кровь, чтобы к ним перешла отвага и прочие достоинства косолапого, а также намазываются кровью, чтобы им сопутствовал успех в охоте.

С мертвого зверя снимают шкуру, голову отрубают и выставляют в обращенном на восток окне жилища вместе с частью туловища, миской вареной медвежатины, клецками из просяной муки и сушеной рыбой.

К убитому зверю обращаются с молитвами, в частности взывают к его великодушию и просят косолапого после свидания с родителями вернуться на землю, чтобы его можно было снова поймать и откормить для жертвоприношения. Замечено, что в начале праздника женщина, выкормившая медвежонка, громко рыдает, однако это не мешает ей с великой энергией участвовать в удушении медведя, после чего она вскоре вновь обретает былую жизнерадостность.

Мне посчастливилось работать в медвежатнике как раз в то время, когда оценились супруги Тедди. Гарри знал, что они беременны, однако о дне предстоящих родов можно было лишь гадать. Но вот мы заметили, что медведицы собирают листву для своих логовищ, и поняли: близится долгожданное событие. Устроенные между кустами куманики логовища напоминали каменные ульи, присыпанные землей и дерном. Медведицы присаживались в нескольких метрах от логовищ и принимались сгребать листья и траву, прижимая охапки к своим толстым животам. Сгребут все вокруг себя — отодвигаются на седалище назад и снова приступают к работе. Набрав столько, что ноша едва

помещалась в лапах, медведицы несли ее в логовище. В итоге получилась постель толщиной тридцать-сорок сантиметров, шириной около полутора метров. Закончив благоустройство, медведицы на некоторое время успокоились. А затем, в один прекрасный день, когда мы проходили мимо медвежьего вольера, Гарри вдруг остановился и наклонил голову набок.

— Слышишь, старик? — спросил он.

Я прислушался: из одного логова доносился высокий, пронзительный звук, словно пицала резиновая игрушка.

— Оценились, — заключил Гарри довольным голосом.

В честь такого события я отправился в деревенский трактир и купил две бутылки пива к нашему второму завтраку. Поднимая тост, я с волнением спросил Гарри, когда же мы увидим медвежат.

— Придется подождать, старик, пока у них глаза прорежутся, — ответил он.

— А когда это будет? — нетерпеливо осведомился я, доставая тетрадь, чтобы записать столь важный факт

— Недели через три, — сказал Гарри. — Через три недели можно будет войти к ним и определить пол.

Я считал дни. Знай я, что меня ждет, не рвался бы так на свидание с медвежатами... Но вот настал великий день,

— Сегодня пойдем к медведям, — небрежно бросил Гарри утром.

Я понял, что он говорит про медвежат.

— Определять пол? — спросил я.

— Вот именно, старик, — ответил Гарри. — К половине одиннадцатого придет один фотограф из лондонской газеты, так ты отнеси к вольеру две лестницы и запри Тедди в одну клетку, а медведиц в другую. Понял?

— Понял, — послушно отозвался я, хотя мне очень хотелось бы узнать, на что нам две лестницы.

Тедди мне удалось заманить в клетку при помощи ягод терновника и мелодии из "На острове Капри". Его не столь доверчивые супруги долго упирались, но все же жадность взяла верх, когда я пустил в ход подкуп в виде больших липких фиников. Наконец показалась коренастая фигура Гарри; его сопровождали долговязый фотограф и Денис, служитель одной из секций.

— Все готово, старик? Ты отделил их, как я велел? — спросил Гарри.

— Полный порядок, — ответил я.

Гарри проверил запоры на клетках и энергично потер руки.

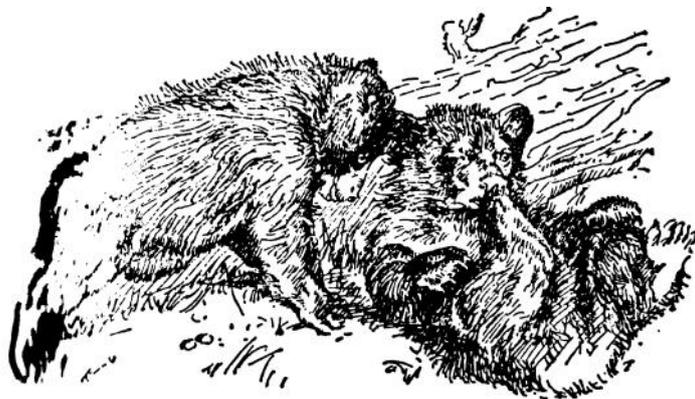
— А теперь, старик, — сказал он, — спускай лестницы в вольер.

Здесь надо пояснить, что медвежий вольер площадью с полгектара был обнесен с трехсторон четырехметровой железной оградой, причем заостренные сверху прутья загибались внутрь. С четвертой стороны был насыпан укрепленный цементом земляной вал; поднимаешься на несколько ступенек и смотришь на медведей с высоты четырех метров. С вала открывался также вид на весь участок. Именно тут Гарри и попросил меня спустить лестницы в вольер. По-прежнему недоумевая, для чего они нам, я тем не менее послушно установил их и проверил надежность упора.

— Так, старик, теперь пошли.

С этими словами Гарри перемахнул через отжим и скатился вниз по лестнице с быстротой многоножки. Я спустился по другой лестнице.

Увидев, что мы проникли в вольер и направляемся к логовищам, медведи-

цы зловеще зарычали с этаким подвыванием, красноречиво давая понять, что они сделали бы с нами, если бы могли вырваться из клетки. Подойдя к первому логову, Гарри опустился на четвереньки и забрался внутрь. Минутная тишина, затем он неловко пополз обратно, волоча за собой двух ворчащих, упирающихся зверенышей, при виде которых у меня перехватило дыхание. Моему изумленному взору предстали два голубоватых плюшевых медвежонка из игрушечного магазина. Присмотревшись внимательнее, я заключил, что окраской их мех скорее напоминает шерсть персидской кошки. Длинные, как у отца, острые когти — светло-янтарного цвета; глаза — круглые, фарфорово-голубые. Казалось бы, создания, словно вышедшие из сказки, должны обладать очаровательным и кротким нравом. Ничего подобного: они визгливо огрызались и норовили зацепить нас своими длинными, крючковатыми, как шипы терновника, когтями, или цапнуть острыми, как иголка, хрупкими белыми зубами.

— Ну-ка, старик, — Гарри поднял вверх два прелестных, но отнюдь не безобидных комочка, — ты держи этих, а я достану двух остальных.

И он небрежно сунул медвежат мне в руки. У меня было такое чувство, словно я обнимаю две меховые шубки, начиненные тугими мускулами и рыболовными крючками. Тем временем Гарри извлек из другого логова еще двух медвежат, и мы направились к лестницам.

До этого дня я совершенно не представлял себе (что значит жить без тревог и забот!), как непросто карабкаться вверх по лестнице, держа на руках двух злобных медвежат. Мы с Гарри выбрались наверх искусанные, исцарапанные, окровавленные, но в общем-то непокоренные. И стали позировать, изображая веселье, пока медвежат фотографировали под всевозможными углами. Вот когда я обнаружил (и с тех пор у меня не было причин пересмотреть свою точку зрения), что фотографы — жестокие и бесчувственные существа. Небрежно бросая: "Поверните ему голову, чтобы можно было снять в профиль", — репортер меньше всего думает о том, что вы при этом рискуете потерять один-два пальца.

Наконец фотограф закончил съемку. Во всяком случае, я так решил. Однако он обратился к Гарри:

— Ну, а как насчет того, чтобы снять их вместе с матерями?

— Все в порядке, — ответил Гарри, — сейчас будет сделано.

Помню, я подумал, что Гарри излишне самоуверен: ведь стоит нам выпустить медвежат, как они махнут напрямиком в кусты куманики, а уж тогда ни о каких съемках не может быть и речи.

— Пошли вниз, старик, — сказал мне Гарри. — И не отпускай медвежат, по-

ка я не скажу.

Показав чудеса балансировки, которые были бы встречены овацией в любом цирке, я слез по лестнице в вольер и с облегчением опустил медвежат на землю, крепко держа обоих за загривок. Гарри с двумя отбивающимися малышами присоединился ко мне и небрежно плюхнул их рядом с моими.

— Теперь слушай, старик, — продолжал он, — что мы сделаем дальше. Будем держать медвежат, пока Денис выпускает медведиц из клетки, понял?

Я недоверчиво воззрился на него, держа железной хваткой горланящих близнецов. Нет, не шутит, всерьез говорит...

— Гарри, — сказал я, — ты свихнулся. Как только эти окаянные медведицы выйдут из клетки, а тут медвежата кричат... да они... они...

У меня перехватило голос при мысли о том, что сделают медведицы, но Гарри даже слушать меня не стал.

— Денис, — крикнул он, — ты готов?

— Готов, — донесся слабый голос со стороны клетки.

— Гарри... — лихорадочно начал я.

— Слушай, старик, — мягко произнес Гарри, — ты держи медвежат, пока я не велю тебе отпускать, понял? Медведицы нас не тронут, как только заполучат их.

— Но, Гарри... — начал я опять.

— Все в порядке, старик. У нас две лестницы, верно? По моей команде ты отпускаешь медвежат и драпаешь вверх по своей лестнице. Только и всего. Ты готов?

— Но, Гарри...

— Ладно, Денис, выпускай! — крикнул Гарри.

Последующие минуты были насыщены событиями. На мой взгляд, мы с Гарри вели себя по меньшей мере как душевнобольные. Медведица, у которой отняли медвежат, — в этом случае две медведицы — о боже! Сам Шекспир не придумал бы более безумного сюжета.

Между тем медведицы перестали рычать, и я услышал хорошо знакомый звук: звон поднимаемой двери. Его сменила зловещая тишина. Кусты куманики заслоняли нам клетку.

— Сейчас появятся, старик, — весело заметил Гарри.

— Гарри... — сделал я последнюю попытку.

— Ага! — удовлетворенно воскликнул Гарри. — Вот и они.

До этой минуты я как-то не представлял себе, что две целеустремленные дюжие медведицы способны прорваться сквозь густые заросли двенадцатилетней куманики, словно через папиросную бумагу. Кстати, на слух казалось, что речь идет именно о бумаге. А затем Гарри, я и четыре медвежонка оказались лицом к лицу с разъяренными мамами, от которых нас отделяло чуть больше пяти метров. Малыши при виде родительниц стали отчаянно вырываться, издавая приветственный писк. Медведицы приостановились, чтобы разобраться в обстановке, возмущенно фыркнули не хуже «Ракеты» Стивенсона и с хриплым рычанием пошли на нас. Они не бежали — развив поразительную скорость, они прыгали, будто два огромных волосатых мяча, и от этого мне стало еще страшнее. С каждой секундой все ближе и все громаднее... И когда разделяющее нас расстояние сократилось до трех с половиной метров, я решил, что все кончено.

— Ну, а теперь отпускаяй, — сказал Гарри и выпустил своих медвежат.

В жизни не отпускал я зверей с такой поспешностью и с таким облегчением. Сгоряча я чуть не швырнул медвежат навстречу мамаше. После чего ринулся к лестнице и взлетел по ней с ловкостью и быстротой мартышки. Наверху я остановился и поглядел вниз. Все вышло, как предсказывал Гарри. Заполучив медвежат, медведицы остановились и принялись утешать и облизывать их, не обращая на нас никакого внимания. Мы подтянули лестницы, и я вытер вспотевшее лицо.

— Гарри, — твердо сказал я, когда мы возвращались к сараю зебр, — я не повторил бы этот номер даже за тысячу шиллингов!

— Пока что ты его проделал за два фунта десять, — усмехнулся Гарри.

— Как это понимать, за два фунта десять?

— Столько заплатил фотограф, — объяснил Гарри. — Пятерку на двоих. Половина твоя, старик.

Эти деньги позволили мне сводить в кино свою подружку, но я по-прежнему считаю, что не был вполне вознагражден.

7

ЖИВОПИСНЫЙ ЖИРАФ

*Такое кроткое животное
И какое рассудительное.
Шекспир. Сон в летнюю ночь*

Сразу после того как супруги Бейли, к моему великому сожалению, уехали, и я познал нелюдиму, отдающую исправительным домом атмосферу «лачуги», меня перевели в другую секцию. Называлась она секцией жирафов, и заведовал ею некий Берт Роджерс, уравновешенный, добрый человек с румяным, обветренным лицом и глазами цвета полевого цикория. Несмотря на несколько робкий и застенчивый нрав, он с великим терпением и юмором отвечал на все мои вопросы и страшно гордился порученными ему животными.

Центр секции находился не в самом удачном месте, а именно в Колокольчиковом лесу. Совершенно прелестный весной, этот лес оставлял желать лучшего в начале зимы. Окруженный со всех сторон лугами, он продувался насквозь резким, пронизывающим ветром. В ту пору, когда я пришел в эту секцию, название "Колокольчиковый лес" звучало явным эвфемизмом. Вы, конечно, представляете себе зеленые дубы, вздымающиеся над голубой дымкой из миллионов цветков... На самом деле стволы поблескивали от дождя и по ним расползлись пятна ярко-зеленой плесени. В этом угрюмом, плакучем лесу жались в кучки недовольные кенгуру и сновали смиренные мунтжаки, совсем миниатюрные на фоне могучих деревьев.

В прямом и переносном смысле среди всех обитателей секции выделялся жираф Питер. Он занимал самую просторную, красивую и разумно спланированную постройку в Уипснейде. Здание было деревянное, в виде полумесяца, с великолепным паркетным полом. Естественно, к нему примыкал обширный загон, однако капризы английского климата во все времена года, особенно же в первые зимние месяцы, вынуждали Питера большую часть времени мерить шагами свою обитель, напоминающую бальный зал.

В первое же утро Берт, поведав о наших многочисленных обязанностях, объявил:

- А теперь, дружище, прежде всего нам надо произвести уборку у Питера.
- А что, — осторожно спросил я, — вы, э-э... прямо так к нему и входите?
- Конечно, — слегка удивился Берт.
- Он что же... гм, ручной? — Памятуя недавнее приключение с медведями, я стремился к полной ясности.
- Кто? Старина Питер? Да он мухи не обидит.

С этими словами Берт вручил мне метлу, открыл дверь и ввел меня в огромное гулкое помещение, служившее домом Питеру.

Супруга Питера умерла задолго до моего прихода в зоопарк. Без нее жираф стал раздражительным, потерял аппетит. Видя, что он томится одиночеством, ему привели нового товарища — козленка сомнительного происхождения и причудливой окраски. К тому времени, когда я пришел в эту секцию, козленок (его, конечно, называли Билли) вырос в здорового козла, отнюдь не красивого, зато достаточно властного и по-своему обаятельного.

Когда мы в то утро вошли в дом жирафа, Питер стоял в дальнем углу и с от-

сутствующим видом ритмично пожевывал свисающий изо рта клок сена. Ни дать ни взять столичный денди, раздумывающий о том, какой галстук надеть сегодня. Билли, выступая в привычной для него роли заведующего отделом информации и личного секретаря, издал приветственное блеяние и поспешил мне навстречу, чтобы проверить — вдруг я или что-нибудь из моего облачения годится в пищу

— Ты, главное, веди себя тихо и спокойно, — объяснил Берт. — Знай подметай себе потихоньку. Не делай резких движений, он их не любит, резкие движения его пугают, и он может брыкнуть. Да он сам потом подойдет и поздоровается с тобой.

Глядя на пятнистого верзилу в другом конце помещения, я отнюдь не испытывал острого желаяния познакомиться с ним поближе.

— Ну ладно, я пошел кормить буйволов, — сказал Берт.

— Как? Вы не останетесь? — испугался я.

— Зачем? Тут двоим делать нечего. Да ты в два счета справишься.

Управлюсь, подумал я. Если меня раньше не забрыкают насмерть.

И я остался один в обители жирафа. Питер по-прежнему задумчиво стоял в углу. Билли усиленно старался выдернуть из моего башмака шнурок, чтобы съесть его.

Берт не ограничил меня никаким сроком, а подмести паркет — пара пустяков, поэтому я решил сперва потратить несколько минут на то, чтобы наладить отношения с Билли и дать Питеру привыкнуть к появлению в его доме незнакомого лица. В кармане у меня нашлось несколько кусков сахара, они помогли заложить прочную основу для моей дружбы с козлом. Он набросился на сахар с таким восторгом, будто в жизни ни разу не ел досыта, хотя его покрытое своеобразной рыжеватой-желтой шерстью тело, величиной с круп шетландского пони, отнюдь не производило впечатление истощенного. И вот пока я потчевал Билли сахаром, Питер решил тронуться с места. Проглотил остаток сена и пошел мерить шагами разделявшее нас пространство. Зрелище было жутковатое и даже сверхъестественное, как будто дерево вдруг выдернуло корни из земли и поплыло через поле. Да-да, Питер плыл. Поразительный механизм управлял этими огромными конечностями: самое высокое млекопитающее на свете, направляясь ко мне, двигалось легко и грациозно, как лань, и бесшумно, как облачко. Ни капли неуклюжести, сама плавность, и красота движений Питера заставляла забыть про его непропорциональные конечности и огромный рост. Казалось бы, жираф создан быть неповоротливым, однако угловатости не было и в помине.

Питер остановился метрах в четырех от меня (при этом голова его очутилась прямо надо мной), медленно опустил голову и заглянул мне в лицо. Надо было видеть эти длинные толстые ресницы, эти прекрасные, огромные, влажные темные глаза, которые изучали меня с кротким вниманием. Жираф чрезвычайно учтиво и осторожно обнюхал меня, заключил, очевидно, что я не опасен, повернул кругом и удалился. Его хвост напоминал плавно покачивающийся длинный маятник из шелковистых волос цвета слоновой кости; замысловатый набор пятен медового и кремового цвета составлял красивейшую неповторимую мозаику. С этой минуты я на всю жизнь был очарован Питером и всеми жирафами вообще.

Работая в этой секции, я с восхищением наблюдал взаимоотношения Пите-

ра и Билли. Удивительная привязанность Питера к далеко не привлекательному на вид козлу бросалась в глаза; не менее очевидно было, что козел относится к Питеру совершенно спокойно. У Билли было одно — извините за бесхитростный каламбур — всепоглощающее хобби: он непрестанно искал что-нибудь хоть в какой-то мере съедобное. Питер поглядит сверху на одетую в соломенного цвета шерсть коренастую фигурку друга своими ясными глазами, обнюхает ее с великой нежностью и осторожно-осторожно перешагнет через Билли. Если же козлу надо было куда-то пройти, а на пути оказывался Питер, он поступал куда решительнее. Наклонит голову и бодает огромную пятнистую ногу, пока Питер не посторонится с виноватым видом. У Билли были веселые желтые глаза, короткая щегольская бородка и нескладное, почти квадратное тело. Трудно представить себе более резкий контраст: Питер — аристократ, как говорится, до кончика ногтей, благовоспитанный денди. Билли — просто-напросто обыкновенный прожорливый козел. Но никогда не падающий духом козел с чувством юмора и с козлиной бесцеремонностью, которая не признает никаких препятствий. Не было никакого сомнения в том, кто хозяин в доме Питера. Уверен: окажись Билли в одном помещении с носорогом, он в двадцать четыре часа подчинил бы того своей воле.

Узнав меня поближе, Билли иногда на несколько минут отрывался от главного дела своей жизни, то есть от попыток съесть что-нибудь несъедобное, и снисходил до игры со мной. Его представление об игре было своеобразным и требовало немало напряжения от партнера. Попросту говоря, он наклонял голову и бросался на меня. Мое участие выражалось в том, что я должен был принимать всю силу удара на ладони, делая при этом шаг в сторону. Маневр этот требовал немалой прыти и навыка, и, когда я почему-либо бывал не в форме, мне грозили неприятности: лежишь, судорожно глотая воздух, на спине, а Билли стоит и трясет бородой над твоим лицом, и желтые глаза его полны злорадного смеха. И если замешкаешься в простертом положении — рискуешь остаться без половины галстука, потому что всякого рода физические упражнения развивали у Билли чудовищный аппетит.

Смотреть, как Питер ест, было необычайно интересно. Длиннейший яр-

ко-голубой язык с невероятной бережностью обвивал клок сена. Казалось, язык живет сам по себе, потому что он безошибочно выбирал и отбраковывал корм, меж тем как сам Питер стоял будто в транс. Еще одно увлекательное зрелище — как он подбирал корм с пола. Питер применял два способа. Первый заключался в том, что он сгибал в коленях передние ноги, пока не дотягивался до корма головой. Но чаще Питер прибегал к другому, более сложному и опасному способу, а именно: все шире и шире, сантиметр за сантиметром, раздвигал в стороны свои огромные передние ноги, потом наклонял длинную шею и подбирал лакомство языком. Жираф соблюдал при этом крайнюю осторожность, ведь поскользшись он — так и рухнул бы с раскоряченными ногами, а это грозило переломом обеих лопаток, ног, да, пожалуй, и позвоночника.

Даже после того как я убедился, что Питер меня признал, убирать в его доме все равно было страшновато. Энергично работая метлой, я не слышал, как мягкие копыта тихо шоркают по паркету. Жираф ухитрялся подойти совсем бесшумно, и только тогда поймешь, что он рядом, когда услышишь у себя за плечами глубокий задумчивый вздох. Оглянешься — над тобой на четыре метра возвышается пятнистая махина; сюрприз, который отнюдь не успокаивающе действовал на мои нервы. Большие влажные глаза исполнены любопытства, нижняя челюсть ритмично двигается, обрабатывая жвачку, раздувшиеся ноздри обдают тебя жарким дыханием с запахом сена. Но вот могучая шея относит голову метров на пять в сторону, и жираф, сутулясь, удаляется, чтобы порыться в кормушке своим голубым языком. За все время, что я работал в доме Питера, он ни разу не проявлял злобы, но я-то знал, что меткий удар его огромного копыта способен при нужде убить льва, а потому обращался с ним осторожно. Главное — не испугать его. Конечно, это правило относится к любому животному, находящемуся у вас на попечении, но жирафы особенно нервны, они способны от испуга сорваться в панический, неуправляемый галоп, грозящий им переломом ноги, а то и разрывом сердца от изнеможения. Правда, это крайний случай, обычно же испуганный жираф автоматически брыкает задними ногами или ударяет противника головой — буквально косит его, как траву.

В зоопарке, разумеется, жираф выделяется среди других животных благодаря своему огромному росту и великолепной окраске, напоминающей яркий гобелен, но в естественном состоянии его пестрая окраска служит превосходной маскировкой. Гордон Камминг сообщает:

"...что касается жирафа, который водится в старых лесах с множеством обветренных стволов и поваленных деревьев, то много раз только подзорная труба позволяла мне с уверенностью различить стадо этих животных; даже опытный глаз местных проводников ошибался — то примут гнилой ствол за камелеопарда, то настоящего камелеопарда спутают с почтенным ветераном лесов".

Примечательная молчаливость Питера оттенялась привычкой Билли, вечно занятого поисками пищи, негромко блеять себе под нос. А еще, как мне кажется, молчаливость Питера была так заметна потому, что он не только помалкивал, но и вообще не шумел. Его широкие подковы мягко гладили паркет; взмахнет хвостом, рассекая воздух со свистом, — от неожиданности даже вздрогнешь. Но чаще всего он стоял недвижимо и глядел сквозь тебя, погруженный в какие-то свои увлекательные воспоминания. Вот осторожно, даже

как-то рассеянно изо рта высунулся голубой язык, изящно обвился вокруг клок сена, возвратился с ним в рот, и Питер принимается машинально жевать все с тем же отсутствующим выражением в глазах. Высокий, стройный, длинная чуткая морда, мягкий взгляд, широкая, плавная поступь... Если бы меня попросили охарактеризовать его одним словом, я сказал бы — интеллигент.

Вульгарным, да и то с большой натяжкой, Питера можно было назвать, лишь когда он жевал жвачку. Стоит, задумчиво наблюдая, как я подметаю пол в его доме, и ритмично работает нижней челюстью. Но вот прожевал, челюсть останавливается, Питер делает глоток, и глаза его стекленеют. Поглядеть на него можно подумать, что он весь ушел в мир прекрасной поэзии. Стоит, будто чего-то ждет. И вот наконец дождался — совсем не того, что вы воображали, глядя на его вдохновенную морду. До смешного: в желудке у поэта раздавалось странное урчание, потом хлопок, в основании длинной шеи вздувался ком и поднимался вверх с величавостью грузового лифта. Ком жвачки размером с кокосовый орех заканчивал свой путь во рту жирафа. Задумчивость гения сменялась выражением самого ординарного удовлетворения, и нижняя челюсть Питера возобновляла свое монотонное движение.

Я так и не мог установить, управляет ли Питер подачей жвачки из желудка в рот. Представьте себе смущение дикого жирафа, если, скажем, его объяснение в любви внезапно прерывается великолепной громкой отрыжкой!

Именно работая с Билли и Питером, когда представилась возможность их сравнивать, я обратил внимание на своеобразие походки жирафа. В первый же день, глядя, как Билли в поисках съестного трусит по паркету, сопровождаемый Питером, я уловил какую-то странную несогласованность их движений. Присмотрелся и понял, в чем дело. Билли шел, как ходят все млекопитающие, одновременно перенося вперед правую переднюю и заднюю левую ногу, а Питер одновременно переносил обе правые ноги. Получался своеобразный, очень широкий и развалистый маховый шаг. Недаром жираф так причудливо раскачивается на бегу. Когда обе правые ноги одновременно оторваны от земли, весь вес приходится на левые ноги, поэтому шея и голова для противовеса наклоняются вправо. И наоборот: левые ноги отрываются от земли — шея и голова наклоняются влево. Так и бегут жирафы враскачку по степи, размахивая шеей, словно огромным пятнистым маятником.

Боюсь, тот факт, что Питер проживал совместно с Билли, сбивал с толку благородную английскую публику. После первого взгляда на них посетители спешили сделать неверный вывод.

— О-о, посмотри! Детеныш... детеныш жирафа! О-о, правда, он очарователен! — кричали зрители, на что Билли чаще всего отзывался проникновенным блеянием, подчеркивая, что не имеет ничего общего с жирафами.

Однако зрители стояли на своем.

— Интересно, почему у него нет пятен, как у матери? — вопрошали они друг друга.

— Может, потом появятся, со временем.

— Интересно, почему у него шея такая короткая?

— Да ведь он совсем малыш, не видишь, что ли. Отрастет еще.

Питер осуждающе глядел на них издалека, отнюдь не помышляя, вопреки их ожиданиям, проявлять материнский инстинкт. А Билли был слишком занят вымогательством, чтобы прислушиваться, за кого люди его принимают.

Билли был великий попрошайка. На моих глазах, расправившись с тремя увесистыми репами, он через пять минут спешил к ограде встречать посетителя, причем шатался и закатывал глаза так убедительно, словно постоянно жил впроголодь.

— У него жутко голодный вид, — произносит жертва его обмана, весьма выразительно глядя на вас.

— Да, он вечно голодный, — отвечаете вы, весело смеясь. — Он все готов сожрать. На-ка, Билли, угощайся.

И вы протягиваете козлу еловую шишку.

В другое время он вцепился бы в нее зубами, как в самое любимое лакомство. В другое время... Теперь же, бросив на шишку беглый взгляд, он отворачивается.

— И это все, чем вы его кормите? — осведомляется посетитель.

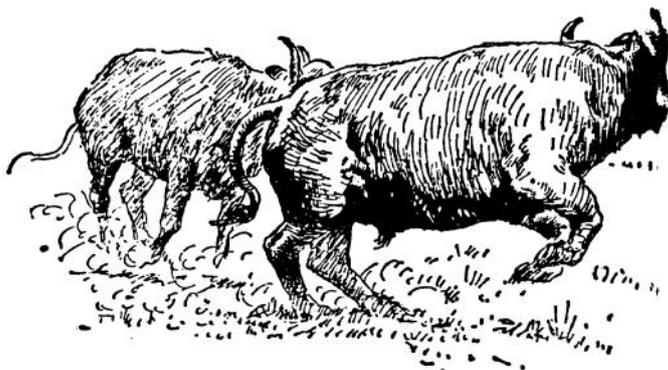
— Боже мой, конечно, нет, — возражаете вы. — У него великолепный рацион, такой же, как у жирафа.

В эту минуту Билли, порывшись в своем корыте, возвращается с тряпкой во рту, которую он ритмично жует с видом последнего мученика. И вы убеждаетесь, что состязаться с козлом бесполезно.

Если Питер был благородным аристократом, то о его ближайших соседях по секции, африканских буйволах, я бы этого не сказал. На вид они являли собой прямую противоположность Питеру. Черные, как нечистая сила, они производили довольно-таки жуткое впечатление, когда угрюмой, темной чередой пересекали зелень своего загона. Вереницу из пяти коров возглавлял могучий старый бык, великолепный и грозный зверь. Толстенные бугристые рога свисали над маленькими воспаленными глазками, и рваные уши с зловецким вниманием обращались в вашу сторону, когда вы проходили мимо загона. Из-за привычки кататься по земле в неубранном сарае его бока покрывала корка засохшего навоза, и сетка трещин придавала этой корке сходство с какой-то бурой мозаикой. Стадо распространяло вокруг себя характерный густой, сладковатый запах домашнего скота — настолько сильный, что он ощущался издали даже на открытом воздухе.

За что я мог бы похвалить буйволов, так это за их поведение в стаде, ибо они соблюдали почти военную дисциплину. Другие стада в нашем парке вели себя как беспорядочный сброд, животные толкались и сбивались в некое подобие клина, в котором каждый стремился занять наиболее удобную позицию. Буйволы вели себя совсем иначе; когда они шли через загон на водопой, это был образец упорядоченного движения. Идут к воде колонной по одному, впереди — старый бык, за ним — остальные по старшинству. Ни суеты, ни грубой толкотни, ничего похожего на манеры бизонов, которые можно было выразить формулой "уйди-с-дороги-не-то-как-бодну". Подойдя к пруду, разворачиваются шеренгой и пьют, пьют со вкусом, не спеша, потом входят по колено в воду и размышляют, напоминая причудливое резное изделие из черного янтаря.

У старого быка, как я вскоре убедился, душа была такая же черная, как и шкура; на него периодически накатывало, и тогда он стремился во что бы то ни стало кого-нибудь убить, все равно кого. Обычно он вел себя довольно смирно: чешешь ему голову и уши — стоит себе с прищуренными глазами. Широкая морда, обтянутая лакированной кожей, всегда влажно поблескива-

ла, и у него была скверная привычка брызгать пеной изо рта и ноздрей. Заезаешься, почесывая ему голову, — вдруг раздается глубокий, удовлетворенный вздох, и твоя куртка спереди становится белой от лопающихся пузырьков слюны. Но временами, как я уже говорил, в него вселялся дьявол, и тогда лучше было держаться подальше от ограды, потому что буйвол был быстр и опасен.

Вдоль ограды буйволового загона тянулась одна из главных дорожек; по ней я каждый вечер катил на велосипеде домой. Когда бык пребывал в благодушном настроении, я мог спокойно покрывать эту сотню метров, и он даже ухом не поводил. Если же бык был не в духе, он отделялся от стада и с грохотом мчался тяжелым галопом вдоль ограды, мотая огромными рогами и издавая низкий рев, который несколько не ласкал мой слух. Издали этот тяжело-весный галоп не казался таким уж быстрым, но какую бы скорость я ни развивал на велосипеде, буйвол шутя поспевал за мной: рога колотят по ограде, из открытой пасти вырывается грозный рев, толстые ноги-обрубки с силой ударяют по земле, и копыта растопыриваются, оставляя черные шрамы на яркой зелени травы. Старый бык числился безымянным, и я окрестил его Чингизом, не сомневаясь, что при желании он мог бы причинить столько же опустошений, сколько любая татарская орда.

В те дни, когда мизантропия овладевала им с особенной силой, он исполнял крайне своеобразный ритуал. Наклонит свою массивную башку и с немалым напряжением закидывает ногу в изгиб рога, после чего принимается кивать с риском опрокинуться. Или исполняет странный вальс, кружится и кру-

жится на трех ногах, делая вид, будто копыто застряло, и его никак не выдернуть. Обычно такие представления длились около получаса. Я так и не понял их смысла; во всяком случае, ни одна из коров не пыталась ему подражать. Больше того, похоже было, что их смущает такое ребячество вожака и они норовят на это время уйти от него подальше. Остается предположить, что бык устраивал это представление по той же причине, какая побуждает льва ходить взад-вперед по клетке или белого медведя и слона покачиваться из стороны в сторону: просто чтобы дать себе разрядку и чем-то заполнить время в ожидании очередной трапезы. Казалось, Чингиз каждый раз с глубоким интересом ждал, чем все кончится. Удастся ему выдернуть копыто из рога или нет? "Конец этого захватывающего фильма смотрите через неделю."

В гареме старого вожака была корова с одним рогом; вскоре после того, как я перешел в эту секцию, она родила теленка, который очень походил на обычных телят, если не считать несоразмерно больших ушей. Шкура — симпатичного шоколадно-коричневого цвета, большие круглые коленные суставы и дивный непослушный хвост. Однако на второй день, хотя теленок уже трусил по загону за матерью, нам показалось, что он все-таки слабоват. Мы с Бертом внимательно наблюдали за ним.

— Как ты думаешь, Берт, что с ним такое? — спросил я.

— Кто его знает, — ответил Берт. — Но что-то неладно, это точно.

Внезапно, к нашему великому удивлению, мы увидели, что теленок пытается щипать траву. Да, тут и впрямь что-то очень неладно: двухдневный теленок не щиплет траву, если получает необходимое питание. Подманив корову овсом и сеном к ограде, мы установили, что ее соски совсем пустые. Не найдя молока, отчаявшийся теленок в поисках пищи решил подражать матери...

— Что будем делать? — спросил я Берта.

— Что ж, выход только один, — ответил он. — Забрать теленка и выкармливать из бутылочки.

Уводить теленка из-под носа у любящей буйволицы — не совсем обычное и не совсем приятное дело. С великим трудом удалось нам отделить мать и дитя от стада и заточить в сарае. Разумеется, в это самое время явился Билли, до которого дошел слух, что происходит нечто необычное. Он весело сообщил, что пришел посмотреть, как меня пронзят рогами. А не меня, так кого-нибудь еще.

Теперь предстояло самое интересное: надо было войти в сарай и отнять у буйволицы теленка.

— Так вот, — инструктировал меня Берт, — я вхожу и загоняю ее в угол. Ты хватаешь теленка и тащишь его наружу, понял?

— Понял, — ответил я.

В памяти промелькнуло все, что я когда-либо читал о свирепости африканского буйвола. Берт вооружился длинной и весьма хрупкой на вид палкой и вошел в сарай; я, изо всех сил стараясь выглядеть беззаботно, с дрожащими коленями последовал за ним. Корова стояла в дальнем конце сарая, теленок жался к ее морде. Она выглядела раз в пять больше, чем на воле. Когда мы приблизились, буйволица насторожила уши и фыркнула удивленно и слегка раздраженно.

— Так вот, — снова заговорил Берт. — Я отвлекаю ее палкой, а ты подбегаешь и хватаешь теленка. Идет?

Подтвердив, что теоретически его идея выглядит вполне здраво, я вытер о куртку вспотевшие ладони. Тем временем Берт шагнул вперед, приговаривая повелительным тоном: "Ну, пошла, девочка, пошла". Его маневр настолько ошарашил буйволицу, что Берту, к моему великому удивлению, и впрямь удалось загнать ее в противоположный угол.

— Давай! — внезапно крикнул он.

Воззвав о помощи к небесам, я ринулся вперед, обхватил руками теленка, попытался оторвать его от земли и с ужасом обнаружил, что он слишком тяжелый. Теленок приветливо обнюхал меня и грузно наступил мне на ногу. Убедившись, что его не поднять, я изменил тактику: крепко ухватил теленка за передние ноги и потащил за собой. Тут до него вдруг дошло, что я намереваюсь разлучить его с родительницей. Такая перспектива ему нисколько не улыбалась, он уперся в пол своими обрубками и, сколько я ни тянул, не двигался с места.

— Берт! — в отчаянии крикнул я. — Я не могу его сдвинуть.

Берт оглянулся, и в ту же минуту буйволица решила, что ее достаточно долго терроризировали. Следующие несколько секунд мы с Бертом были заняты тем, что старались держаться с той стороны, где у коровы не было рога. В конце концов нам удалось без серьезных потерь отступить за дверь, после чего я с некоторым трудом уговорил Билли, чтобы он помог тащить теленка. Снова Берт вошел с палкой в сарай, и ему опять удалось отогнать буйволицу. Тотчас мы с Билли ворвались внутрь и схватили строптивного буйволенка. Начало сложилось не совсем удачно, потому что я нечаянно наступил на ногу Билли, и тут же теленок ловко подтолкнул меня, после чего мы с Билли шлепнулись в любимую лужу быка. Ничего не скажешь, роскошная была лужа. Наконец мы выбрались из нее, вцепились в буйволенка и вытолкнули его из сарая, потные и вымазанные навозом с ног до головы. Блеющего и отбрыкивающегося младенца завернули в мешковину, погрузили в фургон и живо отвезли в ту часть зоопарка, где содержался и выкармливался молодняк. А нам с Билли пришлось отправляться домой, чтобы принять ванну и сменить одежду, прежде чем в таком виде снова являться на люди.

С наступлением зимы жизнь в «лачуге» все больше угнетала меня. Спустишься в огромную гостиную на первом этаже — волей-неволей надо участвовать в малосодержательных беседах с другими жильцами. Оставалась спальня, напоминающая тюремную камеру и до того холодная, что она вполне могла бы служить холодильником. Мое жалованье не позволяло мне проводить долгие зимние вечера в трактире, поэтому чаще всего я уже в семь часов вечера лежал в постели с книжкой или со своими тетрадами. Немудрено, что я ждал четверга (когда обедал у Билов) с таким же нетерпением, с каким буддист грезит о нирване. Теплая, светлая гостиная Билов, занимательный разговор о животных, шумные карточные игры по правилам, придуманным самим капитаном, пение у пианино, пожар во рту от капитанского кэрри — все это было великим событием для человека, заточаемого на ночь в некое подобие концентрационного лагеря. К тому же время от времени затевались восхитительные вылазки в Данстейбл или Латон, чтобы посмотреть заинтересовавший капитана новый кинофильм. В такие дни Билли загодя отыскивал меня в зоопарке и извещал:

— Старикан велел тебе сегодня прийти пораньше, поедем в кино.

Я приходил пораньше и заставлял капитана в прихожей, где он нетерпеливо ждал остальных, в три раза тучнее обычного благодаря толстому пальто и огромному шарфу.

— А, Даррел, — рокотал капитан, лихорадочно поблескивая очками из-под узких полей надвинутой на лоб фетровой шляпы, — входите, входите. Хотя вы вовремя. И чем только заняты эти женщины? Чем занята твоя мать, Билли?

— Одевается, — следовал краткий ответ.

Капитан мерил прихожую грузными шагами, ворча и поглядывая на часы.

— Глэдис! — орал он наконец, не в силах больше сдерживаться. — Глэдис! Где ты там застряла, черт возьми? Глэдис!

Издали, со стороны спальни, доносился голос миссис Бил, примирительным тоном объясняющей причину заминки.

— Давай-ка поживей! — ревел в ответ капитан. — Ты знаешь, который час? Глэдис!.. Глэдис! Я говорю, знаешь, который час? Если не поспешишь, мы опоздаем к началу... Глэдис!.. Я не кричу... Просто пытаюсь расшевелить вас, окантных женщин... Я вовсе не ругаюсь... Просто хочу, чтобы вы поторапливались!

Наконец появлялась миссис Бил в сопровождении трех щебечущих девушек, и капитан, словно огромная овчарка, выпроваживал их на улицу и загонял в машину, ворча себе что-то под нос. Сам он втискивался за руль, Лора и миссис Бил садились рядом с ним, все остальные жались на заднем сиденье. Мотор несколько раз грозно взрыкивал, натужно скрежетало сцепление, наконец машина срывалась с места.

— Ха! — удовлетворенно произносил капитан. — Мигом там будем.

В те дни бензин еще отпускали по карточкам, и это обстоятельство чрезвычайно раздражало капитана, который воспринимал все виды карточек как проявление неукротимой ненависти правительства к нему лично и к его семье. Для экономии бензина он придумал свой способ, одинаково оригинальный и бесполезный. Там, где дорога шла под уклон, капитан выключал мотор.

— Толкайте! — рокотал он. — Все вместе — толкайте.

Услышав впервые эту примечательную команду, я заключил, что кончился бензин и капитан хочет, чтобы мы вышли из машины и подталкивали сзади. Ничего подобного. Капитаново «толкайте» означало, что нам надлежит раскачиваться взад-вперед на сиденьях. Он уверял, что таким способом мы сильнее разгоняем автомобиль на спуске.

— Толкайте! Ну же, толкайте, — ревел он, раскачивая свою могучую тушу. — Толкай, Глэдис!

— Я толкаю, Вильям, — выдавливала из себя порозовевшая миссис Бил, дергаясь, точно беспокойный персонаж кукольного спектакля.

— Слабо толкаешь! Эй вы, сзади, давайте толкайте как следует. Сильней! Сильней!

— Я не могу сильней, Вильям, — задыхалась миссис Бил. — И я не вижу никакой разницы.

— Разница есть, — рычал капитан. — Разница будет, черт возьми, если как следует постараться. Давайте сильней... еще сильней!

Но вот кончился уклон, машина начинает взбираться на подъем.

— Дружно... все вместе... сильней... сильней! — лихорадочно вопил капитан, и мы толкались, словно регбисты в свалке, наполняя машину пыхтеньем

и хрипами.

Наконец машина останавливалась, капитан включал тормоз.

— Ну вот, — недовольно ворчал он, высовывая из окошка ладонь величинной с лопату. — Глядите, только до этого куста дотянули. А в прошлый раз хватило разгона вон до того боярышника. Говорил вам, толкайте как следует.

— Но мы просто не можем сильнее толкать, Вильям.

— Ритм — вот чего вам недостает, — объяснил капитан.

— Какой может быть ритм, когда толкаешь, дорогой.

— А я говорю, может, — рокотал капитан. — В Африке последний портовый грузчик это знает. Ритм и согласованность... Только надо с умом. Ну-ка попробуем еще раз.

— Хоть бы скорее отменили эти карточки, — шепотом жаловалась мне миссис Бил.

— Как будто я в этом виноват! — язвительно кричал капитан. — Не моя вина, что это окаянное правительство отпускает нам бензин чайными ложками. Я только стараюсь растянуть его.

— Конечно, милый. Не надо браниться. Я не говорила, что ты в этом виноват.

— Я не виноват, черт возьми. Стараюсь сделать, как лучше, а вы не хотите помочь толком.

— Хорошо, хорошо, милый. Мы попробуем еще раз. Машина взбиралась на гребень следующего холма и начинался новый спуск. Капитан опять выключал мотор.

— Ну, — кричал он, — слушайте мою команду. И не жалейте сил. Все вместе... раз, два, три — толкнули... раз, два, три — толкнули... Ты не толкаешь, Глэдис! Ты толкаешь не в ногу! О каком результате можно говорить, черт возьми, когда вы толкаете не в ногу? Раз, два, три — толкнули. Глэдис, внимательнее!

Вот так, дергаясь и пыхтя, мы ползли к цели. И даже самый захватывающий фильм не мог соперничать с поездкой в кино и обратно.

8 ВЫСОКОМЕРИЕ ВЕРБЛЮДА

*А этот труженик верблюд, что вам сказать о нем:
Сиротка, страус, суший черт — все существа в одном.
Киплинг. Верблюды*

Зима нагрянула внезапно, словно вдруг открыли гробницу и дохнуло могильным холодом. Чуть ли не за одну ночь ветер сорвал с деревьев последние разноцветные полотнища осенней листвы и насыпал большие гниющие кучи, которые от хорошего пинка разваливались, словно кекс. Затем пошли утренние заморозки — высокая трава белела и становилась хрупкой, дыхание повисало в воздухе светлой паутиной, а кончики пальцев щипало так, будто их прищемило дверью. А там и снег повалил, большие кружевные снежинки накрывали землю молочно-белой пеленой; снег лежал по колено, собирался в двухметровые сугробы и глушил все звуки, только сам хрустел и поскрипывал под ногами. Ветер без помех больно хлестал вас по лицу, выжимал слезы из глаз, замораживал тающий снег на ветвях и лепил из него гофрированные сосульки, миллионы сосуллек, похожих на оплывшие свечи.

Мой роман с жирафом кончился, меня перевели в секцию, известную под названием верблюжатника. Основу секции составляли стадо верблюдов-бактрианов, стадо яков, чета тапиров, различные антилопы и лани. Заведовал ею некий мистер Коул ("Для тебя я мистер Коул, любезный", — сообщил он мне в первое же утро), внешностью удивительно похожий на вверенных ему верблюдов. У него был замечательный помощник — старина Том, сам битюг и походка битюжья от здоровенных болячек, из-за которых казалось, что башмаки его набиты картофелинами. Маленькие добродушные глаза Тома цветом напоминали ярко-голубое крыло сойки; многолетнее потребление пива и домашней настойки придало его крючковатому орлиному носу красноту и лаковый блеск костянок падуба. Старина Том никогда не был женат, однако поддерживал тесные и нежные отношения со всеми своими пятнадцатью детьми. Это был такой добрый человек, что улыбка не сходила с его лица, и в сиплом голосе его было столько нежности, что даже простое "доброе утро" звучало у него так, словно он именно вас любил больше всех на свете. Естественно, все его обожали и готовы были все для него сделать, когда он, широко улыбаясь, бродил по зоопарку — ни дать ни взять дед шекспировского Фальстафа.

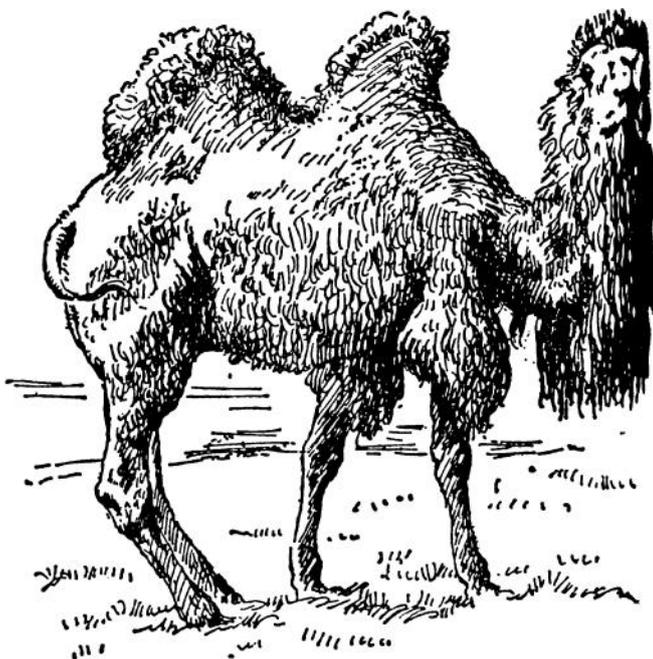
Вожаком и повелителем верблюжьего стада, включавшего шесть верблюдниц, был Большой Билл, могучий зверь с туго набитыми горбами, напоминавшими французское кресло, с большими кудрявыми гольфами на ногах и с таким презрительно-высокомерным выражением на морде, что вы от души желали ему споткнуться и шлепнуться на землю. Стоит, возвышаясь над вами, — живот урчит, длинные зеленовато-желтые зубы поскрипывают, — и созерцает вас с подозрением и отвращением, будто вы детоубийца или еще хуже. Мало того, что этот чопорный зверь был совершенно уверен в своем превосходстве, его еще отличало изрядное коварство. Изволит заключить, что вы не оказываете ему надлежащих почестей, — тотчас поднимет на вас одну из своих могучих бугристых ног. И так как невозможно было предугадать, что Большой Билл может посчитать оскорблением его достоинства, общение с ним всегда

было исполнено риска.

Как-то раз, собравшись кормить тапиров, я надумал для сокращения пути пройти через верблюжий загон. Большой Билл стоял в центре загона и жевал жвачку, и, поравнявшись с ним, я решил поздороваться.

— Привет, Билл, привет, старина! — весело крикнул я.

Увы, такая фамильярность явно пришлась не по вкусу его величеству. Челюсти Большого Билла замерли, светло-желтые глаза уставились на меня. Внезапно он шагнул вперед, рывком опустил голову с разинутой пастью, вонзил свои длинные некрасивые зубы в одежду на моей груди, поднял меня, встряхнул и уронил на землю. Хорошо, что на мне была плотная куртка и толстый свитер, не то его зубы впились бы в мою грудную клетку. Тем временем верблюд развернулся и брыкнул Задней ногой. Отчаянным усилием я откатился в сторону, так что здоровенное копыто рассекло воздух в каких-нибудь сантиметрах от моей головы. Вскочив на ноги, я задал стрекача. И больше никогда не ходил для сокращения пути через загон Большого Билла.

Самая великовозрастная из жен Билла, степенная матрона по прозвищу Бабуся, родила как раз в то время, когда я работал в верблюжатнике. Очевидно, роды состоялись рано утром, потому что, придя в восемь часов, мы увидели на соломе под раздавшимся животом матери чрезвычайно растерянного и жалкого верблюжонка, мокрого и прилизанного после первого омовения, которое учинила Бабуся. Изю всего стада она отличалась самым смирным нравом, поэтому я смог осмотреть малыша, не опасаясь пинка в лицо. Он был ужасно тонкий и костлявый, и поначалу длинные податливые ноги никак не хотели его держать. Со спины на бок уныло свисали два кожистых треугольника. Этим несчастным лоскутам предстояло со временем набухнуть и вырасти в настоящие горбы.

Бабуся чрезвычайно гордилась своим отпрыском. Она то и дело обнюхивала его, убеждаясь, что он тут, с ним ничего не случилось, потом поднимала голову и смотрела в потолок стойла с неопишимо убогим видом.

Через сутки малыш уже мог ходить; точнее, он мог с великим усилием самостоятельно подняться на ноги. Затем начиналось какое-то фантастическое представление. Верблюжонок далеко еще не овладел своими длинными нога-

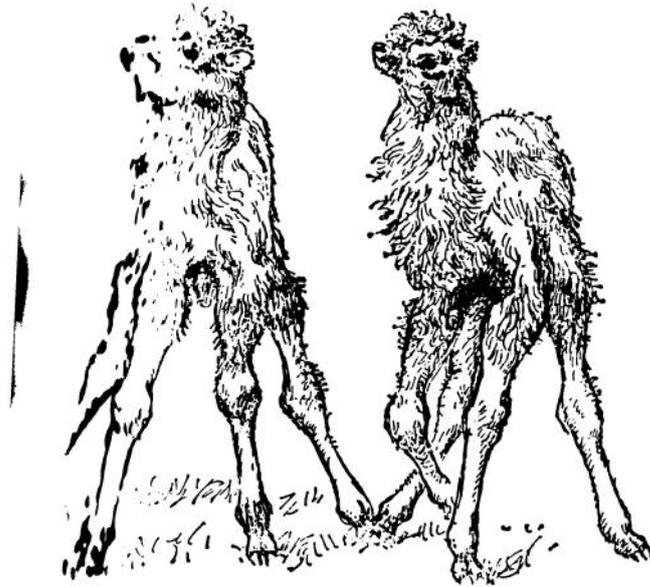
ми с огромными бугристыми суставами. Порой казалось даже, что эти важные придатки находятся во власти каких-то других сил, с которыми малыш храбро сражается. Сделает несколько неуверенных шагов, а колени все сильнее и сильнее подгибаются, и морда верблюжонка становится все более озабоченной. Стоит, качаясь из стороны в сторону, и обдумывает возникшую проблему. Но чем дольше он стоит, тем меньше ноги склонны держать его. И вот колени подкосились, тело отчаянно кренился, внезапно весь лафет из конечностей складывается, и верблюжонок тяжело валится на землю, причем ноги торчат под такими невообразимыми углами, что только удивительная гибкость спасает их от переломов.

Полный суровой решимости, верблюжонок, мучительно напрягаясь, снова поднимается на ноги и бежит, бежит изо всех сил. Но и от этого способа мало проку. Ноги выбрасываются в самых неожиданных направлениях, и его дико качает. Чем быстрее бег, тем более замысловатые номера выкидывают ноги. Верблюжонок подпрыгивает вверх, пытаясь их распутать, но узел оказывается чересчур мудреным, и малыш снова грохается на землю.

Каждое утро верблюжонок снова и снова пробовал свои силы, а мать стояла поблизости, жуя жвачку, и гордо созерцала своего отпрыска.

На третий день верблюжонок в какой-то мере укротил свои ноги. Сразу же возгордился, решил, что теперь ему море по колено, и затеял резвиться на телячий лад, порой с довольно печальным результатом. Смотреть на эти его пируэты было так же потешно, как на самые первые попытки ходить. Он носился вокруг матери, подскакивая и взбрыкивая ногами, и кожаные лоскуты на его спине развевались, будто высунутый из окна поезда носовой платок. Иногда ноги подводили его, и он тяжело шлепался на землю. Падение действовало отрезвляюще, и, взгромоздившись на ноги, верблюжонок некоторое время степенно следовал за матерью. Но беспечность брала верх, и он опять срывался с места. Взрослые верблюды видели в нем доuku, потому что он не очень-то верно рассчитывал расстояние и частенько сталкивался с ними или подставлял им ножку, внося разлад в упорядоченный строй. Нередко верблюжонку доставался пинок от разгневанной матроны, чье седалище он оскорбил толчком, запутавшись в собственных ногах после особенно замысловатого и красивого антраша.

В отдельном небольшом загоне со своим сараем временно обитали три сына Большого Билла. Им было около двух лет, а от стада их отделили на всякий случай, чтобы не вышло конфликта с Большим Биллом. Я в жизни не имел дела с более придурковатыми и невыносимыми созданиями. Хотя они почти достигли двухметрового роста, их юные горбы еще вихлялись и нескладные ноги довольно плохо слушались своих хозяев. Широкие копыта начисто вытоптали всю траву тесного загона, и эту-то пыльную площадку я должен был подметать каждое утро, сопровождаемый тремя верблюжатами.

Придешь — стоят у ворот, благодушно созерцая друг друга, стоят стеной, так что ворота не открыть. Наконец, после многочисленных тычков метлой и лопатой, начинают догадываться, что тебе надо войти и что они мешают. Посторонятся и, изображая глубокий интерес, пустыми глазами глядят, как тыходишь в загон. Потом шагают следом за тобой, нежно дыша тебе в затылок и наступая на пятки, причем то и дело спотыкаются и толкают тебя, так что ты летишь кубарем. Никакие угрозы, никакое умасливание не могли заставить их постоять на месте, пока ты подметаешь. И ходят, и ходят за тобой; куда ни повернешься с метлой — перед тобой стоит ужасно довольный верблюжонок. Сбравшись с силами и изрыгая проклятия, ты бросаешься на упрямца и отталкиваешь его метра на два, чтобы подметать дальше.

Но в то время как ты сражаешься с одним верблюжонком, другой успевает стать на то же место. Словом, пока подметешь загон, весь изведешься. Наконец уборка окончена, ты с облегченным вздохом покидаешь загон и закрываешь за собой ворота. Три юных верблюжонка, стоя в центре загона, провожают тебя затуманенными взорами, словно прощаются с самым дорогим другом. И тут же, по-овечьи помахивая хвостами, роняют на только что прибранный тобой участок три одинаковые кучки теплого навоза.

Насколько хорошо верблюды приспособились к суровым условиям жизни, видно из того, что о них пишет Лидеккер:

"Верблюды-бактриан кормятся преимущественно солоноватыми и горькими степными растениями, которые отвергаются большинством других животных; его отличает удивительное пристрастие к соли, он свободно может пить воду соленых озер, столь обычных в области его обитания. Однако бактриан не ограничивается раститель-

ной пищей; по данным Пржевальского, верблюд в голодную пору ест все что попало, включая одеяла, кости и шкуры, животных, мясо и рыбу".

Что до Большого Билла, то он ограничивался овсом, свеклой и сеном. И обожал каменную соль, которой мы регулярно потчевали верблюдов. Откусит своими желтыми зубами здоровенный кусище и хрумкает, устремив на тебя испепеляющий взгляд, так хрумкает, что этот звук можно принять за оживленную перестрелку.

К числу моих любимцев в этой секции принадлежала чета южноамериканских тапиров, которых не очень остроумно прозвали Артур и Этель. С виду тапир напоминает помесь слона и лошади да еще с добавкой свиньи. Вообще тапир очень похож на реконструкции некоторых видов древних лошадей, если не считать маленького подвижного хобота. Тучные, благодушные, с небольшими блестящими глазками, наши тапиры бродили по своему загону, словно этакие Твидлдам и Твидлди.

Раз в день мы с Томом усаживались перед грудой картофеля, моркови, репы и свеклы, старательно рубили корнеплоды на мелкие куски и насыпали в мешок. Затем Том поднимался на свои опухшие ноги, взваливал мешок на плечо и отправлялся кормить тапиров. Они встречали его криками радости — писком, похожим на звук, который получается, когда ведешь мокрым пальцем по воздушному шару. Странно было слышать, как такое флегматичное животное щебечет по-птичьему. И я не мог без улыбки смотреть, как старина Том с его крючковатым орлиным носом и кривыми ногами неуклюже топает по загону, сопровождаемый по пятам тапирами; ведь если мистер Коул походил на верблюдов, которые были его гордостью и утехой, то старина Том был вылитый тапир, только краснокожий.

В лесах Южной Америки у тапиров, судя по всему, есть только три врага: человек, большие змеи и ягуар. Лидеккер сообщает:

"...местные южноамериканские охотники рьяно преследуют их ради мяса и кожи. По их словам, мясо тапира сочное и пикантное, видом и вкусом напоминает говядину. Прочную толстую кожу разрезают на полосы; обработанные и смазанные жиром, эти полосы идут на уздечки и поводья. Однако на обувь кожа тапира не годится, потому что, высохнув, делается очень твердой и неподатливой, а намокнув — совсем мягкой и губчатой. Из шерсти, копыт и некоторых других частей местные жители изготавливают лекарство; копыта иногда вешают на шею как талисман, иногда измельчают и порошок принимают внутрь... После человека главные враги тапира — большие кошки; на американские виды охотится ягуар, на малайские — тигр. Говорят, будто американский тапир, подвергшийся нападению ягуара, тотчас бросается в самые густые заросли в надежде сбросить врага, которому толстая шкура тапира не позволяет крепко уцепиться за его спину. Говорят также, что нередко маневр этот приносит успех; во всяком случае, на спине убитых тапиров можно видеть следы от когтей ягуара".

Наши тапиры никогда не проявляли вспыльчивости, однако, узнав из прочитанного, что в критических ситуациях они способны сбить вас с ног, топтать своими острыми копытами и расплосовать длинными резцами, я стал обращаться с ними куда осторожнее и бросил привычку, входя в загон, весело

и фамильярно хлопать их по ягодицам.

Еще у нас в этой секции было большое стадо яков, совершенно очаровательных животных.

Як — представитель подсемейства быков, среди которых он выделяется как сложением (холка очень высокая за счет горба, и вся спина кажется сильно покато́й), так и тем, что большая часть шерсти сосредоточена в нижней части тела. На ногах, боках и брюхе длинная косматая шерсть образует сплошную юбку, хвост тоже покрыт длинным жестким волосом, а на спине и холке волосяной покров сравнительно короткий. Окраска настоящего дикого яка — черная или шоколадно-коричневая, и у нас были такие особи, однако преобладали в стаде животные с белыми, желтоватыми, пепельными и черными пятнами — признак давнего одомашнивания.

Як играет в высокогорье ту же роль, что верблюд в пустыне. Он не блещет умом, зато настойчив и упорен, как профессиональный солдат; огромная сила и выносливость позволяют ему пробираться в самые глухие углы по такой местности, где не пройдет никакое другое животное. Яки на диво невосприимчивы к холоду; в Тибете они любят валяться в полузамерзших грязных лужах на краю ледяных потоков.

В загоне яков был устроен большой пруд, и с наступлением зимы приходилось два раза в день разбивать на нем лед. Это было одно из первых и наименее приятных утренних дел, а надо, чтобы не успела образоваться слишком толстая корка. Не то выйдут на нее телята, за ними потянутся взрослые, лед может не выдержать такого груза, и потонут наши яки. Когда мы приступали к работе, яки галопом спешили приветствовать нас. Мчатся по снегу причудливыми скачками, рассекая воздух хвостом, как пастух своим бичом, а то упрутся головой в землю и взбрыкнут задними ногами от восторга. Из ноздрей большими белыми облаками пара вырывается дыхание, снег мелодично шуршит и скрипит под копытами...

Наколешь на вилы кипу сена, закинешь на плечо резким взмахом, как бросает противника опытный борец, и шагаешь по колена в снегу через поле, а вокруг тебя косматой, добродушной, сладко пахнущей лавиной — яки. Они трутся о тебя и норовят урвать клочок сена из кипы на твоей спине, да так дернут, что лежать тебе на снегу, если зазеваешься. Подойдя к пруду, развязываешь кипу, разбрасываешь сено по снегу, и могучие космачи с упоением при-

ступают к своей трапезе.

Идешь к воде, вооружившись лопатой, и с полдюжины телят бегут за тобой, резвясь, будто этакие огромные щенки. Под ударами лопаты кромка льда распадается на кусочки прозрачной мозаики, телята спешат сунуть морду в воду и жадно пьют. Потом входят в пруд и катаются, давя боками хрустящие льдинки. Отступай не мешкая, не то как встанут на ноги да начнут все одновременно встряхиваться — окатят с ног до головы ледяной водой.

Интересно: хотя яки ростом мало уступают бизону и в принципе так же опасны, я никогда не чувствовал, чтобы они были враждебно настроены. И позволял себе вольности, каких никогда не допустил бы в обращении с другими крупными копытными в нашем зоопарке. Телята обожали играть, и, когда подваливал мягкий снег, я иной раз бросался нырком к проходящему мимо малышу и хватал его за большой пышный хвост. Теленок срывается в карьер — держись крепче — и тащит тебя по снегу, словно санки. А отпустишь хвост — теленок тотчас остановится и смотрит на тебя с недоумением: что это ты так быстро отказался от такой чудесной игры?

После уборки в сарае и прочих работ подобного рода, когда от холода пальцы не гнутся и кисти красные и синие, подойдешь к мерно жующему яку и засунешь руки в шерсть над ребрами: тепло, как в печке.

В прошлом веке генерал Кинлох писал о тибетских яках:

"...Як совершает большие переходы. Летом коровы составляют стада от десятка до сотни голов, тогда как старые быки по большей части держатся особняком или собираются по три, по четыре. Кормятся яки ночью и рано утром; днем обычно забираются на какой-нибудь крутой голый склон и по нескольку часов лежат на одном месте. Старые быки особенно стараются выбрать для отдыха командную позицию, их следы можно встретить на самых высоких гребнях, выше границы всякой растительности. Похоже, як не отличается острым зрением, зато обоняние у него развито чрезвычайно, и с этим надо прежде всего считаться, когда к нему подкрадываешься. В тибетском высокогорье, где пересекается столько долин и температура непрерывно меняется, ветры очень непостоянны. В несколько минут ветер может обойти все компасные направления, срывая вам охоту, как бы осторожно вы ни подкрадывались".

Приход зимы со всеми сопутствующими ей лишениями отнюдь не скрасил мне жизнь в «лачуге». Вся беда в том, что я был избалован с самого начала, когда меня поселили к Бейли. Вряд ли кто-нибудь еще, впервые поступив на работу вдали от родного дома, оказывался предметом таких забот. Семья Бейли отнеслась ко мне удивительно тепло и ласково, со мной обращались как с сыном в лучшем смысле слова, ни в чем меня не связывая. Чарли предоставлял мне возможность порисоваться, слушая долгие рассказы о моей семье и короткой прошлой жизни. Он недоверчиво смеялся, потом с улыбкой смаковал в уме наиболее яркие эпизоды, а миссис Бейли тем временем переводила разговор на более серьезные темы.

— Возьмите еще порцию... Ваши ботинки начищены?.. Она порядочная девушка?.. Не задерживайтесь слишком поздно. Подумайте о том, что ваша мама была бы недовольна... Возьмите еще... Нет, если захочется выпить, не ходите в трактир, голубчик. Несите сюда, здесь куда уютнее. Только учтите, не больше двух кружек.

Эти милые споры по моему поводу...

— Оставь ты парня в покое, дорогая. Почему бы ему не выпить кружечку?

— Не в кружечках дело, Чарли, и ты это великолепно знаешь, но если он повадится ходить туда, что скажет его мать?

— Скажет, что ему захотелось кружечку пива.

— Пусть приносит сюда, здесь намного уютнее, и всем нам спокойнее. Только не больше двух кружек, голубчик, ведь скоро пора ложиться спать.

Теперь все это ушло в прошлое, а в «лачуге» жизнь была такая тоскливая, что невозможно описать.

Идешь сквозь туман, накрывший землю огромной лапой, и с облегчением видишь впереди смутные, пульсирующие ореолы оранжевого света. Когда лицо и руки немеют от холода, ты рад любому крову, пусть даже этот кров — "лачуга".

В прихожей всего на один градус теплее, чем на дворе, и, поглядев в тусклом свете на вешалки, я определяю, кто уже дома, а кого еще нет. Иногда я оказывался первым, на вешалках не было ни поношенного плаща и засаленной шапки Джо, ни толстого пыльного шерстяного пальто Фреда, ни загадочного одеяния Роя, которое в прошлом, вероятно, называлось непромокаемым пальто.

Не стану утверждать, что явиться первым к ужину было благом. Судите сами: либо ты приходишь первым и обречен на пустопорожний разговор с миссис Остин, либо опаздываешь и с плохо скрываемым отвращением на лице жуешь остывшую еду и пьешь тепловатый чай. Обычно я отваживался на первый вариант, хотя в нем были свои изъяны.

...Кухня, где все мы едим, встречает меня жарким дыханием. Миссис Остин готовит ужин, и по характерному запаху я определяю, что сегодня опять рыба. Примирившись с судьбой, сажусь за стол. Весьма тугая на ухо, миссис Остин, не замечая меня, продолжает нарезать хлеб и мазать бутерброды.

У этой коренастой женщины была деформирована челюсть, отчего ее лондонское просторечие звучало не совсем внятно, а то и вовсе неразборчиво. Маленькие темные глаза подслеповато щурились. Шевелюра представляла собой причудливое переплетение косичек и прядей, которые никогда не производили опрятного впечатления по той простой причине, что волосы миссис Остин были слишком короткими и жидкими, чтобы с ними можно было что-то сделать. Так и висели они космами, и я давно уже примирился с мыслью, что в любую минуту могу обнаружить волос-другой в своей тарелке.

Как ни силился я не обращать внимания на процесс приготовления пищи, в нем была некая зловещая притягательность.

На столе лежит буханка хлеба. Миссис Остин берет ее и прижимает к своему переднику, чтобы отрезать кусок. После чего, держа отрезанный кусок в одной руке, другой размазывает по нему масло. Часть масла попадает на большой палец. Миссис Остин смачно облизывает его и снова берет буханку, нежно сжимая ее влажным от слюны пальцем, чтобы отрезать следующий кусок. Пересчитав лежащие на скатерти бутерброды, направляется в кладовку за блюдом. На обратном пути вдруг замечает меня, и лицо ее искажает широкая улыбка.

— Уже пришли?

Я киваю и улыбаюсь в ответ.

— Уже пришли? — повторяет она, склонив голову набок, словно прислушивается. Второй раз я не отвечаю, в этом нет необходимости. Такая уж у нее привычка повторять свои реплики.

Миссис Остин стирает с блюда пыль висевшим за дверью разноцветным полотенцем. То есть когда-то оно было разноцветным, но им уже две недели вытирают руки и посуду, так что красота узора успела поблекнуть. Нагрузив блюдо бутербродами, миссис Остин бредет к плите и продолжает шепелявить:

— Чай скоро будет готов. Я ездила в Латон. Уезжала... ездила в Латон. Только что вернулась. Пять минут как вернулась.

— В Латон? — безучастно переспрашиваю я, глядя, как она поднимает крышку с кастрюли, над которой клубится облако пара, насыщенное запахом рыбы.

Миссис Остин принюхивается к булькающему содержимому кастрюли.

— Рыба, — глубокомысленно сообщает она, возвращая крышку на место. — Вы любите рыбу?

Поскольку последние два или три месяца нам на ужин подают одну только рыбу, я затрудняюсь с ответом.

Стук дверной ручки возвещает о появлении нового лица, которое поможет мне оторваться от созерцания ее кулинарных акций. Джо. Стоит в дверях, приветливо улыбаясь, его симпатичное худое лицо порозовело от мороза, мягкие волосы на скулах отливают медью в свете лампочки.

— Добрый вечер, Джозеф, — приветствую я его.

— Добрый вечер, — улыбочиво отвечает он и входит, скрипя своими огромными башмаками. Тяжело садится и обзревает стол.

— Господи! Опять рыба, — не столько спрашивает, сколько утверждает Джо.

— Она самая, — мрачно отзываюсь я, ковыряя вилкой окаменелости на своей тарелке. — Скоро у нас рыбки хвосты отрастут.

Джо отвечает сдавленным сиплым смешком.

Миссис Остин с улыбкой ставит перед ним тарелку с треской.

— Рыба, — объясняет она, показывая пальцем.

— Ага, — говорит Джо, — вижу.

— Рано вернулись сегодня, — продолжает она тараторить. — Много работы?

— Ага, — кричит Джо с лукавой искоркой в глазах и объясняет мне вполголоса: — За весь день пальца о палец не ударил. Холодина, черт возьми.

С минуту молча жуем. Потом Джо запивает треску глотком чая и тихо рыгает.

— А где другой парень?

— Рой? Еще не пришел. И Фреда нет.

— Фред слишком занят работой, ему не до ужина, — замечает Джо и снова смеется.

Но вот появляется Рой — тихий, бледный, застенчивый юноша, органически не способный говорить достаточно громко, чтобы миссис Остин могла его слышать. Садится и нервно улыбается нам с Джо. Трапезы всегда были для него целой проблемой. С миссис Остин он не мог разговаривать, Джо он боялся, и Рой обращался ко мне, улавливая, что я ему сочувствую.

— А-а! — восклицает миссис Остин, внезапно обнаружив его. — Вы при-

шли?

Рой небрежно кивает и смотрит на стол. В третий раз миссис Остин доводит до нашего сведения, что рыба, которой мы наслаждаемся, — рыба. Ее сообщение адресовано прежде всего Рою, и он воспринимает новость с каменным лицом. Мы все сидим тихо — все, кроме миссис Остин, которая громко чавкает и обсасывает кости.

Туман лепится к окнам влажной пеленой. Монотонно тикают часы на посудном шкафу, чайник тихо посапывает на огне, но все звуки забивает мерное постукивание вставных зубов миссис Остин, перемалывающих рыбу в кашу. Иногда она перестает жевать и шумно прихлебывает чай.

— Фред опаздывает, — замечает она. — Насос все ремонтирует.

— Ага, — отзывается Джо и комментирует: — Вот почему мы сегодня без воды сидели, черт возьми.

Рой нервно хихикает. Миссис Остин таинственно улыбается.

— Шутники? — обращается она ко мне ргривым тоном.

— Куда там! — ору я.

В прихожей слышен шум, и входит, волоча ноги, хозяин «лачуги», сам Фред собственной персоной. Унылый сутуловатый мужчина с морщинистым лицом и бесцветными, близко посаженными глазами. Я в жизни не встречал другого такого самоуверенного человека: о чем бы ни заходила речь, Фред всегда был прав и не стеснялся сказать об этом.

— Э-хе-хе, — приветствует он нас и бредет к своему стулу.

— Добрый вечер, Фред, — откликается Джо с коварным блеском в глазах. — Опять сверхурочная работа?

— Нет, — отвечает Фред. — Эти болваны потеряли болты. Сказано им было, чтоб не трогали — так ведь разве послушают? Какое там.

На кончике длинного носа Фреда всегда висит прозрачная капля. Я слежу, будто замороженный, как она с каждым его движением дрожит и качается, цепляясь из последних сил за волосатую опору. Фред рассматривает содержимое своей тарелки.

— Треска, — заключает он, гордясь собственной пронизательностью.

— Рыба, — поправляет его супруга. — Ты ведь любишь рыбу, а?

— Ага, — отвечает Фред, аккуратно разрезая свою порцию.

Его движения по-змеиному медленны и осторожны. Сунул кусок в рот и принимается жевать с таким же величественным равнодушием, с каким корова жует свою жвачку. Щеки вздуваются, и два валика перекатываются в лад челюстям. Нос тяжело дышит.

Джо откидывается назад на стуле, раскуривает трубку и посылает через стол густые клубы удушливого дыма. Рой продолжает сражаться с треской. Миссис Остин поглощена просочившимися в ее окоченелый мозг мыслишками.

— Пойдешь куда-нибудь вечером? — спрашивает меня Фред.

— Нет.

Я всегда отвечал ему односложно, чтобы не сорвать лавину нудных реминисценций, которая таилась за каждым, даже самым невинным его замечанием и только ждала случая удавить всех нас скукой.

— Так-так, — произносит он с полным ртом, — значит, остаешься дома?

Логика безупречная, однако несколько примитивная. Но Фред любит во

всем полную ясность.

Я киваю.

— А что случилось-то? — допытывается он. — Разлюбила?

— Да нет, просто сегодня она гуляет с другим женатиком, — острою я.

Все смеются, включая миссис Остин. Хоть она ничего не расслышала, но не желает отставать от других.

И тут происходит неизбежное. Капля на кончике носа Фреда не выдерживает неравного поединка с силами тяготения и падает прямо на кусок трески, который вилка несет ко рту. Фред методично жует.

— Ну, ладно, — говорит Джо, — зато я пойду пройдуся.

Встает и топает к выходу, насвистывая в гулкой прихожей. Чувствую, как взор Фреда обращается на меня, и следую примеру Джо, чтобы избежать долгого и нудного отчета о прошедшем рабочем дне. В прихожей слышу, как миссис Остин спрашивает Роя, любит он рыбу.

9

МАЛЬЧИК НА ПОЗВЕРЮШКАХ

Все, что состоит из плоти и жизненной силы, а следовательно, из тела и души, все это относится к животному миру, все это твари, будь то воздушные обитатели, как летающая птица, или водные, как плавающая рыба, или наземные, как зверь, который ходит по земле и полям, как люди и животные, дикие и домашние, и всякие прочие, скользящие или ползающие по земле.

Варфоломей. Бартоломеус де Проприетабус Рерум

Два-три счастливых месяца я провел в качестве, если так можно выразиться, мальчика на позверюшках. Иными словами, в моем ведении находилась маленькая секция, включавшая пять-шесть пар эскимосских лаек и две пары песцов, но, поскольку я не был полностью загружен, меня направляли в другие секции подменять того или иного служителя на время его выходного дня. Я был очень доволен, потому что получил возможность возобновить общение со старыми знакомыми, вроде тигра Поля, и, так как я фактически каждый день менял секции, работа мне не приедалась.

Прежде я никогда не сталкивался с эскимосскими лайками, поэтому в первый день держался с ними осторожно, учитывая их внушительную массу. Однако вскоре я убедился, что, хотя лайки готовы по любому поводу драться насмерть между собой, ко всем представителям человеческого рода они относятся с несколько обременительным в своей восторженности обожанием.

В нашей стае всех крупнее была здоровенная желтоватая сука по кличке Скуош. В полной мере я оценил меткость этой клички (скуош — давить, душиТЬ), когда впервые вошел в вольер. Излучая доброжелательность, Скуош набросилась на меня, чтобы хорошенько облизать мне лицо длинным и красным, как парадный ковер, языком и тем самым выказать свою нерушимую преданность роду человеческому. Стоя на задних лапах, она достигала почти двух метров, и, когда это косматое существо с ходу поднималось на дыбы и опускало лапы вам на плечи, вы, само собой, чуть не падали спиной на ограду. И так как Скуош продолжала напирать, требовалось изрядное проворство, чтобы уберечь ребра от переломов. Правда, после первого могучего объятия Скуош становилась несколько благоразумнее, однако, пока вы подметали вольер, считала своим долгом неотступно кружить около вас, энергично махая хвостом и поскуливая в знак любви. Заденет хвостом по ногам — будто лошадь брыкнула. Но хотя для работы с ней требовалась спортивная подготовка примерно как у классного борца вольного стиля, Скуош нельзя было отказать в красоте и обаянии. Конечно, все члены стаи были по-своему милы и симпатичны, но могучая Скуош с ее развалистой походкой к тому же обладала яркой индивидуальностью.

Поручая мне лаек, Фил предупредил, что у Скуош случка и она ждет щенят. Поэтому я особенно тщательно следил за ней, скармливал ей лучшие куски мяса и возобновил негласный сбор яиц на участках местных фермеров, которым занимался, когда работал в льявтынике. Ежедневное обследование Скуош, необходимое, чтобы не прозевать приближение родов, было сопряжено с великими трудностями. Во-первых, стоило к ней прикоснуться, как она прихо-

дила в неуправляемый восторг, во-вторых, при такой густой шубе попробуй определить размеры живота или нащупать соски и убедиться, набухли они или нет. Лишь после долгой борцовской схватки удавалось зарыться пальцами в ее шерсть достаточно глубоко, чтобы проверить названные признаки. Так или иначе, соски постепенно набухали, и однажды утром, поприветствовав меня менее бурно, чем обычно, и наскоро облизав мое лицо, Скуош поспешно метнулась обратно к своей конуре, в которой поскуливали щенята. С ужасно довольным видом она села перед конурой; заглянув внутрь, я увидел на соломенной подстилке шестерку пухлых малышей. С громким писком они барахтались и толкали друг друга, точно пьянчужки у трактира. Четверо — пегие, с пепельными и белыми отметинами, двое — желтовато-белой масти, в мать. Чудесные, здоровые толстячки в гладких лоснящихся шубках, с подвижной тупоносой мордочкой, чем-то напоминающей выдру.

Хотя Скуош уже щенилась раньше, по ее гордому поведению можно было подумать, что это первый помет. По утрам, когда я приходил подметать вольтер, она после обычного приветствия, от которого я пятился к ограде, бежала к конуре, хватала щенка и несла ко мне. Если я садился на корточки, она опускала его мне на колени и смотрела, шумно дыша открытой пастью и махая хвостом, как я ласкаю ее отпрыска. Тут же осторожно брала его зубами, относила в конуру и тащила следующего. Перетаскает всех по очереди на мои колени — лишь после этого успокоится и позволит мне приступить к работе.

Судьбы многих людей зависели от этих неутомимых и верных представителей семейства собачьих. Что ни говори, именно лайки позволили человеку утвердиться в таких областях земного шара, где без них ему пришлось бы туго. Некий доктор Гийемар так описывал в прошлом веке лаек, виденных им на Камчатке:

"Большинство из них белой масти, с черной головой или же сплошь бурые; острая морда и торчащие уши придают им несомненное сходство с волком. Единственный корм, получаемый ими от владельцев, — горбуша, но летом, бродя по округе, они сами ловят разную дичь и подбирают яйца. Упряжка обычно состоит из восьмидесяти собак, если же сани тяжелые или снег очень рыхлый, запрягают двойное количество и даже больше. При ровном и твердом снежном покрове они без труда пробегают за день семьдесят-восемьдесят ки-

лометров с грузом в полтора килограммов; при пустых санях с одним только погонщиком они подолгу могут развивать скорость до восьми верст (так в оригинале. — Ред.) в час. В пути им дважды в день дают по одной трети рыбины да по полторы рыбины на ночь, и заедают они рыбу снегом... У каждого пса есть кличка, на которую он отзывается, когда бежит в упряжке, подобно тому как отзываются запрягаемые в фургоны капские быки, ибо погонщики не пользуются кнутами. Если требуется наказать строптивого пса, погонщик бросает в него палкой или колотит несчастного первым попавшимся под руку камнем. Существуют разные способы привязывать этих животных, с тем чтобы отделить их друг от друга, потому что они, когда не тянут сани, только и ищут случая подрасться. Вот один из способов: устанавливают широкую треногу из шестов и привязывают к каждому шесту по собаке. Из-за обилия собак эти треноги являются характерной чертой многих местных селений".

Мои подопечные лайки отличались невероятной силой и были совершенно невосприимчивы к прихотям погоды. Только щенков они держали в деревянных конурах, а сами, даже в очень снежные дни, предпочитали вырыть себе нору для сна. Их невзыскательность к корму сделала бы честь любому страусу. Одна из наших лаек съела как-то носовой платок; автобусный билет или картонный стаканчик из-под мороженого (добросердечная британская публика охотно просовывала через ограду такие предметы) тотчас поглощались с великим удовольствием. А однажды, подметая вольер, я обронил бумажник, к счастью пустой, и он в два счета исчез в желудке молодого пса, который явно был осчастливлен такой щедростью и нимало не пострадал от нее.

Без удивления читал я рассказы доктора Гийемара о выносливости лайки:

"Никто не заботится о том, чтобы снабдить ее удобным убежищем для защиты от сурового арктического климата, и бедное животное, когда не работает в упряжке, в большинстве случаев всецело предоставлено самому себе. Но долгий опыт и унаследованный от предков инстинкт вооружили собаку качествами старого служаки. Бродя вечером по стежкам в поселке, путешественник нередко упирается в подобие огромных кроличьих нор, отрытых лайками для защиты от ветра. Волосной покров, почти такой же густой, как у медведя, напоминает скорее мех... Замечательно сильная, ловкая и выносливая, лайка в то же время становится подчас упрямой и неуправляемой и никак не реагирует на удары и пинки, которыми ее щедро наделяет хозяин. Если не считать поселки в тундре, где и в летние месяцы можно пользоваться санями, лайка летом отдыхает. В это время она бродит по окрестностям сколько ей заблагорассудится, иногда возвращается на ночь в свою нору, а то пропадает на несколько дней. Хороший охотник и рыбак, лайка питается дичью и лососем, которых добывает сама, и крайне редко бросает своего хозяина. Правда, услуги собак недешево обходятся местным жителям. Из-за прожорливости лаек невозможно держать овец, коз и прочих мелких домашних животных; недаром Камчатка — одна из немногих областей в мире, где совсем нет домашней птицы".

Наряду с кенгуру и павлинами по территории зоопарка свободно бродили крохотные, величиной с эрделя, олени, известные под названием китайских мунтжаков. Казалось бы, в просторном загоне, где трава повыщипана стадами антилоп и оленей, даже такое небольшое животное должно бросаться в глаза;

однако мунтжак, лежа в траве высотой семь-восемь сантиметров, совершенно сливался с окружением — и не увидишь, пока не подойдешь вплотную. Шерсть у этих своеобразных животных неяркого коричнево-рыжего оттенка, волос довольно жесткий. Если рассмотреть волосинку, видно, что она чуть сплющена и делится на сочленения, будто миниатюрный побег бамбука. У китайского мунтжака рога почти незаметны, зато самец вооружен двумя длинными и грозными клыками, которые он пускает в ход, когда дерется с соперником из-за самки или же, на севере ареала, когда раскапывает снег в поисках корней и луковиц.

Однажды утром я услышал, что один мунтжак, движимый страстью к приключениям или миграционным инстинктом, каким-то образом преодолел ограду зоопарка и пробрался в вольер для кур. Фил Бейтс и я, а также Билли, который в это время случайно был свободен, отправились ловить прогульщика. Погрузили сети в маленький зеленый фургон и поехали к вольеру.

В центре равнобедренного треугольника площадью около одной десятой гектара стоял наш китайский мунтжак, окруженный любопытными и взволнованными курами; можно было подумать, что он читает им лекцию о прелестьях дальних странствий. При виде нас лектор испуганно вздрогнул и явно сбился. Теперь он больше всего напоминал оробевшего кандидата в члены парламента, который заметил хулиганов в толпе избирателей.

С растущей тревогой смотрел мунтжак, как мы расставляем сети, чтобы свести до минимума площадь предстоящей охоты. У нас было задумано, что двое погонят его на сеть, а когда он запутается, третий воспользуется случаем схватить беглеца. В нашем плане оказался лишь один изъян: мунтжак не хотел запутываться в сети. Преследуемый нами, он бегал по кругу, но около сети всякий раз ловко менял курс. Мы устроили короткое совещание и решили прибегнуть к тактике регбистов. До сих пор, увлеченные происходящим, пернатые зрители вели себя организованно, но тут не выдержали. Как только первый из нас гулко шлепнулся на траву метрах в четырех от хвоста мунтжака, куры бросились врассыпную. Воздух наполнился тучами перьев, испуганным кудахтаньем кур и криками боли, которые издавали ушибленные охотники.

Обуреваемый паникой, китайский мунтжак стал бросаться на высокую проволочную ограду, рассчитывая пробиться сквозь нес. После одного, особенно лихого прыжка он зацепился рожками за проволоку и повис на ней, брыкаясь и дергаясь. Мы дружно ринулись к нему, но в последнюю секунду он каким-то невообразимым мышечным усилием отцепился, упал на траву, мгновенно развернулся и пробился сквозь наши ряды.

Когда он поравнялся со мной, я взял на прицел его заднюю ногу и коршуном бросился на нее. Дальше последовало нечто малопонятное, но весьма болезненное. Я поймал железной хваткой ногу мунтжака, и мы вместе кубарем покатались по земле, притом по единственному во всем вольере участку, заросшему крапивой и колючками. Олень брыкнул свободной ногой, и острые, как нож, копытца аккуратно расплосовали мне руку до локтя. Мы продолжали кувыркаться, но я ухитрялся не разжимать пальцев, хотя мунтжак повернул голову и обрабатывал мою руку клыками.

Однако это было последнее усилие; внезапно он прекратил сопротивление и принялся издавать чудовищные, пронзительные вопли. Можно было поду-

мать, что я прижигаю его раскаленным железом. Во всяком случае, я был потрясен этими воплями и ослабил хватку, не желая причинять ему боль, но, когда мы стали осторожно заталкивать беглеца в мешок. Фил объяснил мне, что китайский мунтжак всегда так кричит, покоряясь своей судьбе.

Пока мы собирали сети, мунтжак и в мешке продолжал издавать душераздирающие крики. Мы кинули сети в фургон, уложили на них пленника и покатали обратно в зоопарк. Я уповал на то, что непривычный способ передвижения заставит крикуна примолкнуть. Не тут-то было. На всем пути по территории зоопарка из фургона непрерывно вырывались дикие вопли. Посетители бледнели и провожали фургон испуганными взглядами, не сомневаясь, что водитель потерял рассудок. Один статный, по-военному подтянутый мужчина остановился и посмотрел на нас с такой яростью, будто его обуревало желание броситься за нами вдогонку и потребовать, чтобы мы предъявили лицензию на право заниматься вивисекцией. Олень орал благим матом вплоть до той минуты, когда мы подъехали к его загону. Поросячий визг показался бы музыкой перед звуками, которые издавало это сравнительно небольшое животное. Наконец мы вытряхнули мунтжака из мешка, и тотчас он смолк. Сделал два прыжка, прильнул к траве пропал из виду.

Однажды я заметил у одной из моих лис нечто вроде нарыва в основании хвоста. Доложил об этом Филу, и он передал мне от капитана какую-то мазь, чтобы я ежедневно мазал ею болячку. Процедура была нудная, и нервный пациент нисколько ее не одобрял, ведь его каждый раз надо было ловить. Для этого я использовал сачок из куска грубой рыболовной сети, укрепленного на металлическом обруче, кое-как обшитом мешковиной. Собственно, поймать лису, учитывая ее повадки, было не сложно. Выгонишь из будки и закроешь дверцу — лиса начинает равномерно труситься по краю вольера. Остается быстро опустить сачок прямо перед ней, чтобы не успела свернуть, и лиса сама в него забежит. Правда, при этом надо было соблюдать осторожность, ведь, несмотря на мешковину, металлический обруч мог натворить бед.

На четвертый день, войдя с сачком в вольер, я увидел, что болячка начинает заживать. Лиса, как обычно, кружила вдоль ограды, и я приготовился ее ловить. В это время незаметно подъехал на велосипеде Билли. Только я выбросил вперед сачок, вдруг из-за ограды донесся пронзительный крик:

— Йо-хо-о!

Вздрогнув от неожиданности, я дернул сачок, он подскочил сантиметров

на пять, и обруч ударил лису по ногам. Раздался хруст, словно наступили на гнилой сучок: правая передняя нога лисы сломалась как раз посередине между локтем и лапой.

— Идиот чертов! — крикнул я. — Смотри, что из-за тебя вышло.

— Извини, — сокрушенно произнес Билли, глядя на лису, которая продолжала бегать с той же скоростью, но уже на трех лапах. — Я не видел, чем ты занят.

— И как назло Фил сегодня выходной, — продолжал я. — Что мне теперь делать, черт возьми? Нельзя же ее так оставить.

— Отнесем ее к старикану, — решительно сказал Билли. — Отнесем к старикану, и он все сделает. Так и Фил поступил бы.

Я вдруг вспомнил, что капитан — опытный ветеринар; совет Билли был не так уж плох.

— А где твой отец? — спросил я.

— В кабинете, — ответил Билли. — Сидит в кабинете и работает. Он говорит, что ему всегда лучше работается по субботам, когда нет никаких секретарей и никто ему не мешает.

— Ясно, — сказал я. — Тогда пойдем и помешаем ему.

Я поймал лису сачком, потом извлек ее из сети. Бедняжка отчаянно огрызалась. Эти небольшие зверьки подчас не уступают свирепостью бенгальскому тигру. Исследовав лису, я определил, что перелом удачный, если вообще так можно говорить о переломе. Кость не раздроблена, не расплющена, не смещена. Аккуратный, ровный надлом, как если бы вы надломили корень сельдерея. Понятно, от лисы нельзя было требовать, чтобы она разделяла мою радость, но я-то знал, что такую травму легче обработать и шансы на благополучное заживление очень хорошие.

Придя в дирекцию, мы обнаружили, что капитан закончил работу и ушел к себе. Миссис Бил объяснила, что он принимает ванну, и я приготовился ждать, когда кончится омовение. Однако миссис Бил и Билли заверили меня, что наперед невозможно сказать, сколько капитан может просидеть в ванне. Во имя гуманности мы должны были потревожить его. Билли подошел к ванной и принялся колотить в дверь.

— Отваливай! — рявкнул капитан; за этим возгласом последовал такой шум, словно четырнадцать испуганных бегемотов одновременно пытались выбраться из садового пруда. — Отваливай, я купаюсь.

— Поживей, — крикнул Билли. — У нас тут лиса ногу сломала.

Шум стих, только чуть плескалась вода.

— Что ты сказал? — недоверчиво спросил капитан.

— Лиса ногу сломала, — повторил Билли.

— Никакого покоя! — взревел капитан. — Никакого покоя в этом доме. Ладно... несите ее в кабинет, сейчас приду.

Мы пошли в кабинет и сели. До нас отчетливо доносился голос капитана.

— Глэдис! Глэдис! Где мои туфли?.. Ах да, они здесь... Они притащили лису со сломанной ногой. Приготовь новый гипсовый бинт... Откуда мне знать, где он? Поищи. Где-нибудь лежит. А где мои кальсоны, Глэдис?

Наконец он ввалился в кабинет, розовый после купания; следом вошла миссис Бил с большой железной банкой в руках.

— А, Даррел, это вы? — пророкотал капитан. — Лиса, говорите? Ну-ка, по-

смотрим.

Лиса, более или менее смирившись со своей судьбой, лежала у меня на руках. Однако могучая фигура и низкий голос капитана Била напугали ее, она оскалилась и издала долгое предупреждающее рычание. Капитан живо отпрянул.

— Держите ее, — рявкнул он. — Возьмитесь покрепче за загривок.

— Уже взялся, капитан, — ответил я.

Крепче держать нельзя было, не рискуя обезглавить зверька.

Бережно просунув ладонь под сломанную ногу, я чуть приподнял ее, чтобы капитан мог изучить травму.

— Так, — сказал он, поправляя очки и всматриваясь. — Аккуратненький переломчик. Дела. Теперь за работу. Билли, ножницы.

— Где я возьму ножницы? — беспомощно произнес Билли.

— Где, где, черт возьми! — прорычал капитан. — Думай головой! В маминной корзине с рукоделием, где же еще!

Билли скрылся в поисках ножниц.

— И скажи Лоре, чтобы шла сюда, — крикнул капитан ему вдогонку. — Нам понадобится ее помощь.

Я поглядел на простертое на моих руках маленькое стройное существо и попытался представить себе реакцию капитана, если бы пострадало животное покрупнее — скажем, лошадиная антилопа или жираф.

— Лора делает уроки, — сообщила миссис Бил. — Может быть, сами справимся, милый?

— Нет, — решительно произнес капитан, забирая у нее банку. — Это новое средство. Мне понадобится помощь.

— Но я помогу тебе, милый.

— Тут всем хватит дела, — сурово сказал капитан.

Вернулся Билли — с ножницами и с сестрой.

— Теперь слушайте, — возвестил капитан, зацепив подтяжки большими пальцами, — делаем так. Прежде всего выстригаем волосы на сломанной ноге, понятно?

— Зачем? — тупо спросил Билли.

— Затем, что этот чертов гипс не будет держаться на волосах, — объяснил капитан, раздосадованный такой недогадливостью.

— Не кричи, Вильям, ты пугаешь лису, — тревожно заметила миссис Бил.

— Пока вы тут спорите, можно я пойду и сделаю уроки? — осведомилась Лора.

— Оставайся здесь, — отрезал капитан. — Ты можешь оказаться важным звеном в общей цепи.

— Хорошо, папа.

— Так вот, Даррел, — продолжал капитан. — Этот гипсовый бинт — новинка, ясно?

Он похлопал ладонью банку, и на его стол легло облако гипсовой пыли.

— Новинка, сэр? — переспросил я с искренним интересом.

— Вот именно. — Капитан снова зацепил подтяжки большими пальцами. — Ведь как было раньше: накладываешь лубки, бинтуешь, потом мажешь сверху гипсом. Возня, мазня, уйма времени.

Я отлично знал, что этот способ неудобен, отнимает много времени и дале-

ко не всегда приносит успех, — сам неоднократно применял его, пытаюсь лечить птиц со сломанным крылом или ногой. Но сейчас не стоило делиться своим опытом хотя бы потому, что капитан собирался продемонстрировать мне новый способ гипсования — быстрый, удобный и надежный. А ведь я за тем и приехал в Уипснейд, чтобы приобретать знания.

— Итак, — сказал капитан, — показываю новый способ.

Он поднял банку и уставился на нее, сдвинув очки на кончик носа и недоверчиво скривив рот. Некоторое время было слышно только неразборчивое бормотание: капитан читал про себя инструкцию.

— Так, ясно. Глэдис, теплой воды. А ты, Билли, выстригай шерсть на лапе.

— Мне можно пойти делать уроки? — жалобно спросила Лора.

— Нет! — рявкнул капитан. — Ты... ты... ты подметаай пол, чтобы не было волос. Гигиена.

Таким образом, капитан всех расставил по боевым постам. Миссис Бил гремела посудой на кухне, готовя воду, мы с Билли устроили соревнование стригалей, не считаясь с решительными протестами лисы; Лора хмуро подметала пол. Развернув свои подразделения, капитан снял крышку с банки и не очень ловко отмотал метр-два бинта, густо пропитанного гипсом. Потом Заходил взад-вперед по кабинету, внимательно рассматривая бинт, причем гипс сыпался на пол так, словно в кабинете зарядил небольшой снегопад. Самые мелкие частицы образовали в воздухе туман, от которого мы все закашлялись.

— И чего только не придумают! — восхищался про себя капитан, продолжая рассыпать гипсовые снежинки.

Вернулась миссис Бил с кастрюлей горячей воды.

— Прекрасно. — Капитан снова приступил к организации. — Теперь, Билли, Лора, Глэдис, держите этот бинт.

Окутанный белым облаком, он отмотал метров пять бинта и вручил членам своей семьи.

— Натяните, — скомандовал он. — Туже натягивай, Глэдис! Он у тебя провисает... вот так... вы готовы, Даррел?

— Готов, сэр, — отозвался я.

— Крепче держите загривок, ясно? Чтобы не вырвалась в решающий момент.

— Все в порядке, сэр, держу крепко.

— Отлично.

Капитан схватил кастрюлю и пошел вдоль бинта, брызгая на него водой.

— Видите, Даррел? — Он поймал мокрый конец бинта и помахал им в мою сторону. — Никаких лубков не надо, ясно? Сам бинт играет роль лубков.

Для наглядности капитан несколько раз обмотал бинт вокруг указательного пальца.

— Никакой возни с лубками, — повторил он, поднося обмотанный палец к моему носу. — Не то что эта старая волынка, видите?

Стол и пол кабинета напоминали кое-как подготовленную лыжную трассу, но я, понятно, помалкивал.

А дальше все пошло наперекосяк. То ли капитан неверно прочел инструкцию, то ли еще что, но намотанный на его палец конец бинта твердел с поразительной быстротой.

— А черт, — с жаром произнес капитан.

— Вильям, голубчик!

— Где ножницы? Кто взял эти окаянные ножницы?

Ножницы нашлись, и капитан освободился от цепкого бинта, изрядно замазав при этом свои очки гипсом.

— Теперь, Даррел, — сказал он, подслеповато косясь на лису, — оттопырьте ей ногу.

Я поспешил выполнить команду, и капитан несколько обмотал сломанную ногу бинтом, продолжая брызгать на него водой. Скоро лиса, капитан Бил и я стали похожи на водных млекопитающих.

— Еще бинта! — пророкотал капитан, сосредоточенно трудясь.

Но тут объявилось новое препятствие. Кусок бинта, который держали миссис Бил, Лора и Билли, подсох, затвердел и пристал к пальцам, соединив всех троих вместе, словно гирлянду из маргариток.

— От вас никакого толку, черт возьми, — кричал капитан, освобождая их от бинта ножницами. — И это называется помощь! Ну-ка, отмотайте еще.

В своем старании смягчить отцовский гнев Билли уронил банку, и она покатилась по полу, волоча за собой гипсовый бинт. Кабинет директора уподобился перевязочному пункту в разгар боя. Казалось, все и вся покрыто пленкой гипса и петлями бинта.

— Бестолочь! — орал капитан. — Чертова бестолочь, все трое! Посмотрите на себя... посмотрите на бинт. Вы... вы... простофили, вот вы кто!

В конце концов миссис Бил утихомирила капитана, затем Лора и Билли отмотали новый кусок, миссис смочила его, и побагровевший капитан, тяжело сопя, обмотал ногу лисы еще несколькими витками.

— Ну, так сойдет, — заключил он, выпрямляясь.

Мне доводилось видеть более профессиональную работу, но капитан был доволен. Лицо его озаряла улыбка, очки обрамлял слой гипса, лысина казалась напудренной, к одежде тут и там пристали клочки бинта, и длинный кусок прочно обмотался вокруг одной его туфли.

— Вот так, Даррел, — удовлетворенно пророкотал он. — Что значит новинка, совсем другое дело... намного проще, видите?

— Вижу, сэр, — ответил я.

10 ТОЛЬКО ЗВЕРИ

Одни животные предназначены увеселять человека таковы обезьяны, мартишки и попугаи, другие созданы для упражнения человека, чтобы он не забывал о своем ничтожестве и могуществе Бога. И для этого созданы мухи и вши; а львы, и тигры, и медведи созданы, чтобы человек, во-первых, сознавал свое ничтожество, во-вторых, был утрашен. А некоторые животные созданы, чтобы облегчать и пользоваться различного рода людские немощи, так, из гадючьего мяса готовится противоядие.

Барфоломей. Бартоломеус де ПроприетабусРерум

Проработав в Уипснейде немногим больше года, я решил уволиться. Это не было опрометчивым шагом, мое намерение заняться отловом зверей и в конце концов организовать свой собственный зоопарк оставалось в силе, — просто я понимал, что дальнейшее пребывание в Уипснейде не приблизит меня к цели. Мне нисколько не возбранялось и дальше работать мальчиком на позверюшках, но у меня были другие планы.

Я знал, что в скором времени, когда мне исполнится двадцать один год, я смогу получить наследство, три тысячи фунтов. Не состояние, конечно, но в те дни на три тысячи фунтов можно было сделать куда больше, чем теперь. И сидя по вечерам в своей комнате-камере в холодной гулкой «лачуге», я писал тщательно продуманные письма всем тогдашним профессиональным звероловам. Рассказывал о своем опыте и заверял, что готов сам покрыть свои расходы и работать даром, если окажется возможным взять меня в экспедицию. Один за другим приходили ответы, вежливые, но недвусмысленные. Меня благодарили за предложение, но, поскольку я не располагал опытом зверолова, возможность моего участия отпадала. Однако я могу обратиться снова, когда приобрету нужный опыт. Но ведь я для того и просился в экспедицию, чтобы приобрести опыт, так что толку от такого совета было мало. Старая сказочка про белого бычка: меня не могут взять, пока я не набрался опыта, я не могу набраться опыта, пока меня не возьмут.

И вот тут-то, когда положение казалось совершенно безысходным, меня осенила блестящая мысль. Если я использую часть наследства на то, чтобы снарядить собственную экспедицию, то смогу потом не кривя душой заявить, что приобрел опыт; глядишь, кто-нибудь из великих не только возьмет меня с собой, но даже назначит мне жалованье. Заманчивейшая перспектива!

Мое решение уволиться из зоопарка было встречено неодобрительно. Фил Бейтс уговаривал меня остаться, капитан Бил поддерживал его.

— Вы ничего не добьетесь, Даррел, если будете вот так метаться, — укоризненно бормотал он во время прощального кэрри, точно я, работая в Уипснейде, взял привычку каждую неделю подавать заявление об уходе. — Оставайтесь... со временем возглавите секцию... пойдете в гору...

— Спасибо, сэр, но я мечтаю заняться отловом зверей.

— На этом деле не разбогатеешь, — скорбно заметил капитан. — Только деньги бросать на ветер, помяните мое слово.

— Не порти Джерри настроение, Вильям, — сказала миссис Бил. — Я уверена, у него все получится.

— Вздор! — угрюмо возразил капитан. — Никто еще не разбогател на звероловстве.

— А как же Гагенбек, сэр? — спросил я.

— Это было в старые добрые времена, — ответил капитан. — Тогда деньги чего-то стоили... на золотой соверен можно было положиться... не то что нынешние бумажки, им только в уборной висеть.

— Вильям, голубчик!

— А что, разве неправда? — отрезал капитан. — Прежде деньги были деньги. А теперь — туалетная бумага.

— Вильям!

— Во всяком случае, не забывайте нас, навещайте, ладно? — сказал капитан.

— Да-да, непременно, — подтвердила миссис Бил. — Мы будем скучать без вас.

— Всех лучших зверей в своей коллекции я буду резервировать для вас, сэр, — обещал я.

В последнюю ночь, лежа в постели, я попробовал подытожить, что дал мне Уипснейд. Чему я научился?

Итог получился по большей части отрицательным. Конечно, я научился, как сподручнее нести кипу сена на вилах, как орудовать метлой и лопатой, узнал, что смиренный на вид кенгуру, если загнать его в угол, может прыгнуть на вас, ударить задними ногами и распороть самый прочный плащ. Но все же главные уроки были типа "чего не надо делать".

Правда, я еще понял, как важен для зоопарка штат служащих. Без них ничего не сделаешь, поэтому чрезвычайно важно поднять престиж этой тяжелой и грязной работы, а главное — тщательно подбирать людей. В мое время в Уипснейде служащими были преимущественно сельскохозяйственные рабочие, которых первоначально наняли обнести оградой зоопарк и отдельные загоны. В результате я работал вместе с сорока — пятидесятилетними мужчинами, которые знали о вверенных им животных меньше, чем знал я, двадцатилетний парень. В этом не было их вины, они отнюдь не стремились стать зоологами. Они ходили на службу, и все трудились честно, но без особого интереса. В этом я очень наглядно убедился в первый же день работы в секции жирафов.

Берт велел мне около четырех часов разжечь огонь под большим котлом с водой, и я послушно выполнил его указание. Когда вода вскипела, Берт развел в двух ведрах теплую воду и сказал, что мы пойдём поить жирафа. Глядя, как жираф утоляет жажду, я спросил Берта, почему вода непременно должна быть теплой.

— Почему я знаю, парень? — ответил он. — Когда его привезли, велели поить теплой водой... не знаю зачем.

Тщательное расследование позволило мне разрешить загадку. Шестью-семью годами раньше, когда жирафа только привезли, он простудился. Решили, что теплая вода ему будет приятнее холодной, отдали соответствующее распоряжение, а отменить его забыли. И семь лет жираф безо всякой нужды пил теплую воду. Хотя Берт очень любил своих подопечных и гордился ими, ему ни разу не пришлось в голову выяснить, так ли уж необходима для блага жирафа теплая вода.

Недостаточный интерес или недостаточные знания отражаются на качестве наблюдений, а при уходе за дикими животными внимательное наблюдение чрезвычайно важно хотя бы потому, что дикие животные — великие мастера скрывать свои недуги, и если вы не изучили основательно своих питомцев и не следите за ними самым внимательным образом, то непременно пропустите нюансы, по которым можно определить, в чем дело.

А еще я понял в Уипснейде следующее: в корне ошибочно считать, будто, чем больше клетка или вольер, тем лучше чувствует себя животное. "Такой зоопарк, как Уипснейд, я признаю", — эти слова я часто слышал от доброжелательных и мало сведущих любителей животных. Ответ очень прост: "А вы попробовали бы там поработать, попробовали бы ежедневно следить за стадом в загоне площадью пятнадцать гектаров, чтобы точно знать, что никто не болеет, никто не голодает из-за притеснения сородичами, что все стадо в целом получает достаточно кормов".

Допустим, кому-то в стаде нужна помощь — надо еще погоняться за ним по всем этим гектарам; когда же наконец поймал (дай бог, чтобы животное раньше не поломало себе ногу или не погибло от разрыва сердца), то придется лечить не только от исходного недуга, но и от шока, вызванного погоней. Конечно, теперь задача упрощается такими приспособлениями, как стрелы с транквилизатором, но когда я работал в Уипснейде, чрезмерно большой загон в конечном счете только вредил животным. Единственным его плюсом было то, что он ублажал антропоморфные души, восстающие против «заточения» животных. К сожалению, такой взгляд на зоопарки по-прежнему распространен среди доброжелательных, но совершенно невежественных людей, которые упорно судят о матушке Природе как о милостивой старой даме, хотя на самом деле она — жестокое, неумолимое и предельно хищное чудовище.

Трудно спорить с такими людьми, они пребывают в блаженном неведении, полагая, что в зоопарке животное томится, словно в тюрьме, а дикая природа — райские кущи, где барашек лежит рядом со львом, не опасаясь, что тот им поужинает. Вы можете сколько угодно говорить о непрерывных повседневных поисках пищи в естественных условиях, о постоянном нервном напряжении из-за необходимости избегать врагов, о борьбе с болезнями и паразитами, о том, что для некоторых смертность потомства в первые шесть месяцев превышает пятьдесят процентов. "Ну и что, — ответит пребывающий в плену иллюзий любитель животных, выслушав все ваши доводы, — зато они свободны". Вы объясняете, что у животных есть свои, четко ограниченные территории, которые определяются тремя факторами: пища, вода и пол. Обеспечьте их всем этим на ограниченном участке, и животные никуда не уйдут. Но люди словно одержимы словом «свобода», особенно в отношении к животным. Их нисколько не заботит степень свободы банковского клерка, шахтера, рабочего, плотника, официанта, а ведь если изучить как следует эти и другие человеческие разновидности, окажется, что работа и обычаи ставят их в такие же узкие рамки, какие ограничивают любого обитателя зоопарка.

На другое утро я запасся гостинцами и совершил прощальный обход. На душе было грустно, ведь работа в Уипснейде доставляла мне радость, но, с другой стороны, каждое животное сейчас воплощало для меня край, который я мечтал посетить, служило как бы ободряющим географическим указателем. Вомбат Питер, хрумкающий земляными орехами, представлял континент ан-

типов — Австралию с ее диковинными красными пустынями и еще более диковинной фауной, с прыгающим и скачущим зверьем, с млекопитающими, которые откладывают яйца, и с прочими чудесами. Оранжевые, будто солнечный закат, тигры Поль и Морин (они получили по яйцу) — Азия, слоны в наряде из драгоценных камней, могучие носороги в доспехах, лучезарные бастионы Гималаев, покрытые сонмами диких баранов. Белые медведи Бэбс и Сэм, с радостным шипением уплетающие мороженое, воплощали изрезанные, молочно-белые снежные поля и холодное глубокое море — суровое море цвета вороньего крыла. Ослепительные черно-белые зебры и закутанный в гриву Альберт — Африка, черный континент, где в ярко-зеленых влажных лесах бродит плечистая горилла, где степи гудят под миллионами скачущих копыт, где розовые фламинго превращают озера в цветущие сады.

На каждом шагу животные кивали мне, утверждая меня в моем решении. В последний раз шлепая тапиров по ягодицам и засовывая бананы в пасть под тугим носом, я представлял себе, как отправлюсь на их родину, в Южную Америку: огромные деревья с гроздьями обезьян, похожих на эльфов, могучие, неторопливые кофейно-коричневые реки — обитель острозубых рыб и мирных черепах. При мысли о том, сколько мест надо посетить, сколько животных увидеть, меня обуревало нетерпение. Волки и бурые медведи представляли шелестящие северные леса; жираф Питер в плетеном одеянии указывал мне на коричневатые равнины Африки с хрусткой травой под сенью причудливых фигурных крон акации; бизоны в косматых накидках звали меня на могучие волнистые просторы североамериканских прерий.

Товарищи по работе по-разному восприняли весть о моем уходе.

— Помни, дружище, чему я тебя учил, — сказал Джеси, цыкая зубом и пристально глядя на меня. — И не зевай. Одно дело лев за решеткой, совсем другое, когда эта зверюга подкрадывается к тебе сзади, ясно? Будь осмотрительным, парень.

— Не представляю себе, как ты справишься, — заметил Джо, поджимая губы и качая головой. — Я бы ни за что не взялся, хоть сто фунтов предложи. В общем, действуй, как Джеси говорит, и будь поосторожнее.

— В Африку собираемся? — сказал мистер Коул. — Тоже мне исследователь нашелся.

— Всего доброго, мальчуган, — пробурчал старина Том, крепко стискивая мою руку своими красными лапищами в ознобышах. — Не забудь открыточку прислать, ладно? Береги себя.

— Счастливо, старина, — сказал Гарри с веселой искоркой в глазах. — Да я уверен: у тебя и без моих пожеланий все будет в порядке. Погонится кто за тобой, так ведь ты не хуже моего скорость развиваешь. Не пропадешь.

— Всего доброго, парень, — произнес Берт, выныривая из-под длинной шеи жирафа, чтобы пожать мне руку. И добавил, словно мне предстояла свадьба: — Желаю тебе большого, большого счастья.

— Понадобится помощь — пиши, — серьезно сказал смуглолицый Фил Бейтс. — Уверен, капитан тебе всегда поможет. А надумаешь вернуться — что-нибудь изобретем для тебя.

Он улыбнулся, пожал мне руку и зашагал, монотонно насвистывая, через расцвеченный россыпями нарциссов Зеленый лес, и кенгуру с павлинами не спеша расходились, пропуская его.

Я взял чемодан и вышел из зоопарка.

ЭПИЛОГ

За что я благодарен Уипснейду, так это за то, что там я пуще прежнего при-страстился к чтению. Меня окружали тысячи вопросов и окружали люди, которые не могли на них ответить, поэтому я обращался к книгам. Не без удивления вычитал я, что зоологические сады отнюдь не новое изобретение. Так, у царя Соломона был свой зверинец в 794 году до нашей эры, а еще раньше, в 2900 году до нашей эры, процветали зоопарки в Саккаре, в Древнем Египте. Тутмос III содержал зверинец в 1501 году до нашей эры, а его мачеха Хатшепсут (по всему видно — выдающаяся женщина) снарядила экспедицию за животными в Пунт (нынешнее Сомали). У Рамсеса II была завидная коллекция, включавшая, в частности, жирафов. Далее в ряду венценосных любителей зверей мы видим китайцев: император Вань Вэнь учредил на площади в 600 гектаров парк, который назвал Линь-ю, то есть Парк разума, вполне подходящее имя для надлежащим образом организованного зоопарка. Много зоопарков было у ассирийцев, в том числе у таких известных, как царица Семирамида (она особенно любила леопардов), ее сын Ниниа (он предпочитал львов) и царь Ашшурбанипал, специалист по львам и верблюдам. Птолемей I основал огромный зверинец в Александрии, расширенный затем Птолемеем II. О его масштабах можно судить по тому, что во время праздника Диониса через александрийский стадион целый день проходила процессия, в которой участвовали восемь пар страусов в упряжи, павлины, цесарки, 96 слонов, 24 льва, 14 леопардов, 16 пантер, 6 пар дромадеров, жираф, огромная змея и носорог, не говоря уже о сотнях домашних животных. Мало какой современный зоопарк сумел бы организовать такое шествие.

В Европе первые зверинцы принадлежали древним грекам и римлянам; они частью служили для исследований, частью обслуживали цирки. Вплоть до прошлого века зоологические сады выполняли две функции — позволяли ближе изучать животных и способствовали просвещению и развлечению людей чудесами, которые господь сотворил для своего ближайшего родственника. К сожалению, развлекательные цели постепенно взяли верх над исследовательскими; исключения составляли очень немногие зоопарки. Животных держали только для увеселения публики; англичане шли в зоопарк, движимые примерно тем же любопытством, какое побуждало их прадедов посещать Бедлам — знаменитый дом для умалишенных. И поныне, увы, многие ходят в зоопарк с такими же запросами, однако интерес к экологии и поведению животных растет, а это здоровый признак. Быть может, в старые времена, когда мир представлялся бездонным рогом изобилия, доверху набитым животными, естественно было смотреть на зоологические коллекции всего лишь как на занимательное зрелище. И ведь никто не пытался всерьез размножать животных: умрет какой-нибудь зверь — на его место везут другого из неистощимых, как тогда казалось, кладовых матери Природы. В наши дни такой подход представляется непозволительным.

Изучая литературу, я с ужасом узнавал, как хищнически человек обращается с природой, какие страшные опустошения производит в рядах животных. Безобидный нелетающий дронг был истреблен почти сразу после его открытия. В Северной Америке несметные стаи странствующих голубей "затмевали небо", а их гнездовья простирались на сотни квадратных километров. Мясо

этих голубей пришлось по вкусу людям; последний представитель вида умер в Цинциннатском зоопарке в 1914 году. Квагга, удивительная полулошадь, полузебра, некогда столь распространенная в Южной Африке, безжалостно истреблялась бурскими фермерами; последняя квагга умерла в Лондонском зоопарке в 1909 году. Казалось невероятным, даже невозможным, чтобы заведовавшие зоопарками люди были настолько невежественными, что не видели нависшей над этими животными смертельной угрозы и не приняли никаких мер. Разве не в том одна из главных функций зоопарка, чтобы спасти животных, находящихся на грани вымирания? Почему же этого не сделали? Видно, потому, что тогда руководствовались принципом "бездонного колодца". Но мир становится все теснее, народонаселение растет, и мы все больше убеждаемся, что колодец не бездонный.

Я покидал Уипснейд с твердым намерением завести свой собственный зоопарк, но не менее твердо я решил (если этот план исполнится), что существование моего зоопарка будет оправдано лишь при условии выполнения им трех функций. Во-первых, он должен помогать просвещению, чтобы люди поняли, как прекрасны и важны другие формы жизни на Земле, перестали так уж заноситься и мнить о себе и осознали, что у остальных видов столько же прав на существование, сколько у человека. Во-вторых, в нем будет изучаться поведение животных, и не только для того, чтобы лучше понять поведение человека, но и для того, чтобы лучше помогать диким животным, — ведь не зная нужд различных видов, нельзя наладить успешную охрану. В-третьих, и эта задача представлялась мне совершенно неотлагательной, зоопарк должен служить резервуаром фауны, убежищем для угрожаемых видов, где их содержат и размножают, чтобы они не исчезли навсегда с лица земли, как исчезли дронг, квагга и странствующий голубь.

После Уипснейда мне посчастливилось, я много лет занимался тем, что снаряжал экспедиции для отлова зверей в разные концы земли, и во время этих путешествий я все больше осознавал грозящие животному миру опасности: одна опасность — прямая, когда животных убивают, другая — косвенная, когда уничтожают их среду обитания. Я чувствовал, что крайне необходимо учредить питомник для растущего числа угрожаемых видов. И я основал собственный зоопарк на острове Джерси в проливе Ла-Манш, а затем учредил Трест охраны животных с центром в этом зоопарке.

Чтобы дать вам представление о целях и задачах Треста, лучше всего привести отрывок из написанной мною брошюры о нашей деятельности:

"В последние годы заметно возрос интерес к охране животных и их среды обитания, однако сама охрана развивается медленно. Во многих странах, хотя животные официально охраняются, это охрана лишь на бумаге, потому что у правительств и соответствующих учреждений недостает денег или людей, чтобы последовательно проводить законы в жизнь. По всему миру множество видов находится под угрозой из-за прямого или косвенного воздействия человека. Необходимо помнить, что истребить многочисленный вид изменением или уничтожением его среды обитания так же легко, как поголовным отстрелом.

Во многих случаях популяции сократились настолько, что без помощи человека виду грозит вымирание, ибо слишком малочисленная популяция не может бороться с угрожающими ей естественными

опасностями, такими, как хищники или недостаток корма. Именно на таких видах сосредоточил свое внимание Трест. Если удастся создать плодовые колонии в идеальных условиях, с полным обеспечением кормами, без угрозы со стороны хищников, при охране потомства с момента рождения, тогда эти виды уцелеют. Впоследствии, когда на родине видов соберется достаточно средств, чтобы осуществить действенные защитные меры, можно будет вернуть туда плодовитую группу и вновь заселить те районы, где данный вид вымер.

О том, что это не только возможно, но и крайне необходимо, говорят многочисленные примеры. Так, в Китае вымер олень Давида, но благодаря покойному герцогу Бедфордскому в Вобурне была создана плодовая колония. Теперь это великолепное животное спасено и недавно реинтродуцировано в Китай.

Другой яркий пример — спасение гавайской казарки Трестом Питера Скотта. Благодаря усилиям Скотта, в разных зоологических и орнитологических учреждениях мира созданы большие плодовые колонии, казарка реинтродуцирована на Гавайские острова и заселяет свой прежний район обитания.

Перечень таких достижений достаточно велик, он включает и зубра, и лошадь Пржевальского, и сайгака, и других животных.

Можно сказать, что Джерсийский Трест охраны животных — своего рода стационарный ковчег. Его цель — попытаться спасти от полного истребления некоторые виды животных точно так же, как музеи хранят великие творения искусства, а различные общества обеспечивают охрану древних памятников и строений. Животные, населяющие вместе с нами эту планету, не менее важны, и если еще можно представить себе рождение нового Рембрандта или Леонардо да Винчи, то никакие наши усилия, даже в век потрясающего развития технологии, не помогут возродить истребленный вид фауны".

Если вы прочли эту книгу и получили от нее удовольствие, могу ли я просить вас поддержать мои усилия по спасению некоторых видов от истребления?

Может быть, вы пожелаете вступить в мой Трест? Ежегодный взнос невелик, но я могу вас заверить, что ваши деньги принесут пользу. Если вас волнует судьба животного мира, пожалуйста, пишите мне по адресу:

*Джерсийский Трест охраны животных
Поместье Огр
Джерси
Нормандские острова*

С точки зрения защиты животных, дело это не терпит отлагательства, так что прошу вас помочь мне.